

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2013 года

Журнал выходит 4 раза в год

До 16.09.2024 года журнал издавался под названием «Арктика XXI век. Гуманитарные науки».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала заключается в освещении новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современных междисциплинарных исследований по актуальным вопросам изучения языков народов Севера и Арктики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д.б.н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Н. В. Малышева*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. А. Осорова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия.

Технический редактор: *А. П. Васильева*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Л. Гренобль, PhD, Чикагский университет, Чикаго, США; *Ч. Месарош*, PhD, Институт этнологии, Будапешт, Венгрия; *Я. Эфендиев*, PhD, Техасский университет, Техас, США; *М. Ууганбаяр*, PhD, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *Т. Загарпэрэнлэй*, PhD, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *С. Ж. Тажигаева*, д.филол.н., Евразийский национальный университет, Астана, Казахстан; *А. М. Фазылжан*, к.филол.н., Институт языкознания, Алматы, Казахстан; *К. К. Уметов*, к.филол.н., Кыргызский национальный университет, Бишкек, Кыргызстан; *С. А. Мызников*, д.филол.н., член-корреспондент РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *А. Н. Биткеева*, д.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Д. А. Функ*, д.ист.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; *Н. Б. Кошкарева*, д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия; *А. А. Петров*, д.филол.н., РГПУ, Санкт-Петербург, Россия; *Н. И. Данилова*, д.филол.н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *О. А. Мельничук*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Гусев*, к.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Л. С. Заморщикова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Г. Белолобская*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. А. Ярзуткина*, к.ист.н., Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27, кабинет 508

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://www.arcticjournal.ru/jour/index>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г

Academic periodical

Published since 2013

The frequency of publication is 4 times a year

Until 16.09.2024 the Journal was published under the name «Arctic XXI century. Humanitarian sciences».

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M.K. Ammosov North-Eastern Federal University».

The periodical included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI).

The aim of the journal is to highlight new results of scientific activity of the Russian and foreign scientific community in the field of modern interdisciplinary research on current issues of studying the languages of the peoples of the North and the Arctic.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy chief editor: *N. V. Malysheva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive editor: *M. A. Osorova*, Cand. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia.

Technical editor: *A. P. Vasileva*, NEFU, Yakutsk, Russia.

L. Grenoble, PhD, University of Chicago, Chicago, USA; *Ch. Meszaros*, PhD, Institute of Ethnology, Budapest, Hungary; *Ya. Efendiev*, PhD, Texas A&M University, Texas, USA; *M. Uuganbayar*, PhD, National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *T. Zagarperenley*, PhD, National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *S. Zh. Tazhibaeva*, Dr. S. in Philol., Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. M. Fazylzhan*, Cand. S. in Philol., Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan; *K. K. Umetov*, Cand. S. in Philol., Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan; *S. A. Myznikov*, Dr. S. in Philol., corresponding member of the Academy of Sciences, Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia; *A. N. Bitkeeva*, Dr. S. in Philol., Institute for Linguistic Studies, RAS, Moscow, Russia; *D. A. Funk*, Dr. S. in Hist., MSLU, Moscow, Russia; *N. B. Koshkareva*, Dr. S. in Philol., Institute of Philology, SB RAN, Novosibirsk, Russia; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *N. I. Danilova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *O. A. Melnichuk*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Gusev*, Cand. S. in Philol., Institute for Linguistic Studies, RAS, Moscow, Russia; *L. S. Zamorshhikova*, Cand. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. G. Belolyubskaya*, Cand. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. A. Yarzutkina*, Cand. S. in Hist., NEFU, Anadyr, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 508 office, 27 Oyunskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://www.arcticjournal.ru/jour/index>

Accreditation certificate ПИ № ФЧ77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Kang D.</i> Embedded sentences as a defining feature of Altaic languages: evidence from Korean, Sakha, Even and Evenki.....	6
<i>Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.</i> Параметрические эквативные конструкции в обско-угорских языках.....	20
<i>Легусина У. Н.</i> Диминутивные и аугментативные формы местоимений в якутских диалектах.....	47
<i>Мызников С. А.</i> Особенности фонетической адаптации апеллятивной лексики прибалтийско-финского происхождения в контексте трансформационного освоения.....	60
<i>Романова Е. Н.</i> Традиционные знания северных тюрков-саха о природе в контексте «чувствующей» экологии (реальность и символическое пространство).....	80
<i>Тимофеева А. В.</i> Базовые цветообозначения в якутском языке в сопоставлении с монгольским и русским: корпусный анализ сочетаемости.....	94
<i>M. Uganbayar.</i> The meaning of the concrete future tense in Turkish and Mongolian.....	113

CONTENT

<i>Канг Д.</i> Вложенные предложения как характерная черта алтайских языков (на материале корейского, якутского, эвенского и эвенкийского языков).....	6
<i>Koshkareva N. B., Solovar V. N.</i> Parametric equative constructions in Ob-Ugric languages	20
<i>Legusina U. N.</i> Diminutive and augmentative pronoun forms in Yakut dialects	47
<i>Myznikov S. A.</i> Features of phonetic adaptation of appellative vocabulary of Baltic-Finnish origin in the context of transformational adaptation.....	60
<i>Romanova E. N.</i> Traditional knowledge of the northern Turkic-Sakha peoples about nature in the context of “sentient ecology” (reality and symbolic space)	80
<i>Timofeeva A. V.</i> Basic color terms of the Yakut language in comparison with Mongolian and Russian: a corpus analysis of collocations	94
<i>М. Ууганбаяр.</i> Значение конкретного будущего времени в турецком и монгольском языках.....	113

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию третий выпуск обновленного журнала «Арктика XXI век». Этот номер продолжает нести важную миссию – быть площадкой для открытого диалога о сохранении и развитии языкового и культурного наследия народов Севера и Арктики, объединяя традиционные знания с передовыми научными методами.

Если предыдущий выпуск заложил широкое проблемное поле, включившее этноботаническую, антропологическую и компьютерную лингвистику, социолингвистику и лингвокультурологию, то данный номер углубляет и конкретизирует эти направления. Фокус смещается на сравнительно-сопоставительные исследования, семантику и концептуализацию традиционных знаний, вопросы грамматики и фонетики, а также лингвистическую типологию.

География авторов номера глобальна. Авторы исследуют широкий спектр тем: синтаксис алтайских языков, эквативные конструкции в обско-угорских языках, морфологию местоимений в якутских диалектах, семантическую типологию цветообозначений на основе корпусных данных, фонетическую адаптацию прибалтийско-финской лексики, а также традиционные экологические знания тюрков-саха. Особое внимание в номере уделяется языкам коренных народов – якутскому, хантыйскому, мансийскому, эвенскому, эвенкийскому, а также финскому, монгольскому и турецкому языкам.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова подтверждает свой статус опорной площадки для междисциплинарных исследований, продолжая объединять ученых из разных стран и научных школ. Мы создаем необходимое пространство для продуктивного диалога между лингвистами, антропологами и культурологами, понимая, что будущее арктических регионов невозможно без осмысления их уникального культурного кода.

Мы уверены, что материалы этого выпуска послужат важным вкладом не только в академическую науку, но и в практические усилия по сохранению исчезающего лингвокультурного наследия. Журнал открыт для новых идей и исследований – приглашаем вас к совместной работе над этим проектом!

*С уважением, А.Н. Николаев,
ректор СВФУ, главный редактор журнала «Арктика XXI век»*

УДК 811.512

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-6-19

Original article

Embedded sentences as a defining feature of Altaic languages: evidence from Korean, Sakha, Even and Evenki

Ducksoo Kang

Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea

✉ kangds@hufs.ac.kr

Abstract

The article substantiates the proposition that the syntactic construction of “embedded sentence” represents one of the foundational features of the Altaic languages, functioning as an attribute to a noun or as a complementary subordinate clause within a single clause. Despite this fact, the feature has not yet been recognized as a general linguistic characteristic distinguishing the Altaic family from other language families, particularly the Indo-European, and its diagnostic potential for establishing Altaic kinship remains understudied. Using data from Korean, Sakha (Yakut), Evenki and Even languages, the study demonstrates that embedded sentences consistently function as noun modifiers or complementary clauses, elucidating the meaning of the main clause. For instance, the constructions [Min oŋor-dox-pun] in Sakha and [Næ-ga mand-in gəs-il] in Korean (meaning “look at what I have made”) are embedded sentences serving as complements to verbs. Analysis of Tungusic languages reveals similar double-subject structures confirming the universal nature of this phenomenon in Altaic linguistics. The study shows that embedded sentences often marked by nominalization and fulfilling the roles of subject, object or predicate, constitute a central grammatical principle rather than a peripheral phenomenon. In conclusion, it is argued that embedding possesses diagnostic potential comparable to other established features of Altaic languages, such as agglutination or vowel harmony and should be considered as a key criterion for their genealogical and typological classification within the Altaic hypothesis.

Keywords: Altaic languages, embedded sentences, syntactic typology, language universals, Sakha (Yakut) language, Korean language, Tungusic languages, comparative linguistics

For citation: Kang D. Embedded sentences as a defining feature of Altaic languages: evidence from Korean, Sakha, Even and Evenki. *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 6-19. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-6-19

Оригинальная научная статья

**Вложенные предложения как характерная черта алтайских языков
(на материале корейского, якутского, эвенского
и эвенкийского языков)**

Д. Канг

Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея

✉ kangds@hufs.ac.kr

Аннотация

В статье обосновывается положение, согласно которому синтаксическая конструкция «вложенное предложение» (embedded sentence) представляет собой одну из системообразующих черт алтайских языков, функционируя как определение к имени существительному или как дополнительное придаточное предложение в составе единой клаузы. Несмотря на это, данный признак до сих пор не получил признания в качестве общей языковой характеристики, отличающей языковую алтайскую семью от других, в особенности индоевропейской, а его диагностический потенциал для установления алтайского родства остается недостаточно изученным. На материале якутского, корейского, эвенкийского и эвенского языков демонстрируется, что вложенные предложения последовательно выступают в роли определения при имени или дополнительного придаточного, раскрывая смысл главной клаузы. Так, например, конструкции [Min oŋor-bur-pun] в якутском и [Næ-ga mand-in gəs-il] в корейском (со значением «посмотри то, что я сделал») являются обособленными предложениями, выполняющими функцию дополнения при глаголах *kör* и *bo-ara*. Анализ тунгусо-маньчжурских языков выявляет аналогичные структуры с двойным подлежащим, подтверждающие универсальный характер данного явления в алтаистике. Показано, что вложенные предложения, часто маркированные номинализацией и выполняющие роли подлежащего, дополнения или сказуемого, представляют собой центральный грамматический принцип, а не периферийное явление. В заключении утверждается, что вложенные предложения обладают диагностическим потенциалом, сопоставимым с такими установленными чертами алтайских языков, как агглютинация или гармония гласных, и должна рассматриваться как ключевой критерий их генеалогической и типологической классификации.

Ключевые слова: алтайские языки, вложенные предложения, синтаксическая типология, языковые универсалии, саха (якутский язык), корейский язык, тунгусо-маньчжурские языки, сравнительное языкознание

Для цитирования: Канг Д. Вложенные предложения как характерная черта алтайских языков (на материале корейского, якутского, эвенского и эвенкийского языков). *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 6-19 (на англ). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-6-19

Introduction

What is an embedded sentence? The concept of embeddedness in Altaic languages should be distinguished from that in Indo-European languages.

In Indo-European languages, an *embedded clause* is typically defined as a group of words that express a single idea using a subject and a verb. A dependent clause is inserted into an independent (main) clause to provide additional information.

Example 1

(a) *Jane, as soon as she heard about her mom, rushed to the hospital.*

(b) *The house, which has a beautiful blue roof, stands on a hill.*

In the sentence (a), an adverbial clause is embedded and in sentence (b), an adjectival (relative) clause is embedded – both set off by commas. If necessary, embedded clauses in Indo-European languages are enclosed in parentheses, commas, or dashes. According to Steffani, “Embedded complex sentences contain an independent clause and a dependent clause or phrase. As we know, a dependent clause and phrase must be attached to an independent one in order to have a complete meaning. Embedded phrases or clauses can be found at the beginning or end of a sentence” [1]. In the sentence “*The toy that I want is on sale,*” Steffani identifies “*that I want*” as an embedded clause. However, in this instance this clause is subordinate rather than embedded in the Altaic sense.

In Altaic languages an *embedded clause* refers to a clause that functions as a modifier of a noun or a nominal clause within a larger sentence. These clauses provide additional information about the noun or the main clause they are part of. Unlike in Indo-European languages, parentheses (such as brackets, commas or dashes) are not used to set them apart.

Example 2

Sakha: [*Min oŋor-bup-pun*] *kör.*

Korean: [*Næ-ga mand-in gəs-il*] *bo-ara.*

→ ‘See what I made.’

This paper aims to identify common characteristics of embedded sentence in Altaic languages by comparing examples from Korean, Sakha and Tungus (Evenki and Even).

Embedded sentences in Korean

The structure of incorporating sentence into another is known as embedding and it is widely used in Korean. A sentence that functions as an attribute is called “an embedded sentence” or “a lower sentence”, while the sentence that contains the embedded sentence is referred to as a “matrix sentence” or a “higher sentence” [2, p. 14].

In Indo-European languages, such structures are explained through the concept of subordination. According to Asher, “a subordinate clause is, thus, one contained within a larger and superordinate clause. Nevertheless, it is because subordination is characteristically marked internally that subordinate clauses constitute a significant syntactic class” [3, p. 3853].

Subordinate clauses are traditionally categorized based on their functional similarity to three major parts of speech:

Example 3-a

(a) *I remember [that she slapped him]* → Nominal

(b) *They arrested the man [who attacked us]* → Adjectival

(c) *She left [before it was over]* → Adverbial [3, p. 3854-3855].

However, embedded sentences in Korean are syntactically and functionally different from subordinate clauses in Indo-European languages.

Example 3-b

(a-1) *Na-nin [ginjo-ga gi-ril ttær-jæt-ta-nin-gəs-il] giækha-n-da.*

I-NOM she-NOM him-ACC slap-PST-ADNOM-NOMLZ-ACC
remember-PRS

(b-1) *Gi-dil-in [uri-ril gongjæk-han] saram-il čepohæ-t-ta.*

They-PL-NOM us-ACC attack-ADNOM man-ACC arrest-PST

(c-1) *Ginjə-nin [kkitna-gi-zəne] ttəna-t-ta.*

She-NOM be over-NOMLZ-before leave-PST

These examples demonstrate that Korean sentence structure differs fundamentally from English. In Korean, embedded sentences can function as a subject, object or predicate.

Example 4

(a) *Hyəŋ-in [næ-ga čæg-il zal il-nin-dago] malhæ-t-ta.*

Brother-NOM I-NOM book-ACC well read-PTCP[PRS]-COMPL say-PST
→ ‘Brother said that I read a book well.’

(b) *Gi-nin [Næ-ga čæg-il ilg-in gəs-il] al-go it-ta.*

he-NOM I-NOM book-ACCc read-PTCP[PST] AUX.N-ACC know-
CVB AUX.V-PR

→ ‘He knows that I read a book’.

(c) [*Næ-ga ilg-in gəs-in*] *zo-in čæg-ida*.

I-NOM read-PTCP[PST] AUX.N-NOM good-PTCP book-COPL

→ ‘It is a good book that I read.’

In Korean, embedded sentences often appear in nominalized form using the nominalizers {-im}, {-gi} or a dependent noun like *gəs* [2, p.17].

Example 5

(a) *Gi-nin [čæg-il il-gi-ril] zoaha-n-da*.

He-NOM [book-ACC read-NOMLZ-ACC like-PRS

→ ‘He likes to read a book.’

(b) *Na-nin [gi-ga čæg-il il-gəss-im-il] al-at-ta*.

I-NOMm [he-NOM book-ACC read-PST-NOMLZ-ACC] know-PST

→ ‘I knew that he read a book.’

In Korean embedded sentences are also used as adnominal components, functioning similarly to adjectives by modifying a following noun or noun phrase. This process is known as adnominalization, which is distinct from both relativization and complementation [2, p.15].

Example 6

(a) [*Næ-ga žab-in gəs-in*] *tokki-jætta*.

[I-NOM catch-ADNOM thing-NOM] rabbit-COPL[PST]

→ ‘It was a rabbit that I caught.’

(b) [*Næ-ga tokki-ril žab-atta-in gəs-i*] *aljəž-ætta*.

[I-NOM rabbit-ACC catch-PST-ADNOM thing-NOM] be known-PST

→ ‘It was known that I caught a rabbit.’

As embedding is a highly typical syntactic structure in Korean, similar phenomena are also regularly observed in the Sakha language.

Embedded sentences in Sakha

In the Sakha language, embedded sentences perform various syntactic functions including those of subject, object, predicate and adverbial clause.

Example 7-a (Sakha)

- [*kini utuj-a sit-ar-in*] *kör-d-üm*.

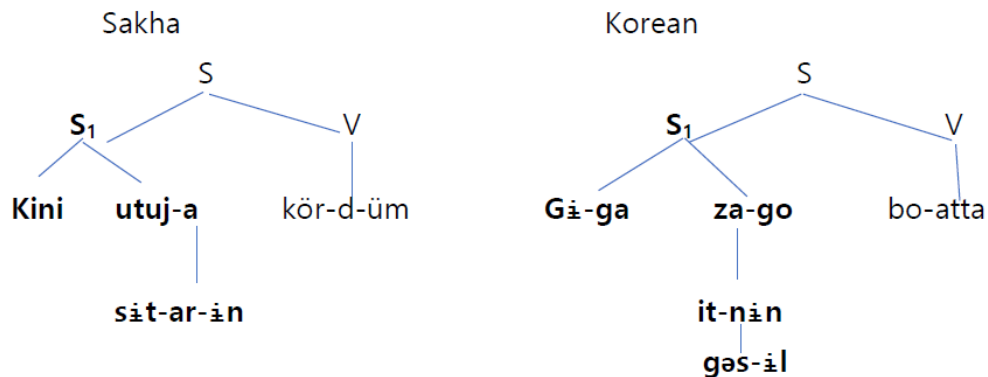
He sleep-CVB[sim] AUX.V-PTCP[PROG] -ACC see-PRET-1SG

→ ‘I saw (that) he was sleeping [4, p. 229; 5, p. 58].’

In the above example, the clause [*kini utuj-a sit-ar-in*] functions as an embedded object. The subject of the embedded clause is *kini* (‘he’), while the main clause has *Min* (‘I’) as its subject. The tense of this sentence is preterite, marked by the suffix {-d-} in the main verb *kör-d-üm* in sentence-final position, which determines the tense of the entire sentence. As the embedded clause cannot carry a tense marker. The clause [*kini utuj-a sit-ar-in*] cannot take a tense marker. The suffix {-a} in *utuj-a* is a converb marker

indicating simultaneity, while the verbal phrase *sit-ar-in* acts as an auxiliary with $\{-ar-\}$ marking progressive aspect and $\{-in\}$ marking the accusative case. A corresponding structure in Korean as follows:

Example 7-b (Korean)

- [*Gi-ga za-go it-nin gæs-il*] *bo-atta*.

He-NOM sleep-CVB AUX.V-PROG AUX.N-ACC see-PST

→ ‘I saw (that) he was sleeping.’

Structural comparison	
Sakha	[<i>kini utuj-a sit-ar-in</i>] <i>kör-d-üm</i>
Korean	[<i>Gi-ga za-go it-nin gæs-il</i>] <i>bo-atta</i>

In both Sakha and Korean, S_1 functions as the embedded clause. In the traditional Sakha grammar, this type of structure is explained as a subordinate clause [4, p. 231; 5, p. 69]. However, the concept of subordination is insufficient to describe the syntactic structure found in Sakha.

Example 8-a (Sakha)

- [*Ujbaan silži-bit-in*] *kini kepsee-betex*.

Ivan be-PTCP-ACC he tell-NEG.PTCP3SG

→ ‘He didn’t tell (that) Ivan was (there).’

This structure is better understood through the lens of embedding. Its Korean equivalent is:

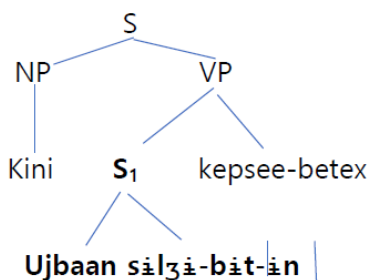
Example 8-b (Korean)

- [*Iban-i it-tanin gæ-l*] *gi-ga malha-ži an-atta*.

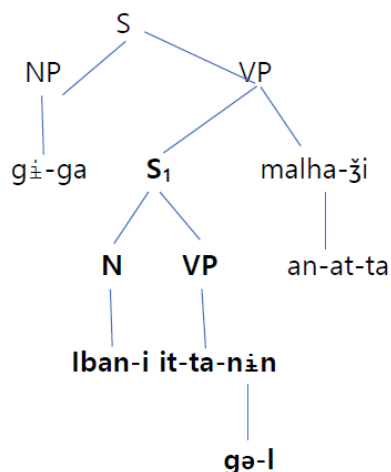
Ivan-NOM be-PTCP AUX.N-ACC he-NOM tell-CVB AUX.NEG-PST

Syntactic diagram:

Sakha

Korean

In both examples, the phrases [*Ujbaan silzi-bit-in*] in Sakha and [*Iban-i it-ta-nin ga-l*] in Korean are embedded clauses with sentential structure.

Korkina, Ubrjatova et al. do not account why participial constructions with *{-bit/-batax}* function as subject, modifier or complement in processes of substantivization, adjectivization or substitution. For instance, the sentence *Kiis-pin kitta körsü-betex-pitten olus xomoj-o-bun* is analyzed by the concept of subordination in their research [4, p. 232; 5, p. 69].

Example 9

- [*Kiis-pin kitta körsü-betex-pitten*] *olus xomoj-o-bun*

Daughter-1SG.ACC with meet-NEG.PTCP-1SG.ABL very suffer-PRS-1SG

→ ‘I am deeply pained because I have not met my daughter.’

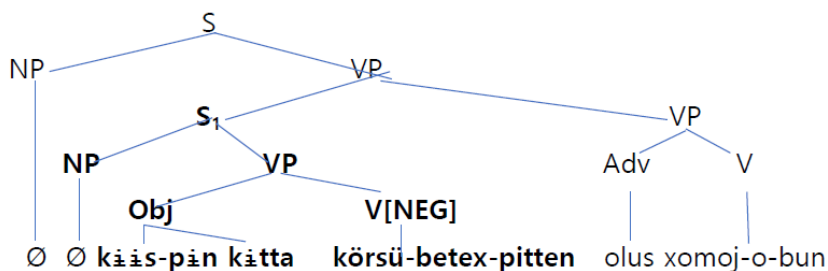
Its equivalent in Korean is as follows:

Korean: *tal-gwa manna-ji mot-hæ (na-nin) mæu görob-ta.*

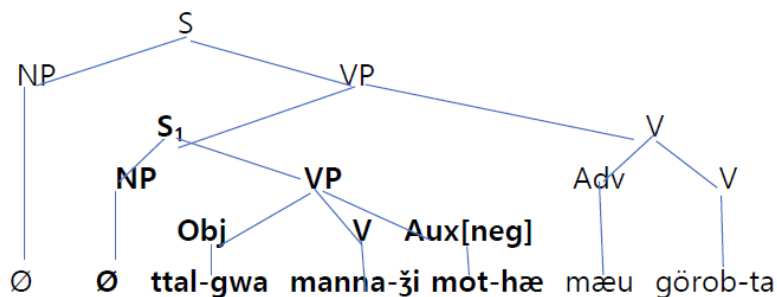
daughter-[with] meet-CVB NEG-AUX (I-NOM) very suffer-PRS

The syntactic trees for these sentences are as follows:

Sakha

Korean

Again, in both cases S_1 is more appropriately analyzed as an embedded clause rather than a subordinate clause.

A point of contention arises in cases involving modality, such as *buollara* ‘be certain’ and *dili* ‘seem’.

Example 10

Sakha: [*Min da bar-ia-m*] *buollara*.

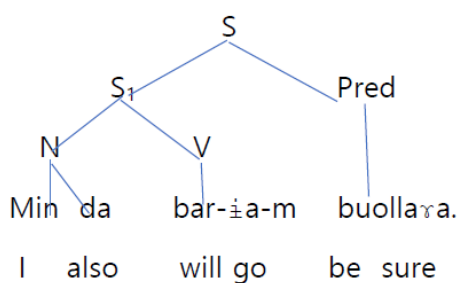
Korean: [*Na-do ga-l-ge*] *hwaksilhada*.

→ ‘It is certain that I will also go.’

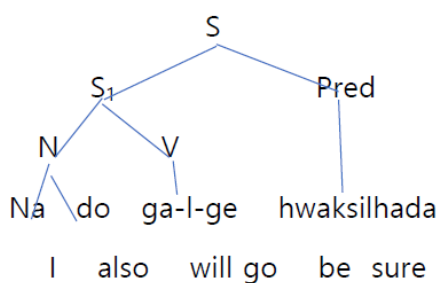
Here, [*Min da bar-ia-m*] and [*Na-do ga-l-ge*] are embedded clauses expressing the proposition ‘I will also go.’ In traditional Sakha grammar, *buollara* is treated as a modal. If modals can serve as predicates in complex sentences, then these clauses should be understood as embedded sentences.

Both are formed as:

Sakha

Korean

Example 11

[*Bu surax-i kini isti-betex-xe*] *dili*.

This news-ACC he hear-PTCP[PST.NEG]-DAT PTCL[seem]

→ ‘It seemed that he did not hear this news.’

Here again, the modals *buollara* and *dili* function as predicates, dominating embedded sentences.

Embedded sentences in Tungusic languages (Evenki and Even)

Embedding is one of the most natural syntactic phenomena in Tungusic languages. A key structural feature to understand within embedding constructions is the double-subject sentence – a sentence that includes two distinct subjects. This construction is commonly found in both Even and Evenki [6, p. 179; 7, p. 71].

Example 12 (Even)

(a) *Oran bodel-en ŋonam.*

reindeer leg-POSS3SG long

→ Reindeer's leg is long.

(b) *Noŋan min dī-β.*

he I size-POSS1SG

→ 'He is my size.'

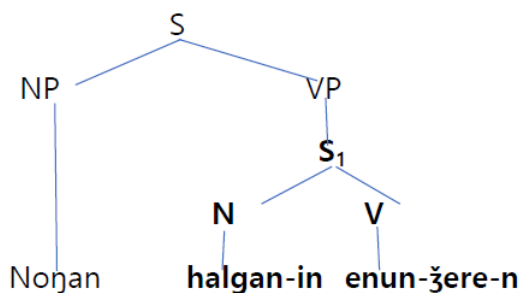
Example 13 (Evenki)

- *Noŋan halgan-in enun-žere-n.*

he foot-POSS3SG ache-PRS-3SG

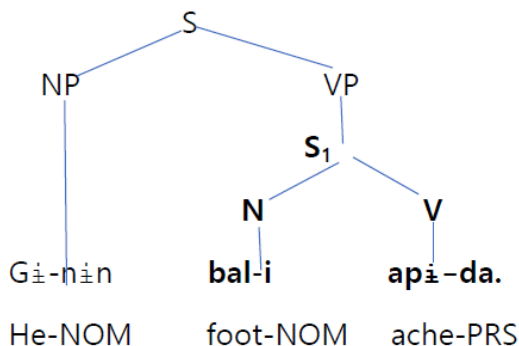
→ 'His foot hurts.'

In Example 13 the phrase *Noŋan halgan-in* forms a possessive construction meaning 'his foot'. However, at a deeper syntactic level, the meaning is closer to "he aches in the foot," indicating a double-subject structure. The embedded clause *halgan-in enun-žere-n* is dependent on the subject *Noŋan*. Thus, this sentence is analyzed as follows:

This structure closely corresponds to Korean as follows: *Gī-nin bal-i apida* ('His foot hurts').

Korean

Example 14 (Even)

(a) *Noŋan [min ɲelɛl-ri-β] ha-n.*

He I-NOM be scared-PTCP[PROG]-ACC be aware-PRS.PF3SG
→ 'He was aware that I was scared.'

Korean equivalent:

Gi-nin [næ-ga gəbmæg-in gəs-il] al-at-ta.

He-NOM I-NOM be scare-PTCP AUX.N-ACC be aware-PST

(b) *Erek [min ma-ri-β] huličəŋ-u.*

this I-NOM kill-PTCP[PRS]-POSS1SG fox-POSS1SG.

Korean equivalent:

igəs-in [næ-ga žug-in] jəu-da

This-NOM I-NOM kill-PTCP fox-COP

(c) *[Gorla hɔr-žijɛ-du-β] kɔjɛč-čot-te.*

far dapart-PTCP[FUT]-DAT-POSS1SG see-ASP[COMM]-PRS.PF3PL

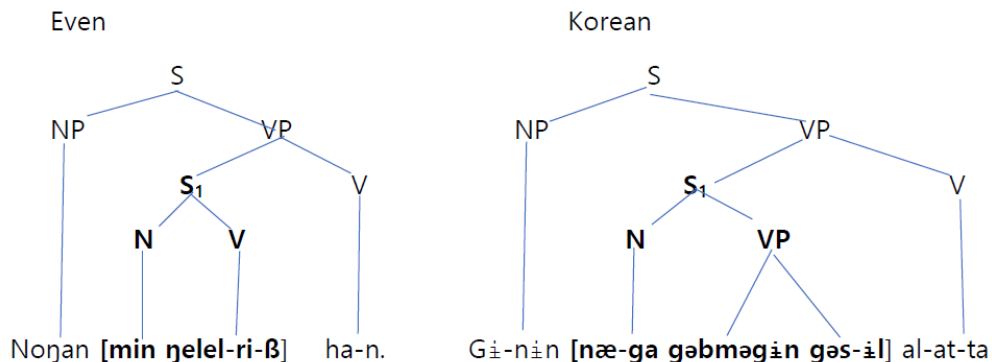
Korean equivalent:

Gi-dil-in [(næ-ga) məli galkka-bwa] bo-gon hæ-ta

They-NOM I-NOM far go-FUT.CVB see-ASP[REP] do-PST [8, p. 210-211; 9, p. 68].

The sentences in Example 14 demonstrate clear parallels in embedded sentence constructions between Even and Korean. The bracketed segments represent embedded clauses and that their syntactic structures are highly comparable.

Syntactic diagram of Example 14-(a):

Conclusion

It is widely acknowledged that the basic order in Altaic languages is SOV (Subject-Object-Verb). While this word order is significant from a typological perspective, it does not serve as sufficient evidence for genealogical classification. Therefore, SOV word order is generally not considered a defining feature of the Altaic language family.

More generally, the main typological features of Altaic languages are as follows:

- (a) absence of consonant clusters in initial position;
- (b) absence of initial *r* and *l*;
- (c) existence of vowel harmony;
- (d) absence of articles;
- (e) absence of gender;
- (f) existence of agglutination instead of inflection;
- (g) use of postpositions instead of preposition;
- (h) absence of the verb 'to have';
- (i) formation of comparative forms of adjectives with the ablative;
- (j) occurrence of modifiers before modified words and of the object before the verb [3, p. 82].

To this list, **embedding** should be added as a core syntactic and typological feature of Altaic languages. According to Choi Tong-gwon, Manchu and Mongolian also exhibit characteristic embedded sentence structures [2].

This paper has examined embedded construction in Korean, Sakha and Tungusic languages (Evenki and Even). If this analysis is extended to other languages within the Altaic family, it is highly likely that the embedding phenomenon will emerge as a consistent and recurrent trait across the group.

Given its systematic presence across Korean, Sakha and Tungusic embedding should not be regarded as a peripheral syntactic feature. Rather

it functions as a **structural principle** – comparable in its consistency and explanatory power to agglutination or vowel harmony – that underpins the grammar of Altaic languages.

Abbreviations

ABL – Ablative
ACC – Accusative
ADJ.PTCP – Adjectival participle
ADNOM – Adnominal
ADV – Adverbial
ASP – Aspect
Aux.n – Auxiliary noun
Aux.v – Auxiliary verb
COMM – Common
COMPL – Complement
COPL – Copula
CVB – Converb
NEG – Negative
NOM – Nominative
NOMLZ – Nominalizer
PF – Perfect
POSS – Possessive
POSTP – Postposition
PRET – Preterite
PROG – Progressive
PRS – Present
PST – Past
REP – Repetative
SUB – Substantive

References

1. Steffani SA. Identifying embedded and conjoined complex Sentences: making it simple. *Contemporary Issues in Communication Science and Disorders*, Spring: NSSLHA. 2007;34:44-54. DOI: 10.1044/cicsd_34_S_44.
2. Choi TG. *Comparative study of embedded sentences in Korean, Manchu and Mongolian languages*. Seoul: Korean Academic Information. 2008 (in Korean).
3. Asher RE. *The encyclopedia of language and linguistics*. Oxford: Pergamon Press Ltd. 1994.

4. Korkina EI, Ubrjatova EI, Xaritonov LN. & Petrov NE. *Grammar of the Contemporary Literary Yakut Language*. Moscow: Nauka. 1982 (in Russian).
5. Kang D. & Torotoev GG. *The Sakha (Yakut) language: An analytic grammar*. Seoul: H. Press. 2023.
6. Kang D. & Park K. *Tungus languages (Evenki and Even) and Korean*. Seoul: H. Press (forthcoming publication).
7. Lebedeva EP, Konstantinova OA. & Monakhova IV. *The Evenki language*. Leningrad: Prosveshchenie. 1985 (in Russian).
8. Cincius VI. *Introduction to the grammar of Even (Lamut)*. Leningrad: Prosveshchenie. 1947 (in Russian).
9. Kang D. & Beloljubskaja VG. *The Even language: An Analytic Grammar* (unpublished manuscript).

Литература

1. Стеффани С.А. Идентификация встроенных и сочиненных сложных предложений: упрощенный подход. *Современные проблемы науки о коммуникации и расстройствах*. Spring: Изд-во NSSLHA. 2007;34:44-54. DOI: 10.1044/cicsd_34_S_44 (на англ.).
2. Чхве Т.Г. *Hankuk-o, Manchu-o, Monggol-o naeromun bigyo yungu*. Сеул: Korean Academic Information. 2008 (на кор.).
3. Ашер Р.Э. *Энциклопедия языка и лингвистики*. Оксфорд: Pergamon Press Ltd. 1994 (на англ.).
4. Коркина Е.И., Убрятова Е.И., Харитонов Л.Н., Петров Н.Е. *Грамматика современного якутского литературного языка*. Москва: Наука. 1982.
5. Канг Д., Торотоев Г.Г. *Саха (якутский) язык: аналитическая грамматика*. Сеул: H. Press. 2023 (на англ.).
6. Канг Д., Пак К. *Тунгусские языки (эвенкийский и эвенский) и корейский*. Сеул: H. Press (готовящаяся к публикации) (на англ.).
7. Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. *Эвенкийский язык*. Ленинград: Просвещение. 1985.
8. Цинциус В.И. *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*. Ленинград: Просвещение. 1947.
9. Канг Д., Белолобская В.Г. *Эвенский язык: аналитическая грамматика* (неопубликованная рукопись) (на англ.).

About the author

Ducksoo KANG – Ph.D. (Linguistics), Professor Emeritus, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea, ORCID: 0000-0002-9075-3983, ResearcherID: S-2511-2016, Scopus Author ID: 56733981400, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

Об авторе

КАНГ Дуксу – Ph.D. (лингвистика), почетный профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея, ORCID: 0000-0002-9075-3983, ResearcherID: S-2511-2016, Scopus Author ID: 56733981400, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Поступила в редакцию / Submitted 21.07.25

Принята к публикации / Accepted 27.08.25

УДК 811.511.14; 81'367.3

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-20-46

Оригинальная научная статья

Параметрические эквативные конструкции в обско-угорских языках

Н. Б. Кошкарева¹✉, В. Н. Соловар²

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Российская Федерация

² Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Российская Федерация

✉ koshkar_nb@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается один из типов обско-угорских эквативных конструкций, в которых устанавливается равенство двух предметов по тому или иному скалярному параметру, например, по ширине, глубине, высоте, возрасту, количеству и т.п. Основание параметра в таких конструкциях выражается параметрическим существительным, которое занимает позицию сказуемого. Структурные разновидности параметрических эквативных конструкций различаются в зависимости от способа выражения и синтаксической позиции компаратов, а также от того, вербализован или нет показатель отношения. В эксплицитных параметрических конструкциях компараты занимают одну и ту же позицию подлежащего и могут быть представлены либо сочетанием двух слов сочинительного типа, либо отдельной лексемой, репрезентирующей компараты, относящиеся к одному и тому же денотативному классу; параметрическое существительное факультативно согласуется с подлежащим по числу; показателем отношения выступает прилагательное с семантикой «одинаковый», относящееся к параметрическому имени. В имплицитных параметрических конструкциях позицию подлежащего занимает первый компарат (предмет сравнения), второй компарат выполняет роль определения по отношению к параметрическому имени, позиция показателя эквативного отношения отсутствует; если стандарт сравнения выражается личным местоимением, параметрическое имя оформляется лично-притяжательными аффиксами. Материалом для исследования послужили собственные полевые и архивные материалы авторов по казымскому диалекту хантыйского языка и по мансийскому языку. Новизна исследования состоит

© Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н., 2025

в том, что впервые параметрические эквативные конструкции охарактеризованы как особый способ выражения отношений равенства, выявлены структурно-семантические различия между эксплицитными и имплицитными разновидностями.

Ключевые слова: обско-угорские языки, хантыйский язык, мансийский язык, сравнение, эквативные сравнительные конструкции, параметрические имена, компарат, предмет сравнения, эталон сравнения, параметр сравнения, основание сравнения, аспект сравнения, показатель сравнения

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Института филологии СО РАН (проект № 0263-2021-0004 «Отражение процессов культурного взаимодействия в языках Сибири и Дальнего Востока») и научной темы отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок («Теоретическая лингвистика и методика преподавания хантыйского и мансийского языков»)

Для цитирования: Кошкарева Н.Б., Соловар В.Н. Параметрические эквативные конструкции в обско-угорских языках. *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 20-46. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-20-46

Original article

Parametric equative constructions in Ob-Ugric languages

*Natalia. B. Koshkareva*¹✉, *Valentina N. Solovar*²

¹ Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

² Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation

✉ koshkar_nb@mail.ru

Abstract

This paper examines a type of Ob-Ugric equative construction that establishes the equality of two objects based on a scalar parameter, such as width, depth, height, age, quantity etc. The base of the parameter in such constructions is expressed by a parametric noun, which occupies the position of the predicate. Structural varieties of parametric equative constructions differ depending on the mode of expression and syntactic position of the comparatives, as well as on whether the relational indicator is verbalized. In explicit parametric constructions, the comparatives occupy the same subject position and can be represented either by a combination of two coordinating words or by a separate lexeme representing comparatives belonging to the same denotative class; the parametric noun optionally agrees with the subject in number;

the relational indicator is an adjective with the semantics of ‘same’, referring to the parametric noun. In implicit parametric constructions, the subject position is occupied by the first comparative (the object of comparison), the second comparative functions as an attribute in relation to the parametric noun, and the position of the equative relational indicator is absent; if the standard of comparison is expressed by a personal pronoun, the parametric noun is formed by personal-possessive affixes. The material for the study was the authors’ own field and archival materials on the Kazym dialect of the Khanty language and on the Mansi language. The novelty of this study lies in the fact that, for the first time, parametric equative constructions are characterized as a special way of expressing relations of equality, and structural and semantic differences between explicit and implicit varieties are identified.

Keywords: Ob-Ugric languages, Khanty language, Mansi language, comparison, equative comparative constructions, parametric nouns, comparat, object of comparison, standard of comparison, parameter of comparison, basis of comparison, aspect of comparison, comparison indicator

Funding. This work was carried out within the framework of a state assignment from the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Project No. 0263-2021-0004 “Reflection of Cultural Interaction Processes in the Languages of Siberia and the Far East”) and the research project of the Khanty Philology Department of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (“Theoretical Linguistics and Methods of Teaching the Khanty and Mansi Languages”)

For citation: Koshkareva N.B., Solovar V.N. Parametric equative constructions in the Ob-Ugric languages. *Arctic XXI century*. 2025, No 3. 20-46 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-20-46

Введение

Эквативность как одна из разновидностей широкого круга сравнительных отношений предполагает, что два предмета занимают одинаковое положение на шкале, заданной тем или иным градуированным признаком (‘X такой же высокий, как Y’), и обладают им в равной мере [1, с. 10]. Ключевым понятием при определении эквативности является признак «одинаковая степень» как простое одномерное понятие [2, с. 278]. Типологические основания классификации эквативных конструкций сформулированы в работах [2; 3; 4].

Эквативными мы называем такие синтаксические построения, в которых передаются отношения равенства, то есть устанавливается максимальная степень сходства компаратов на основе того или иного градуируемого признака.

Объектом описания в данной статье является одна из разновидностей эквативных сравнительных конструкций обско-угорских языков, а именно параметрические конструкции, в которых основание сравнения выражается именным сказуемым – параметрическим существительным типа ‘размер’, ‘величина’, ‘ширина’, ‘глубина’ и под.

Структура обско-угорских сравнительных конструкций неоднократно становилась предметом описания [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12, с. 991-993, 988]. В этих работах конструкции с параметрическими именами признаются ядерным средством выражения сравнения в обско-угорских языках [9; 10, с. 289-290; 13, с. 83-84].

Новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые на материале обско-угорских языков параметрические эквативные конструкции рассматриваются как отдельный структурно-семантический класс, устанавливается соответствие между планом выражения и планом содержания, систематизируются способы выражения семантических ролей, обязательных для формирования сравнительной семантики, выделяются эксплицитные и имплицитные типы конструкций.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили собственные полевые, анкетные и архивные материалы авторов, а также фольклорные произведения на казымском диалекте хантыйского языка и на мансийском языке. Основным методом является метод моделирования предложений как знаков языка в единстве их плана выражения и плана содержания.

Результаты и обсуждение

1. Типологически значимые характеристики обско-угорских эквативных конструкций

При рассмотрении обско-угорских конструкций с параметрическими именами мы ориентируемся на работу М. Хаспельмата [1], в которой предложена типологическая классификация эквативных конструкций на материале языков разных систем. В ней различается шесть типов конструкций, которые систематизируются по способам выражения компаратов, параметра сравнения и показателя отношения.

Компараты (предмет и эталон сравнения) могут занимать либо одну, либо разные синтаксические позиции. Параметр сравнения – свойство компаратов, представляющее собой основу для их сопоставления, – расщепляется на «основание» и «аспект» параметра. Основание параметра выражается, как правило, существительным, и обозначает характеристику, на которую направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма», «ширина», «глубина», «возраст», «внешний вид» и т. п. Аспект параметра называет конкретное качество, проявление которого

оценивается, например, «высокий» / «низкий» / «обычный», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др., и выражается прилагательным. Эквативное отношение передается самыми разными способами: аналитическими и синтетическими показателями, маркирующими второй компарат – стандарт сравнения (падежными аффиксами, союзами, частицами, послелогами и предлогами), а также глаголами и прилагательными разной степени специализации.

Обско-угорские эквативные конструкции с параметрическими именами в целом соответствуют типу (5) по классификации М. Хаспельмата:

[*Kim and Pat*] are equal (to each other) in height

[*Ким и Пэт*] одинаковы (по отношению друг к другу) по высоте

[N^{CMPR1} CONJ N^{CMPR2}] (cop) ADJ^{REL.EQU} N^{PRM.FUND}

Ср. хантыйское предложение, построенное по той же самой модели:

хант. *Ващай=эн*

на

Пэтай=эн

Вася=POSS.2SG.SG

CONJ

Петя=POSS.2SG.SG

CMPR1

CONJ

CMPR2

и

кърщ=ат=уэн

одинаковый

высокий=SUBST=DU

REL.EQU

PRM.ASP

Букв.: Вася и Петя одинаковый рост.

‘Вася и Петя одинакового роста.’

В таких конструкциях в роли показателя отношения выступает прилагательное с семантикой ‘одинаковый’. В хантыйском языке это полифункциональная лексема *и*, которая определяется как числительное ‘один’, прилагательное ‘одинаковый’ и усилительная частица. В мансийском – лексема *акв* с тем же набором значений. Сказуемое выражается именем существительным параметрической семантики.

2. Параметрические имена как основное лексическое средство выражения эквативности

В позиции сказуемого допускается закрытый класс лексем – параметрических существительных:

хант. каз. *луват* ‘величина, размер; рост; возраст’, *кўлат* ‘толщина’, *пәлат* ‘высота, рост’, *вўтат* ‘ширина’, *мәлат* ‘глубина’ (о гидронимах), *хўват* ‘длина’ (о неодушевленных предметах), *кърщат* ‘высота’, *вөнат* ‘величина’, *арат* ‘количество’;

манс. *яныт* ‘размер, величина; рост’, *карсыт* ‘высота, рост; величина’, *палыт* ‘размер; длина’, *лөлит* ‘высота’, *пәх*, *пәхвит* ‘ширина’, *милыт* ‘глубина’, *осыт* ‘толщина’, *хосыт* ‘длина’, *хурас* ‘облик’ и др.

Они регулярно образуются по одной и той же словообразовательной модели: основа параметрического прилагательного + аффикс **t* (хант. =*am*, манс. =*ym* / =*um*):

хант. кўл ‘толстый’ + =*am* > кўлат ‘толщина’
 вўт ‘широкий’ + =*am* > вўтат ‘ширина’
 мўл ‘глубокий’ + =*am* > мўлат ‘глубина’

Среди этих лексем представлены как моно-, так и полисеманты. Полисемантом является, например, хантыйское слово *луват* ‘величина, размер; рост; возраст’. Оно употребляется для характеристики разных величин, прежде всего для характеристики размера в самом общем смысле, а также роста и возраста, например:

хант. Нөпт=эн и лув=ат=нэн.
 возраст=POSS.2DU.SG одинаковый размер=SUBST=DU
 ‘Они одинакового возраста.’

В отличие от всех других параметрических имен, образованных от соответствующих параметрических прилагательных, в современном хантыйском языке нет прилагательного **лув* со значением типа ‘размерный’ (о системе значений параметрических прилагательных в хантыйском языке см. [14; 15]).

Падежные формы образуются присоединением показателей дательно-направительного и местно-творительного падежей к аффиксу причастия настоящего-будущего времени =*ты* / =*тый* / =*t*, который используется в составе адъективных лексем, ср. вўрты ‘красный’ > вўр ‘кровь’ + =*ты* ‘суффикс причастия’. Возможно также оформление лично-притяжательными аффиксами при сочетании с личными местоимениями:

хант. лув=ат=тый=а ‘размер=SUBST=PrP=DAT’
 лув=ат=тый=эн ‘размер=SUBST=PrP=LOC’
 лув=ат=т=эл=эн ‘размер=SUBST=PrP=POSS=LOC’.

Например: хант. Атэлт көртэн атэлт луваттэлэн вөсэт хөләм хө ‘В отдельном стойбище совсем одни (букв.: одинокая величина) жили трое мужчин’; Мсүкэн хөл пўлаттыйэн лоль ‘Стоит менк высотой с ель’; Йеүк вўс верла ньллем метра вўтаттыйэн ‘Во льду делают отверстие шириной приблизительно в четыре метра’.

Параметрическое имя может занимать позицию подлежащего, сказуемым при нем выступает абстрактное существительное *кэм* ‘степень, уровень’, обладающее наиболее отвлеченной семантикой, например:

хант. *Јуѵ=ат=јән* и *кэм=ат.*
 размер=SUBST=POSS.3PL.DU одинаковый степень=PL
 ‘Их размеры одинаковые.’

В позиции обстоятельства образа действия параметрические имена обозначают полный охват действием:

хант. *Јуѵ* *јуѵ=ат=т=ај=ән*
 он величина=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG=LOC
торый=ај=Æ
 дрожать=PR=SUBJ.3SG
 ‘Он весь дрожит.’

В следующем примере повтор параметрических существительных подчеркивает высокую степень готовности к чему-то, напряжение всех сил: *Ин неңәл јуваттајән-јуваттајән сәвјәл сәвмәл, муй ухшамлащив кўнишемәс, јуваттајән-јуваттајән кўнишемәс, пәјаттајән-пәјаттајән кўнишемәс* ‘Эта женщина полностью (букв.: величиной-величиной) косы заплела, за платок схватилась, из всех сил (букв.: величиной-величиной) схватилась, со всей силы (букв.: ростом-ростом) схватилась’.

Параметрические имена типа ‘толщина’, ‘ширина’, ‘глубина’ и под. обозначают одновременно и параметр, и аспект сравнения. В значение хантыйского слова *кўлат* или мансийского *осыт* ‘толщина’ инкорпорировано представление о признаке «размер тела в охвате», который оценивается как «больше нормы или равняется норме», но никак не «меньше нормы», иначе использовалось бы слово «худоба». Хантыйское слово *вөнат* ‘величина’, образованное от прилагательного *вөн* ‘большой’, также является примером лексического выражения значения комплекса признаков «параметр + аспект, обозначающий признак выше нормы». Строго говоря, в записи моделей при позиции параметрического имени следовало бы указывать совмещение этих семантических ролей $N^{PRM.FUND+PRM.ASP}$ или же ограничиться обобщенным указанием на параметр без детализации N^{PRM} .

Для выражения одинакового количества предметов используются лексемы со значением ‘количество’, например, хант. *арат* ‘количество’ (> *ар* ‘много’ + субстантивирующий суффикс *=ат*), которые формируют

семантическую разновидность эквативных конструкций, обозначающих одинаковое количество предметов, например:

хант.	<i>Мин</i>	<i>щӕхэр</i>	<i>вӕӕлы=лӕмэн</i>
	мы двое	стадо	олень=POSS.2DU.PL
	<i>и</i>		<i>ар=ат=т=эт.</i>
	одинаковый		много=SUBST=PrP=PL

‘В наших стадах оленей одинаковое количество.’

хант.	<i>Вӕӕлы</i>	<i>ар=ат=т=эв</i>	<i>и</i>	<i>кӕм.</i>
	олень	много=SUBST=PrP=POSS.1PL.SG	одинаковый	
			степень	

‘Количество оленей у нас одинаковое.’

Еще одним лексическим средством выражения эквативности является прилагательное *хурасэн* ‘похожий’, обозначающее сходство по совокупности признаков, которые характеризуют внешний облик человека, а также по контексту – характеристику поведения. Оно занимает позицию сказуемого, показателем эквативности при нем также выступает прилагательное *и* ‘одинаковый’, например:

хант.	<i>Йай=эн</i>	<i>на</i>	<i>ун=эн</i>
	старший брат=POSS.2SG.SG	и	старшая сестра
			=POSS.2SG.SG
			<i>и хур=ас=эн=ӕн.</i>

одинаковый вид=SUBST=ADJ=DU
 Букв.: Твой брат и сестра одинаковый внешний вид.
 ‘Твой брат и сестра очень похожи.’

Это прилагательное образовано от существительного *хур* ‘шкура; образ, облик; внешность, вид; изображение; картина, фотография, портрет’ + *=ас* (суффикс абстрактных имен существительных) > *хурас* ‘внешность, облик, вид; красота’; в свою очередь, к существительному *хурас* присоединяется суффикс прилагательных *=эн*, обозначающий обладание качеством, названным основой. Словообразовательная цепочка: *хур* (конкретное существительное) > *хурас* (абстрактное существительное) > *хурасэн* (прилагательное). Поэтому лексическое значение этого слова ограничивает его употребление только теми случаями, когда речь идет о внешних признаках или внешних проявлениях тех или иных свойств одушевленных субъектов.

В записи модели параметрических эквативных конструкций отражается вариативность позиции сказуемого: субстантивный предикат обозначает конкретный скалярный признак, адъективный – представление о внешности как совокупности характеристик. Объединяющим признаком является способ выражения показателя эквативности – прилагательное с семантикой ‘одинаковый’.

[N_{NOM}^{CMPR1} CONJ N_{NOM}^{CMPR2}] (cop) ADJ^{REL.EQU} N / ADJ^{PRM.FUND}

Адъективный предикат *хурасэн* ‘похожий’ и его мансийские аналоги чаще всего используются в симилиативных конструкциях, так как подразумевается комплекс характеристик, не получающих отчетливого и однозначного выражения. Однако наличие показателя эквативного отношения – прилагательного с семантикой ‘одинаковый’ – «удерживает» такие конструкции среди эквативных.

Таким образом, отличительной особенностью эквативных конструкций в обско-угорских языках является использование параметрических имен как выразителей основания сравнения скалярного типа, характеризующего то или иное конкретное свойство компаратов (размер, рост, глубина, ширина и т. п.).

3. Структурно-семантические разновидности обско-угорских параметрических эквативных конструкций

Разновидности параметрических эквативных конструкций выделяются в зависимости от синтаксической позиции, которую занимает параметрический сравнительный оборот: он входит в состав сказуемого или определения, тем самым в обоих случаях выполняет характеризующую функцию, присущую именам качественной семантики. Ср. употребление одного и того же параметрического имени в функции сказуемого и определения. Его повтор и симметричное расположение компонентов связано с особенностями построения художественного текста и используется для убеждения слушателя в достоверности необычного факта:

хант.	<i>Тыницау=эл</i>	<i>па</i>	<i>йна</i>	<i>мйттырэн</i>	
	аркан=POSS.3SG.SG	PRTCL	действительно	оказывается	
	<i>луй</i>	<i>кўлат</i>	<i>пау</i>	<i>ўлат</i>	<i>карты тыницау</i>
	палец	толщина	большой палец	толщина	железный аркан

‘Аркан его, действительно, оказывается, толщиной с палец, толщиной с большой палец железный аркан.’

Параметрические имена в составе определений являются ярким стилистическим изобразительным средством и часто используются в фольклорных произведениях для создания образности и выразительности.

В данной статье рассматриваются только конструкции с параметрическими именами в позиции сказуемого. Они представлены двумя структурными разновидностями – эксплицитной и имплицитной, которые выделяются в зависимости от того, вербализован ли показатель эквативности или же он во фразе отсутствует.

3.1. Эксплицитные эквативные конструкции с параметрическим именем в позиции сказуемого

Эксплицитным способом выражения эквативного отношения являются прилагательные *и* в хантыйском языке и *акв* в мансийском, имеющие значение ‘одинаковый’, при помощи которых устанавливается равенство предметов по тому или иному основанию. Эти прилагательные располагаются перед параметрическими существительными, например:

хант.	<i>Лыв</i>	<i>и</i>	<i>кӓрц=ат=эт.</i>
	они	одинаковый	высокий=SUBST=PL
	CMPR1,2	REL.EQU	PRM
‘Они одного роста.’			

манс.	<i>Ты</i>	<i>пы́грис=иэ</i>	<i>акв</i>	<i>карс=ыт=ыг.</i>
	этот	мальчик=DU	один	высокий=SUBST=DU
	CMPR1,2		REL.EQU	PRM
‘Эти два мальчика одинакового роста.’				

В состав сказуемого входит связка (нулевая в настоящем времени), структура сказуемого имеет вид:

и / $\text{акв}^{\text{REL.EQU}} \text{N}^{\text{PRM}} (\text{cop})$
 Букв.: одинаковый размер (быть)
 ‘быть одинакового размера / роста / ширины / высоты’ и т. п.

В общем виде модель эксплицитных параметрических эквативных конструкций представлена следующим образом:

$$[\text{N}_{\text{NOM}}]^{\text{CMPR1,2}} = \text{NUM ADJ}^{\text{REL.EQU}} \text{N}^{\text{PRM.FUND}} = \text{NUM} (\text{cop})$$

$$[\text{N}_{\text{NOM}}]^{\text{CMPR1,2}} = \text{NUM ADJ}^{\text{REL.EQU}} \text{N}^{\text{PRM.FUND}} = (\text{NUM}) (\text{cop})$$

$$[\text{N}_{\text{NOM}}]^{\text{CMPR1,2}} \text{ADJ}^{\text{REL.EQU}} \text{N}^{\text{PRM.FUND}} (\text{cop})$$

В этой записи позиция подлежащего условно обозначена как $[N_{\text{NOM}}]^{\text{CMPR1,2}}$, однако способы ее заполнения разнообразны. Структурные варианты эксплицитных параметрических конструкций выделяются в зависимости от способа выражения компаратов и синтаксических связей между ними, а также от особенностей согласования подлежащего и сказуемого в числе.

1. Варьирование компонентов в позиции подлежащего. Особенностью данного типа конструкций является копозиционирование компаратов: они занимают одну и ту же синтаксическую позицию подлежащего и могут выражаться либо сочетаниями сочинительного типа (*мама и папа, брат-сестра*), либо одной лексемой, называющей одновременно оба компарата (*родители, они*).

1) Каждый из компаратов обозначается отдельным именем, между ними ставится сочинительный соединительный союз – хант. *па* ‘и’, манс. *ос* ‘и’, например:

манс.	<i>Омаг=ум</i>	<i>ос</i>	<i>āтяг=ум</i>
	мама=POSS.1SG.SG	и	папа=POSS.1SG.SG
	<i>акв</i>		<i>карс=ыт=ы̄г.</i>
	одинаковый		высокий=SUBST=DU

‘Мои мама и папа одного роста.’

Структура подлежащего: $[N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} \text{ CONJ } N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}}]$

2) Компараты могут быть названы парными словами, например:

манс.	<i>Ам</i>	<i>омаг=ум-атяг=ум</i>
	я мама=POSS.1SG.SG	папа=POSS.1SG.SG
	<i>акв</i>	<i>карс=ыт=ы̄г.</i>
	одинаковый	высокий=SUBST=DU

‘Мои родители (букв.: мама-папа) одного роста.’

Структура подлежащего: $[N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} - N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}}]$

3) Компараты, относящиеся к одному денотативному классу, могут быть названы одним именем существительным:

манс.	<i>Ты</i>	<i>йивсуп=ыт</i>	<i>акв</i>	<i>палыт=ыт / хосыт=ыт.</i>
	этот	лодка=PL	один	размер=PL / длина=PL

‘Эти лодки одинакового размера / длины.’

хант. *Ма* *йўх=уэлам* *и* *пәл=ат=уэн.*
 я дерево=POSS.1SG.DU одинаковый высокий
 =SUBST=DU

‘Два моих дерева одной высоты.’

хант. *Китэнтак* *и* *лув=ат=уэн.*
 оба одинаковый размер=SUBST=DU

‘Оба они одного возраста.’

Структура подлежащего: $[N_{\text{NOM.DU/PL}}^{\text{CMPR1,2}}]$

4) Подлежащее может быть выражено личным местоимением дв. или мн. ч.:

хант. *Мин* *и* *күл=ат.*
 мы двое одинаковый толстый=SUBST
 ‘Мы одной толщины.’

Структура подлежащего: $[\text{PERS.PRON}_{\text{NOM.DU/PL}}^{\text{CMPR1,2}}]$

5) Для актуализации второго компарата может использоваться имя в форме местно-творительного падежа; существительное или личное местоимение, указывающее на обоих компаратов, стоит в форме дв. или мн. ч. (‘мы с дядей’, ‘братья с отцом’); форма ед. ч. личного местоимения (‘я с дядей’) не допускается:

хант. *Мин ак=εм=эн* *и* *лув=ат=уэн.*
 мы двое
 дядя=POSS.1SG.SG=LOC одинаковый размер=SUBST=DU
 ‘Мы с дядей одного роста.’

Структура подлежащего: $[N_{\text{NOM.DU/PL}}^{\text{CMPR1,2}} N_{\text{LOC}}^{\text{CMPR2}}]$

Использование послеложной конструкции для выражения совместности для хантыйского языка нетипично. Сочетание с послелогом *пила* ‘с’, актуализирующее второй компарат, может появляться в переводах или в процессе элицитации под воздействием русского языка, но воспринимается как неграмматичное:

хант. *Ващай=эн Петяй=эн нила
 Вася=POSS.2SG.SG Петя=POSS.2SG.SG с
 и лув=ат=уэн
 одинаковый размер=SUBST=DU
 ‘Вася с Петей одного возраста.’

Таким образом, компараты в параметрических эквативных конструкциях могут занимать только равноправное положение в позиции подлежащего и выражаться сочетаниями сочинительного типа или одной лексемой – существительным или личным местоимением. Сочетания ‘я / мы с братом’, ‘отец с дядей’ с послелогом с семантикой совместности типа $[N^{CMPR1} N^{CMPR2} POSTP^{COM}]$ или $[N^{CMPR1,2} N^{CMPR2} POSTP^{COM}]$ обско-угорским языкам не свойственны.

2. Варьирование позиции сказуемого. Именное сказуемое в хантыйском языке варьирует по категориям числа, времени, модальности, утвердительности / отрицательности.

1) Числовое оформление параметрического имени в составе сказуемого. Параметрическое имя принимает числовые показатели, соответствующие числу подлежащего:

хант. Ай кєр тылц=эн атəл на хəтəл
 маленький наст месяц=LOC ночь и день
 и хўв=ат=уэн.
 одинаковый длинный=SUBST=DU
 ‘В марте день и ночь одинаковой длины.’

хант. Ак=єм мий=эм сохл=эт
 дядя=POSS.1SG.SG дать=PP доска=PL
 и лув=ат=эт.
 одинаковый размер=SUBST=PL
 ‘Доски, которые дал дядя, одинаковой длины.’

Однако числовое оформление факультативно и при разных способах выражения компаратов может отсутствовать, ср.:

хант. Аук=єм на ащ=єм /
 мать=POSS.1SG.SG и отец POSS.1SG.SG /
 Аук=єм-ащ=єм / Лын
 мать=POSS.1SG.SG-отец POSS.1SG.SG / Они двое
 и лув=ат=уэн / лув=ат.

одинаковый размер=SUBST=DU / размер=SUBST
 ‘Мои мама и папа / родители / они одинакового роста.’

Таким образом, между подлежащим и сказуемым наблюдается факкультативное согласование в числе.

2) Вспомогательные глаголы в позиции сказуемого выражают категории времени и модальности. При наличии связки в прошедшем времени возможно дублирование числового показателя и на параметрическом имени, и на вспомогательном глаголе, ср.:

хант. *Аук=εм* *па* *аиц=εм*
 мама=POSS.1SG.SG и папа=POSS.1SG.SG
и лув=ат /
 одинаковый размер=SUBST /
лув=ат=уэн вө=с=уэн.
 размер=SUBST=DU быть=PAST=DU
 ‘Мои мама и папа были одного роста.’

Для выражения эвиденциальности вспомогательный глагол *вөлты* ‘быть’ принимает причастную форму:

хант. *Лын* *и к* *йриц=ат вөл=м=ан.*
 они двое одинаковый рост=SUBST быть=PP=3DU
 ‘Они двое, оказывается, были одинакового роста.’

В будущем времени используется вспомогательный глагол *йиты* ‘стать’, параметрическое имя принимает показатель дательно-направительного падежа:

хант. *Лын* *и кйриц=ат=тый=a*
 они двое одинаковый высокий=SUBST=PrP=DAT
алпа йи=л=уэн.
 наверное стать=PR=SUBJ.3DU
 ‘Они, видимо, станут одного роста.’

Для актуализации самого факта наличия сходства при верификации возможен глагол *тййты* ‘иметь’, например:

хант. *Ма йернас=εм* *па* *аук=эм йернас*
 я платье=POSS.1SG.SG и мать=POSS.1SG.S платье

и вўт=ат тай=л=аңэн.
 одинаковый широкий=SUBST иметь=PR=SUBJ.2DU
 ‘Мое платье и платье моей матери имеют одну и ту же ширину.’

3) Негация выражается при помощи отрицательного предиката *әнтө* ‘нет; отсутствует’, который располагается в абсолютном конце высказывания:

хант. *Мин апиц=см=ән*
 мы двое младший брат=POSS.1SG.SG=LOC
и лув=ат=ңән әнтө
 одинаковый размер=SUBST=DU NEG
 ‘Мы с братом не одного возраста.’

Вместо отрицательного предиката *әнтө* может использоваться усилительная частица *хән* ‘конечно не; ведь не’:

хант. *Сохл=ән на нурм=ән*
 доска=POSS.2SG.SG и полка=POSS.2SG.SG
и вўт=ат=ңән хән.
 одинаковый широкий=SUBST=DU ведь не
 ‘Доска и полка ведь не одинаковой ширины.’

В шурышкарском диалекте хантыйского языка используется также отрицательная частица *әнта* (возможно в сочетании с выделительно-усилительной частицей *на* ‘тоже’), которая располагается перед показателем эквативности – прилагательным шур. *ий* ‘одинаковый’:

хант. *Тәм кәт сохл=әл әнта ий*
 этот два доска=POSS.3SG.SG NEG одинаковый
хўв=ат.
 длинный=SUBST
 ‘Эти две доски не одинаковой длины.’

хант. *Ас на Ай Ас әнта на ий*
 Обь и Малая Обь NEG PRTCL одинаковый
мәл=ат=ңән.
 глубокий=SUBST=DU
 ‘Большая Обь и Малая Обь ведь не одинаковой глубины.’

3. Порядок следования компонентов в эксплицитных параметрических конструкциях. При нейтральном порядке слов на первом месте находится подлежащее, называющее компараты, за ним следует показатель эквативности – прилагательное ‘одинаковый’, конструкцию замыкает параметрическое имя. Однако в фольклорных текстах встречаются единичные примеры, в которых порядок слов отклоняется от прототипического, например:

хант. *И луват хөләм нө*
 одинаковый размер=SUBST три женщина
и пӧӓ=ат хөләм нө
 одинаковый высокий=SUBST три женщина
лӧв таӧха.
 он наверное
 ‘Он, наверное, размером с трех женщин, высотой с трех женщин.’

В этом случае предмет сравнения *лӧв* ‘он’ занимает конечную позицию. В структуре этого высказывания совмещаются признаки эксплицитной и имплицитной параметрических конструкций: с эксплицитными данный пример сближает наличие показателя эквативности *и* ‘одинаковый’, с имплицитными – выражение компаратов в разных синтаксических позициях.

3.2. Имплицитные эквативные конструкции с параметрическим именем в позиции сказуемого

В конструкциях без показателя эквативности компараты получают отдельное лексическое выражение и занимают разные синтаксические позиции: первый компарат выполняет роль подлежащего, а второй – определения при сказуемом, выраженном параметрическим именем, т. е. занимает ту же синтаксическую позицию, что и прилагательное со значением ‘одинаковый’ как показатель эквативности в эксплицитных конструкциях.

Структурные варианты данного типа различаются в зависимости от того, сколько параметрических имен задействовано в конструкции – одно или два.

1. В конструкциях с одним параметрическим именем предмет сравнения находится в позиции подлежащего, эталон сравнения занимает позицию определения при именной части сказуемого – параметрическом имени:

хант. *Тӓм мӓлӓ=эн кӓрт мӓлӓ=эв*
 этот пруд=POSS.2SG.SG деревня пруд=POSS.1PL.SG
мӓл=ат.

глубокий=SUBST

‘Этот пруд глубиной с пруд в нашей деревне.’

манс. *Ты я та я пӓрхв=ит.*
 этот река тот река широкий=SUBST

‘Эта река шириной с ту реку.’

Закономерности числового оформления позиции сказуемого те же, которые описаны для эксплицитных конструкций. Подлежащее и сказуемое факультативно согласуются по числу, значения времени передаются вспомогательными глаголами:

хант. *Нӓн йernas=эн ма йernas=ем*
 ты платье=POSS.2SG.SG я платье=POSS.2SG.SG
хӓв=ат.

длинный=SUBST

‘Твое платье такой же длины, как и мое.’

хант. *Нӓн йernas=нӓлан ма йernas=нӓлам*
 ты платье=POSS.2SG.DU я платье=POSS.1SG.DU

хӓв=ат / хӓв=ат=нӓн /

длинный=SUBST / длинный=SUBST=DU /

хӓв=ат вӓ=с=нӓн /

длинный=SUBST быть=PAST=SUBJ.3DU

хӓв=ат=нӓн вӓ=с=нӓн

длинный=SUBST=DU быть=PAST=SUBJ.3DU

‘Твои платья (были) такой же длины, как мои платья.’

Согласование по числу может отсутствовать:

хант. *Сем йиук=лаӓ ай сӓк сем*
 глаз вода=POSS.3PL.SG маленький бисер глаз

лув=ат

размер=SUBST

‘Ее слезы размером с бусинку.’

Если эталон сравнения выражен личным местоимением, параметрическое имя принимает лично-притяжательные показатели:

манс. *Тав ам ос=ым=ум.*
она я толстый=SUBST=POSS.1SG.SG
'Она толщиной с меня.'

хант. *Јуѵв нӓн нӓл=ат=т=эн он ты*
высокий=SUBST=PrP=POSS.2SG.SG
вѳ=с=Æ
быть=PAST=SUBJ.3SG
'Он был ростом с тебя.'

хант. *Эв=эн нӓн кӓрщ=ат=т=эн=а*
дочь=POSS.2SG.SG ты
высокий=SUBST=PrP=POSS.2SG=DAT
йи=с=Æ
стать=PAST=SUBJ.3SG
'Дочь стала твоего роста.'

хант. *Јуѵв аӓк=эл кӓрщ=ат=а йӓв=м=аӓ.*
она мать=POSS.3SG.SG высокий=SUBST=DAT стать=PP=3SG
'Она стала с ростом с мать, оказывается.'

хант. [*Ван кӓтӓл мав лӓты ки питӓн*],
кӓл=ат=т=эн *Јуѵв*
толстый=SUBST=PrP=POSS.2SG.SG он
кӓл=ат=т=эӓ=а
толстый=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG.DAT
щи йи=ӓ=Æ
так стать=PR=SUBJ.3SG

'[Если будешь часто есть конфеты,] станешь таким же толстым, как и он' (букв.: толщина=твоя будет как толщина=его).

В мансийском языке возможно сочетание лично-притяжательного и числового аффикса на параметрическом имени. Для хантыйского языка подобные примеры не зарегистрированы.

манс. *Tān пуссын ам карсытумыт* [16, с. 105].
 tān пуссын ам карс=ыт=ум=ыт
 3PL все 1SG высокий=SUBST=POSS.1SG=PL

Букв.: они все моя высота.

‘Все они такого же роста, как и я.’

Модель имплицитных параметрических эквативных конструкций имеет вид:

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} N^{\text{PRM.FUND}} = (\text{POSS}) = (\text{NUM}) (\text{cop})$$

Для выражения приблизительного равенства используется частица хант. *кэм*, манс. *кем* ‘около; приблизительно’:

манс. *Tav хум=им карс=ыт кем.*
 он муж=POSS.1SG.SG высокий=SUBST приблизительно
 ‘Он ростом примерно с моего мужа.’

хант. [*Күрәң вой павәтсәм,*]
әлс=әл кәт лүй күй=ат кем.
 сало=POSS.3SG.SG два палец толстый=SUBST приблизительно
 ‘[Я добыл лося], сало у него толщиной примерно с два пальца’.

Таким образом, в имплицитных конструкциях возможно оформление параметрического имени лично-притяжательными аффиксами, если эталон сравнения назван личным местоимением. Согласование подлежащего и сказуемого по категории числа также факультативно, как и в эксплицитных конструкциях.

2. Конструкции с двумя параметрическими именами. Эквативные отношения могут передаваться при помощи двух параметрических компонентов, каждый из которых называет признак «своего» компарата. Их соположение, симметричное устройство указывает на равенство, тождество обозначаемых признаков:

манс. *Tы я пāнхвит=э та я яныт / палыт.*
 эта река ширина=POSS.3SG.SG та река величина / размер
 CMPR1 PRM CMPR2 PRM
 ‘Ширина этой реки величиной с ту реку.’

хант. *Щи* *нєу=эн* *нөпт=эл*
 этот женщина=POSS.2SG.SG возраст=POSS.3SG
ма лув=ат=т=см.
 я размер=SUBST=PrP=POSS.1SG.SG
 ‘Эта женщина такого же возраста, как я.’

В позиции второго параметра могут употребляться как слова с более общей семантикой (манс. *яныт* ‘величина’, *палыт* ‘размер’), так и существительные, называющие конкретный параметр:

хант. *Ална,* *нөпт=эл* *хйц* *вэт* *кєм* *ол*
 наверное возраст=POSS.3SG.SG вроде пять около год
лув=ат, вант=тый=эн.
 размер=SUBST смотреть=PrP=LOC
 ‘Его возраст, наверное, как посмотришь, величиной около пяти лет.’

хант. *Лув=ат=т=ал-кйриц=ат=т=ал*
 размер=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG-
 высота=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG
сот ол *єнм=эм* *нохэр* *ййх* *лув=ат.*
 сто год расти=PP кедр дерево размер=SUBST
 ‘Размером-высотой [он] с величину кедр, росшего сто лет.’

Возможно также повторение одних и тех же слов:

манс. *Ты я* *милыт=э* *та я* *милыт / яныт.*
 этот река глубина=POSS.3SG.SG тот река глубина / величина
 ‘Глубина этой реки [равняется] глубине / величине той реки.’

хант. *Вацай=эн* *кйриц=ат=т=эл*
 Вася=POSS.2SG.SG высокий=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG
Пэтай=эн *кйриц=ат*
 Петя=POSS.2SG.SG высокий=SUBST
 ‘Рост Васи такой же, как рост Пети.’

хант. *Па* *лольци* *ут=эл*
 и стоять.PrP вещь=POSS.3PSG.PL
лув=ат=т=эл=эн

размер=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG=LOC

пӕл = am = t = эл = эн

рост=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG=LOC

вонт йух-йсук пӕл = am = тый = эн.

лес дерево-лед высокий=SUBST=PrP=LOC

‘И это стоящее существо огромного роста (букв.: величина-высота этого существа высотой с лесной растительный мир).’

Если в роли второго компарата выступает личное местоимение, параметрическое имя принимает лично-притяжательные аффиксы:

манс. *Увс = им*

карс = ым = э

сестра=POSS.1SG.SG высота=SUBST=POSS.3SG.SG

ам

карсыт = ум.

я

высота=POSS.1SG.SG

‘Моя сестра ростом с меня.’

хант. *Лӧүв*

кӧл = am = t = эл

он

толстый=SUBST=PrP=POSS.3SG.SG

ма

кӧл = am = t = см.

я

толстый=SUBST=PrP=POSS.1SG.SG

‘Она толщиной с меня.’

В таких конструкциях первое параметрическое имя (слова типа «высота», «глубина», «ширина») подразумевает и основание параметра – «рост», и его имплицитную характеристику по шкале «больше нормы», тогда как второе параметрическое имя (слова типа «размер» и «величина») указывает только на самое общее основание параметра без конкретизации «аспекта» (только «рост», но не «высокий» или «низкий»).

Заключение

Параметрические конструкции в обско-угорских языках являются основным средством выражения эквативности – равенства двух предметов на основе того или иного скалярного признака. В отличие от симилятивных конструкций, позиция параметра в них вербализована: параметрические существительные в позиции сказуемого называют основание сравнения. Класс параметрических существительных невелик, однако они обладают довольно высокой частотностью.

Разновидности параметрических конструкций выделяются в зависимости от наличия/отсутствия в их составе прилагательного с семантикой ‘одинаковый’, которое является средством выражения эквативности.

В эксплицитных конструкциях типа ‘мы одинакового роста’ компараты занимают одну и ту же синтаксическую позицию, показатель отношения вербализован; между подлежащим и сказуемым чаще всего устанавливается согласование по числу, однако оно может и отсутствовать. В конструкциях имплицитного типа (‘я твоего роста’) компараты занимают разные синтаксические позиции; предмет сравнения является подлежащим, эталон сравнения выполняет синтаксическую функцию определения при сказуемом; параметрическое имя, кроме факультативного числового оформления, принимает лично-притяжательные аффиксы, если стандарт сравнения выражен личным местоимением. В конструкциях с двумя параметрическими именами (‘мой рост твоей величины’) отношения равенства устанавливаются на основе синтаксического параллелизма.

Структура и семантика параметрических эквативных конструкций в хантыйском и мансийском языках в целом совпадают. Наблюдаются частные различия в возможности оформления параметрического имени одновременно посессивным и числовым аффиксом, что зарегистрировано для мансийского языка, но для хантыйского языка не характерно.

Список сокращений

- Манс. – мансийский язык
- Хант. – хантыйский язык
- Шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка
- ADJ – прилагательное
- ASP – аспект параметра сравнения (*высокий, низкий, старый, новый, молодой* и т. п.)
- CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения)
- CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения)
- CONJ – союз
- (cop) – факультативная позиция вспомогательного глагола
- DAT – дательно-направительный падеж
- DU – двойственное число
- EQU – эквативное отношение
- FUND – основание параметра сравнения (*величина, рост, высота, глубина, ширина* и т. п.)
- N – имя существительное или его эквивалент
- NEG – отрицание
- NOM – именительный падеж
- PART – причастие
- PAST – прошедшее время

- PL – множественное число
 POSS – лично-притяжательный аффикс
 POSTP – послелог
 PP – причастие прошедшего времени
 PR – настоящее время
 PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков
 PRM.ASP – аспект параметра
 PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.)
 PrP – причастие настояще-будущего времени
 REL – показатель отношения
 REL.EQU – эквативное отношение
 SG – единственное число
 SUBJ – субъектное спряжение
 SUBST – словообразовательный аффикс, при помощи которого от параметрического прилагательного образуется имя существительное

Литература

1. Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. *Similitative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 2017:9-32 (на англ.).
2. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitative constructions in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter. 1998:277-334 (на англ.).
3. Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006;59(4):370-398 (на англ.).
4. Treis Y. Comparative constructions: An introduction. *Linguistic Discovery*, 2018. *On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages* (guest editors: Yvonne Treis & Katarzyna I. Wojtylak). 2018;16(1):I-XXVI (на англ.).
5. Черемисина М.И., Соловар В.Н. Выражение сравнения в хантыйском языке. *Народы Северо-Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та. 1995:23-39.
6. Соловар В.Н., Горяева Н.С. Сравнение в языковой картине мира хантыйского языка. *Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: мат-лы Всеросс. науч. конференции*. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ. 2010:167-177.

7. Кумаева М.В. Образные сравнения в мансийском фольклоре. *Инновации в науке: матер. конф.* М.: Ваш полиграфический партнер. 2013:73-81.

8. Садомина Н.С. Сравнение в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2015;14(9):221-227.

9. Садомина Н.С. Сравнительные конструкции в составе простого предложения (на материале шурышкарского и казымского диалектов). *Вестник угроведения.* 2016;1(24):57-65.

10. Соловар В.Н. Способы выражения сравнения в обско-угорских языках. *Вопросы угроведения.* 2019;2(9):286-296.

11. Соловар В.Н. Способы выражения сравнительных отношений в обско-угорских языках. *Сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции, г. Пенза. 10.10.2023.* Пенза. 2023:71-73.

12. *The Oxford guide to the Uralic languages.* Eds. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford University Press. 2022 (на англ.).

13. Кошкарева Н.Б., Соловар В.Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке. *Сибирский филологический журнал.* 2024;3:80-94.

14. Шиянова А.А. Параметрические прилагательные «длина», «высота», «ширина», «толщина» в хантыйском языке. *Мир науки, культуры, образования.* 2019;6(79):401-404.

15. Шиянова А.А. Параметрические прилагательные хўв / ван, вўтəн / ващ в хантыйском языке: семантический аспект. *Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. материалы Всероссийской научно-практической конференции XVIII Югорские чтения. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.* Ханты-Мансийск. 2020:295-301.

16. Скрибник Е.К. К описанию системы моделей простого предложения с именным сказуемым в мансийском языке. *Системность на разных уровнях языка.* Новосибирск. 1990:95-125.

References

1. Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 2017:9-32.

2. Haspelmath M, Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe.* Berlin: Mouton de Gruyter. 1998:277-334.

3. Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Sprachtypologie und Universalienforschung.* 2006;59(4):370-398.

4. Treis Y. Comparative constructions: An introduction. *Linguistic Discovery*, 2018. *On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages* (guest editors: Yvonne Treis & Katarzyna I. Wojtylak). 2018;16(1):I-XXVI.
5. Cheremisina MI, Solovar VN. Expression of comparison in the Khanty language. *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. 1995:23-39 (in Russian).
6. Solovar VN, Goryaeva NS. Comparison in the linguistic picture of the world of the Khanty language. *Worldview of the Ob Ugrians in the context of language and culture: All-Russian materials. scientific conferences*. Khanty-Mansiysk, IITs YuGU. 2010:167-177 (in Russian).
7. Kumaeva MV. Figurative comparisons in Mansi folklore. *Innovations in science: material. conf.* Moscow: Vash poligraficheskiy partner. 2013:73-81 (in Russian).
8. Sodomina NS. Comparison in the Khanty language (based on the material of the Shuryshkar dialect. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2015;14(9):221-227 (in Russian).
9. Sodomina NS. Comparative constructions as part of a simple sentence (based on the material of the Shuryshkar and Kazym dialects). *Vestnik ugrovedeniya*. 2016;1(24):57-65 (in Russian).
10. Solovar VN. Ways of expressing comparison in Ob-Ugric languages. *Vestnik ugrovedeniya*. 2019;2(9):286-296 (in Russian).
11. Solovar VN. Ways of expressing comparative relations in Ob-Ugric languages. *Collection of articles of the XXXII International Scientific and Practical Conference*. Penza. 10.10.2023. Penza. 2023:71-73 (in Russian).
12. *The Oxford Guide to the Uralic languages*. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford University Press. 2022.
13. Koshkareva NB, Solovar VN. Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language. *Siberian Journal of Philology*. 2024;3:80-94 (in Russian).
14. Shyanova AA. Parametric adjectives “length”, “height”, “width”, “thickness” in the Khanty language. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2019;6(79):401-404 (in Russian).
15. Shyanova AA. Parametric adjectives *ḥỵv / van, ṿỵṭəy / vashch* in Khanty language: semantic aspect. Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: Traditions and Innovations. *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference XVIII Yugra Readings. Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development*. Khanty-Mansiysk. 2020:295-301 (in Russian).
16. Skribnik EK. Towards a description of the system of models of a simple sentence with a nominal predicate in the Mansi language. *Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka*. Novosibirsk. 1990:95-125 (in Russian).

Об авторах

КОШКАРЕВА Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-4578-6591, ResearcherID: M-2704-2018, Scopus AuthorID: 57216875150, e-mail: koshkar_nb@mail.ru

СОЛОВАР Валентина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-4894-0117, e-mail: solovarv@mail.ru

About the authors

Natalia B. KOSHKAREVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the of the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-4578-6591, ResearcherID: M-2704-2018, Scopus AuthorID: 57216875150, e-mail: koshkar_nb@mail.ru

Valentina N. SOLOVAR – Dr. Sci. (Philology), Assistant Professor, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4894-0117, e-mail: solovarv@mail.ru

Вклад авторов

Кошкарева Н.Б. – разработка концепции и методологии исследования, написание текста и редактирование окончательной версии статьи

Соловар В.Н. – сбор материалов, верификация данных, подготовка и создание черновика рукописи, в частности написание первоначального текста рукописи

Authors' Contributions

Koshkareva N.B. – developed the study concept and methodology, wrote the text, and edited the final version of the article.

Solovar V.N. – collected materials, verified data, prepared and drafted the manuscript, including writing the initial text.

Конфликт интересов

Один из авторов (Кошкарева Н.Б.) является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век» и не участвовал в редакционной рецензии этой статьи. Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

One of the authors (Natalia B. Koshkareva) is a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century” and did not participate in the editorial review of this article. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted: 15.08.25

Принята к публикации / Accepted: 01.09.25

УДК 811.512.

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-47-59

Оригинальная научная статья

Диминутивные и аугментативные формы местоимений в якутских диалектах

У. Н. Легусина

Институт системного программирования РАН,
Москва, Российская Федерация
✉ ulegusina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу способов выражения диминутива и аугментатива в системе местоимений якутского языка, выступающих ключевым маркером диалектного варьирования и результатом историко-культурных контактов. Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в северо-восточных и вилюйских диалектных зонах (Оленекский, Кобяйский, Эвено-Бытантайский, Усть-Янский районы). Применялись методы лингвистического описания, сопоставительного анализа и лингвогеографии. Для обработки и систематизации данных использовались цифровые технологии, включая инструменты для работы с лингвистическими базами данных. Установлено, что продуктивное употребление диминутивных (-чаан, -каан) и аугментативных (-дьа, -ндьа) аффиксов с местоимениями является устойчивой особенностью северных говоров, противопоставляющей их литературной норме и центральным диалектам. Впервые представлены полные парадигмы склонения указательных местоимений с данными аффиксами, выявлены ограничения на их комбинаторный потенциал (аугментатив предполагает возможность диминутива, но не наоборот; аффикс -каан имеет избирательную сочетаемость). Результаты подтверждают общетипологические закономерности оценочной морфологии и свидетельствуют о глубокой интеграции тунгусо-маньчжурских субстратных элементов в грамматическую систему якутских диалектов. Проведенное исследование вносит вклад в изучение диалектного синтаксиса и морфологии якутского языка, уточняя его диалектное членение и выявляя ареалы распространения инновационных явлений. Полученные данные имеют значение для реконструкции языковых контактов и истории формирования якутского языка.

Перспективы работы видятся в расширении базы полевых материалов, их цифровой обработке и детальном лингвокартографировании.

Ключевые слова: якутский язык, диалектология, оценочная морфология, диминутив, аугментатив, местоимения, языковые контакты, тунгусо-маньчжурские языки, лингвогеография

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Легусина У.Н. Диминутивные и аугментативные формы местоимений в якутских диалектах. *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 47-59. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-47-59

Original article

Diminutive and augmentative pronoun forms in Yakut dialects

U. N. Legusina

Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ ulegusina@mail.ru

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of the means of expressing diminution and augmentation in the pronominal system of the Yakut language, which serve as key markers of dialectal variation and result from historical-cultural contacts. The study is based on field materials collected by the author in the northeastern and Vilyui dialect zones Olenyoksky, Kobyaysky, Eveno-Bytantaysky, Ust-Yansky districts, as well as data from the “Dialectological Atlas of the Yakut Language” and other published sources. The methods of linguistic description, comparative analysis, and linguistic geography were applied. Digital technologies, including tools for working with linguistic databases, were used for data processing and systematization. The productive use of diminutive (*-čaan*, *-kaan*) and augmentative (*-dza*, *-ndza*) affixes with pronouns is established as a stable feature of the northern dialects, contrasting them with the literary norm and central dialects. For the first time, complete paradigms of demonstrative pronoun declension with these affixes are presented, and restrictions on their combinatorial potential are identified (the augmentative implies the possibility of the diminutive, but not vice versa; the *-kaan* affix has selective compatibility). The results confirm general typological patterns of evaluative morphology and testify to the deep integration of Tungusic substrate

elements into the grammatical system of Yakut dialects. The conducted research contributes to the study of dialectal syntax and morphology of the Yakut language, clarifying its dialectal division and identifying the areas of innovative phenomena. The obtained data are significant for reconstructing language contacts and the history of the Yakut language formation. Future work involves expanding the field materials database, their digital processing, and detailed linguistic cartography.

Keywords: Yakut language, dialectology, evaluative morphology, diminutive, augmentative, pronouns, language contacts, Tungusic languages, linguistic geography

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Legusina U.N. Diminutive and augmentative pronoun forms in Yakut dialects. *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 47-59 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-47-59

Введение

Настоящая работа посвящена оценочным аффиксам, используемым в разговорной речи современного якутского языка. Одним из параметров его диалектного разнообразия является употребление диминутивных аффиксов (-чаан, -каан) и аугментативных аффиксов (-дьа, -ндья, -ндьяан). Вопросы, связанные с разнообразием оценочной морфологии якутского языка, широко освещаются в трудах многих исследователей; остановимся на ключевых из них. Так, в работе М.С. Воронкина «Очерки по якутской диалектологии» (раздел «Морфология») отмечается, что в северных говорах широко используются эвено-эвенкийские уменьшительно-ласкательные и увеличительные аффиксы -каан, -чаан, а также увеличительный аффикс -дьаа [1, с. 143].

В монографии Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» выделяются пять говоров: колымский, индигирский, оймяконский, саккырырский и усть-янский [2]. Автор указывает, что в этой зоне широко распространены эвено-эвенкийские аффиксы -каан, -чаан (например, табачаан «оленок», «березонька»; кеннөкөөн «пряменький»), а также увеличительный аффикс -ндьяа (например, улахан-дьаа «большущий», ыарахандьяа «тяжеленный») [2, с. 256].

С.А. Иванов в работе «Морфологические особенности говоров якутского языка» пишет: «В северных говорах якутского языка, особенно в северо-западных, наблюдается высокая частотность употребления

формантов *-каан*, *-чаан*, придающих основам уменьшительно-ласкательное, а иногда усилительное значение. Если в центральных говорах указанные аффиксы распространены обычно только в эмоциональной, поэтически стилизованной речи, а также в языке устной народной поэзии, то в северо-западных и некоторых северо-восточных говорах они часто встречаются в разговорной речи, отнюдь не всегда выражая особую субъективную оценку. Аффиксы присоединяются к любым, кроме личных форм глаголов, лексико-грамматическим категориям» [3, с. 139].

В «Грамматике современного якутского литературного языка: фонетика и морфология» (раздел «Морфологический способ образования») дается описание аффикса *-чаан*, который «придает именам ласкательно-уменьшительное значение. ... Аффикс тоже малоупотребительный. Он синонимичен по значению с аффиксом *-каан*, употребляемым обычно с именами прилагательными. Оба аффикса заимствованы из тунгусских языков – эвенского и эвенкийского. Более широкое употребление имеют в северных говорах якутского языка» [4, с. 112].

Анализ оценочной морфологии в языках-источниках позволяет глубже понять природу исследуемых аффиксов в якутском языке. В «Учебнике эвенского языка» под авторством К.А. Новиковой, Н.И. Гладковой и В.А. Роббек в параграфе «Формы субъективной оценки» дается описание уменьшительных и увеличительных суффиксов. В частности, отмечается, что «суффикс *-ндя/-нде* указывает на большую величину предмета, например: *оран* (олень) – *орандя* (большой олень), *екэ* (котел) – *екэнде* (большой котел)... передают уважение, почтение говорящего к собеседнику» [5, с. 89]. Что касается уменьшительных суффиксов, то они «указывают на то, что предмет, о котором идет речь, небольшого размера. Кроме того, одни из них выражают ласку, жалость, снисхождение, другие – пренебрежение» [5, с. 90].

О.П. Суник в работе «Существительное в тунгусо-маньчжурских языках» (раздел «Формы субъективной оценки») указывает на широкую сочетаемость этих формантов: «...эвенк. *-каан* (*кээн*, *коон*), эвен. *-каан* (*-кээн*), нег. *-каан-хаан* (*-кээн-хээн*) еще в большей мере, чем в языках нанайских, могут оформлять не только основы существительных, но и слова из других частей речи, не исключая глагольные основы, а также наречия, прилагательные, слова-местоимения» [6, с.100, с. 106].

О.А. Константинова в своем исследовании эвенкийского языка, описывая формы имен существительных, выражающие эмоциональную оценку, дает полную характеристику оценочным аффиксам [7]. Среди наиболее употребительных форм она выделяет аффикс *-каакун* со значением увеличительности, а также *-каан*, *-какаан* со значением умень-

шительности или ласкательности. В отличие от этой точки зрения, исследователь Н.Я. Булатова в статье «Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке» рассматривает *-каакуун*, *-коокуун*, *-кээкуун* как показатель и увеличительности, и уменьшительности (ласкательности) в зависимости от контекста и речевой ситуации [8, с. 61].

Таким образом, диминутивные и аугментативные аффиксы в якутских диалектах не только являются ярким маркером диалектного варьирования, но и отражают глубокие историко-культурные контакты с тунгусо-маньчжурскими языками. Несмотря на устойчивое внимание к их происхождению и распространению, их функционально-семантические особенности, продуктивность и взаимодействие с исконной системой оценки в современной разговорной практике требуют более детального и системного описания. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел, проведя анализ функционирования данных аффиксов в живой речи носителей говоров.

Материалы и методы

Материал для анализа был собран на основе опросных данных по списку Сводеша, полученных от респондентов в четырех диалектных зонах якутского языка – Оленекского, Кобяйского, Эвено-Бытантайского, Усть-Янского районов. Записи материала были обработаны с помощью аудиоредактора Audacity и расшифрованы. Так, показатель *-чаан* встречается на повсеместно, за исключением Оленекского района. Аугментативный показатель *-дьа* (в отдельных случаях *-дьаа*) в Усть-янском, Кобяйском, Эвено-Бытантайском районах. Диминутивный аффикс *-каан* зафиксирован исключительно в Оленекском районе (табл. 1).

Результаты и обсуждение

В якутском языке данные аффиксы выполняют аналогичную функцию обозначения размера и выражения оценочного значения. Ниже в табличной форме представлены материалы по семантике образований с уменьшительными и увеличительными аффиксами от слов различных частей речи в якутском языке, собранные в ходе полевых исследований диалектов.

Таблица 1

Диминутивные и аугментативные аффиксы с разными частями речи

Table 1

Диминутивные и аугментативные аффиксы с разными частями речи

Часть речи	Основа	– ħAn	– dzA	-kAn
Noun	<i>киһи</i> ‘человек’	<i>киһичээн</i>	<i>киһиндъэ</i>	<i>киһикээн</i>
	<i>бытык</i> ‘борода’	<i>бытыкчаан</i>	<i>бытыгындыа</i>	<i>бытыкаан</i>
	<i>тиис</i> ‘зуб’	<i>тиисчээн</i>	<i>тииһиндъэ</i>	<i>тиискээн</i>
Adjective	<i>уһун</i> ‘длинный’	<i>уһунчаан</i>	<i>уһундыа</i>	<i>уһункаан</i>
	<i>эмис</i> ‘толстый, жирный’	<i>эмисчээн</i>	<i>эмиһиндъэ</i>	<i>эмискээн</i>
	<i>ырган</i> ‘худой’	<i>ырганчаан</i>	<i>ыргандыа</i>	<i>ырганкаан</i>
Adverb	<i>хойут</i> ‘поздно’	<i>хойутчаан</i>	<i>хойутундыа</i>	<i>хойуткаан</i>
	<i>ыраах</i> ‘далеко’	<i>ыраахчаан</i>	<i>ыраабындыа</i>	<i>ыраахкаан</i>
Num.	<i>икки</i> ‘два’	<i>иккичээн</i>	<i>иккиндъэ</i>	
	<i>биэс</i> ‘пять’	<i>биэсчээн</i>	<i>биэһиндъэ</i>	<i>биэскээн</i>
	<i>отут</i> ‘тридцать’	<i>отутчаан</i>	<i>отутундыа</i>	<i>отуткаан</i>
Part.	<i>билэрбин</i> ‘то, что я знаю’	<i>билэрчээммин</i>	-	<i>билэркээммин</i>
CV	<i>утуйаары</i> ‘чтобы спать, уснуть’	-	-	<i>утуйаарыкаан</i>
Pop	<i>курдук</i> ‘как’	<i>курдукчаан</i>	-	<i>курдукаан</i>
	<i>тула</i> ‘вокруг’	<i>тулачаан</i>	-	<i>тулакаан</i>

	<i>аайы</i> 'каждый'	<i>аайычаан</i>	-	-
Pron.	<i>мин</i> 'я'	<i>минчээн</i>	-	-
	<i>кيني</i> 'он'	<i>киничээн</i>	<i>кининдэ</i>	<i>киникээн</i>
	<i>бу</i> 'этот'	<i>бучаан</i>	<i>бундэ</i>	<i>букаан</i>
	<i>ити</i> 'этот'	<i>итичээн</i>	<i>итиндэ</i>	<i>итикээн</i>
	<i>ол</i> 'тот'	<i>очоон</i>	<i>ондэоо</i>	
	<i>хас</i> 'сколько'	<i>хасчаан</i>	<i>хаһынды</i>	<i>хаскаан</i>
	<i>туох</i> 'что'	<i>туохчаан</i>		<i>туохкаан</i>

Как демонстрируют данные таблицы, в случаях, где употребляется аугментатив, обычно возможно присоединение и диминутивного показателя, однако обратная зависимость не наблюдается. Кроме того, диминутивный аффикс *-чаан* обладает ограниченной сочетаемостью и присоединяется не ко всем частям речи.

Данные наблюдения согласуются с общетипологическим положением, отмеченной в работе Б. Пакендорф «Оценочная морфология ламунхинского говора эвенского языка в межъязыковом сравнении» [9]. Автор указывает, что для оценочной морфологии различных языков характерны следующие особенности: диминутивы встречаются чаще и образуются более разнообразными способами, чем аугментативы; оценочные аффиксы преимущественно присоединяются к существительным, реже – к прилагательным и глаголам, тогда как другие части речи практически не служат основами для деривации; данные показатели являются категориально нейтральными, то есть не меняют часть речи производящей основы, однако при этом закономерно модифицируют ее семантику [9, с. 154].

В ряде диалектов разговорного якутского языка диминутивный аффикс *-чаан* и аугментативные аффиксы *-дьаа*, *-ндыаа* продуктивно сочетаются с местоимениями (табл. 2,3,4,5).

Следует отметить, что в якутском языке представлена следующая система указательных местоимений: *бу* 'вот этот, вот это'; *ити* 'вон тот, вон то'; *ол* 'тот, то'; *били* 'тот, о котором шла речь'. При синтагматиче-

ском употреблении местоимений *бу*, *ити* и *ол* первое обозначает ближайший предмет, местоимение *ити* – более отдаленный предмет, а местоимение *ол* – наиболее удаленный объект. В условиях изолированного употребления данные местоимения в определенной степени способны замещать друг друга [10, с. 158].

Таблица 2

**Склонение указательных местоимений в ед.ч.
с диминутивом -џАп**

Table 2

**The declension of singular demonstrative pronouns with
the diminutive suffix -џАп**

	бу	ити	ол
Осн.	<i>бучаан, бачаан</i>	<i>итичээн</i>	<i>очоон</i>
Дат.	<i>маныхайчаанга</i>	<i>итинихэйчээнгэ</i>	<i>онуохайчаанга</i>
Вин.	<i>бучааны бачааны мачааны</i>	<i>итичээни ичээни</i>	<i>очоону</i>
Исх.	<i>бучаантан бачаантан мачаантан</i>	<i>итичээнтэн ичээнтэн</i>	<i>очоонтон</i>
Орудн.	<i>бучаанынан бачаанына мачаанынан</i>	<i>итичээнинэн ичээнинэн</i>	<i>очоонунан</i>
Совмест.	<i>бучаанныын бачаанныын мачаанныын</i>	<i>итичээннин</i>	<i>очооннуун</i>
Сравн.	<i>бучааннаџар бачааннаџар мачааннаџар</i>	<i>итичээннэџэр</i>	<i>очоонноџор</i>
Местн.	-	-	-

Таблица 3

**Склонение указательных местоимений во мн.ч.
с диминутивом -џАп**

Table 3

**The declension of plural demonstrative pronouns with
the diminutive suffix -џАп**

	булар-балар	итилэр илэр	олор
Осн.	<i>бучааннар бачааннар мантычааннар</i>	<i>итичээннэр ичээннэр илэрчээннэр</i>	<i>олорчооннор очооннор</i>
Дат.	<i>бучааннарга баларчааннарга мантычааннарга</i>	<i>итичээннэргэ ичээннэргэ</i>	<i>олорчооннорго очооннорго</i>
Вин.	<i>бучааннары баларчааннары мантычааннары</i>	<i>Итичээннэри илэрчээни</i>	<i>олорчооннору очооннору</i>
Исх.	<i>бучааннартан бачааннартан мачааннартан мантычааннартан</i>	<i>Итичээннэртэн илэрчээннэртэн</i>	<i>олорчоонтон очооннортон</i>
Орудн.	<i>буларчааннарынан баларчааннарынан мантычааннарынан</i>	<i>итичээннэринэн илэрчээннэринэн</i>	<i>олорчооннорунан очооннорунан</i>
Совмест.	<i>бучааннардыын бачааннардыын мантычааннардыын</i>	<i>итичээннэрдиин илэрчээннэрдиин</i>	<i>олорчооннордуун очооннордун</i>
Сравн.	<i>бучааннардааџар бачааннардааџар мантычааннардааџар</i>	<i>итичээннэрдээџэр илэрчээннэрдээџэр</i>	<i>олорчооннордооџор очооннордооџор</i>
Местн.			

Таблица 4

**Склонение указательных местоимений в ед.ч.
с аугментативом -ndzA**

Table 4

**The declension of singular demonstrative pronouns with
the augmentative suffix -ndzA**

	бу	ити	ол
Осн.	<i>бундъаа мантындыа</i>	<i>итиндъээ</i>	<i>ондъоо</i>
Дат.	<i>бундъааџа мантындыааџа</i>	<i>итиндъээџэ</i>	<i>ондъооџо</i>
Вин.	<i>бундъааны мантындыааны</i>	<i>итиндъээни</i>	<i>ондъоону</i>
Исх.	<i>бундъааттан мантындыааттан</i>	<i>итиндъээттэн</i>	<i>ондъоонтон, ондъооттон</i>
Орудн.	<i>бундъаанынан мантындыаанынан</i>	<i>итиндъээнинэн</i>	<i>ондъоонунан</i>
Совмест.	<i>бундъаанныын мантындыаанныын</i>	<i>итиндъээнниин</i>	<i>ондъооннуун</i>
Сравн.	<i>бундъааннааџар мантындыааннааџар</i>	<i>итиндъээннээџэр</i>	<i>ондъооннооџор</i>
Местн.	-	-	-

Таблица 5

**Склонение указательных местоимений во мн.ч.
с аугментативом -dzA**

Table 5

**The declension of plural demonstrative pronouns with
the augmentative suffix -dzA**

	булар-балар	итилэр-илэр	олор
Осн.	<i>бундъаалар мантындыаалар</i>	<i>итиндъээлэр индъээлэр</i>	<i>ондъоолор</i>
Дат.	<i>бундъааларга мантындыааларга</i>	<i>итиндъээлэргэ индъээлэргэ</i>	<i>ондъоолорго</i>

Вин.	<i>бундьяалары</i> <i>мантындыаалары</i>	<i>итиндьээлэри</i> <i>индьээлэри</i>	<i>ондьоолору</i>
Исх.	<i>бундьяалартан</i> <i>мантындыаалартан</i>	<i>итиндьээлэртэн</i> <i>индьээлэртэн</i>	<i>ондьоолортон</i>
Орудн.	<i>бундьяаларынан</i> <i>мантындыааларынан</i>	<i>итиндьээлэринэн</i> <i>индьээлэринэн</i>	<i>ондьоолорунан</i>
Совмест.	<i>бундьяалардыын</i> <i>мантындыаалардыын</i>	<i>итиндьээлэрдиин</i> <i>индьээлэрдиин</i>	<i>ондьоолордуун</i>
Сравн.	<i>бундьяалардааҕар</i> <i>мантындыаалардааҕар</i>	<i>итиндьээлэрдээбэр</i> <i>индьээлэрдээбэр</i>	<i>ондьоолордообор</i>
Местн.	-	-	-

Таким образом, при субстантивации указательные местоимения с диминутивными и аугментативными аффиксами, в зависимости от актантной роли в предложении, могут демонстрировать полную парадигму склонения.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что использование диминутивно-аугментативных показателей представляет собой характерную особенность северных диалектов якутского языка, существенно отличающую их от центральных говоров и литературной нормы. Данные аффиксы не только выполняют экспрессивно-оценочную функцию, но и выступают важным маркером диалектного варьирования. Более детальный анализ распространения, частотности и семантики этих показателей может привести к значимым выводам, касающимся:

- уточнения диалектного членения якутского языка;
- выявления историко-культурных ареалов;
- реконструкции путей языковых контактов.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексное изучение роли этих морфологических элементов в вопросах субстратно-адстратного взаимодействия, а также их сопоставительный анализ с оценочной морфологией тунгусо-маньчжурских языков. Систематизация полевых материалов и их картографирование могли бы значительно углубить понимание лингвогеографического распределения данных явлений и их исторической стратификации в системе якутского языка.

Литература

1. Воронкин М.С. *Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика*. Новосибирск: Наука. 1999.
2. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука. 1992.
3. Иванов С.А. *Морфологические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука. 2014.
4. *Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика, морфология*. Москва. 1982.
5. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. *Эвенский язык*. Учебник для педагогических училищ. Ленинград: Издательство «Просвещение». 1991.
6. Суник О.П. *Существительное в тунгусо-маньчжурских языках*. Ленинград: Наука. 1982.
7. Константинова О.А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. Москва-Ленинград: Изд. Наука. 1964.
8. Булатова Н.Я. Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке. *Acta linguistica Petropolitana*. 2015;12(2):60-77.
9. Pakendorf B. Lamunkhin Even evaluative morphology in cross-linguistic comparison. *Morphology*. 2017;(27):123-158. DOI: 10.1007/s11525-016-9296-1 (на англ.).
10. Харитонов Л.Н. *Современный якутский язык: фонетика и морфология*. Якутск. 1947.

References

1. Voronkin MS. *Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with lit. language and characteristics*. Novosibirsk: Nauka. 1999 (in Russian).
2. Korkina EI. *Northeastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. 1992 (in Russian).
3. Ivanov SA. *Morphological features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Science. 2014 (in Russian).
4. *Grammar of the modern Yakut literary language: phonetics, morphology*. Moscow. 1982 (in Russian).
5. Novikova KA, Gladkova NI, Robbek VA. *Even language*. Textbook for pedagogical schools. Leningrad: Prosveshchenie. 1991 (in Russian).
6. Sunik OP. *Noun in the Tungus-Manchu languages*. Leningrad: Nauka. 1982 (in Russian).
7. Konstantinova OA. *Evenki language. Phonetics. Morphology*. Moscow-Leningrad: Nauka. 1964 (in Russian).

8. Bulatova NYa. Emotional-evaluative suffixes of nominal and verbal forms in Evenki. *Acta linguistica Petropolitana*. 2015;12(2):60-77 (in Russian).

9. Pakendorf B. Lamunkhin Even evaluative morphology in cross-linguistic comparison. *Morphology*. 2017;(27):123-158. DOI: 10.1007/s11525-016-9296-1.

10. Kharitonov LN. *Modern Yakut language: phonetics and morphology*. Yakutsk 1947 (in Russian).

Об авторе

ЛЕГУСИНА Ульяна Николаевна – стажер-исследователь, Институт системного программирования РАН, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5072-3248, e-mail: ulegusina@mail.ru

About the author

Uliana N. LEGUSINA – Trainee-Researcher, Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5072-3248, e-mail: ulegusina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted: 19.07.25

Принята к публикации / Accepted: 10.09.25

УДК 811.511.1

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-60-79

Оригинальная научная статья

**Особенности фонетической адаптации апеллятивной лексики
прибалтийско-финского происхождения
в контексте трансформационного освоения**

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Институт лингвистических исследований,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ myznikovs@rambler.ru

Аннотация

Статья является продолжением работы над результатами исследований в области контактов прибалтийско-финского населения со смежными диалектами и языками. В работе представлен анализ процессов освоения ряда единиц прибалтийско-финского происхождения в этимологическом аспекте на широком фоне. Анализ неисконного лексикона осложняется тем, что данные существуют преимущественно в устной форме. В ряде случаев довольно трудно зафиксировать с достаточной полнотой все варианты слова, восходящие к какому-либо одному этимону – как диахронные, так и территориальные. Впоследствии это может привести к некорректным выводам при поиске и разработке их источников. В работе были использованы различные виды источников как по финно-угорским языкам, так и по русским говорам. Значительные материалы были получены в ходе полевых исследований языков и диалектов Северо-Запада. Отмечается, что заимствованные и субстратные карельско-вепсские данные представляют материал, который может иметь различные возможности для этимологического анализа. Трансформации нередко проходят как результат некоторых малочастотных фонетических изменений. Преобразования могут быть следствием поиска внутренней формы слова, причем это может происходить относительно заимствованных и исконных данных. В ряде случаев в ходе этимологического анализа значительного числа диалектных данных языков-доноров и языков-реципиентов удастся выявить своего рода регулярные фонетические изменения, которые помогают верифицировать этимологические

версии. Рассмотренные материалы позволяют констатировать разнообразные модели преобразования первоначальной формы слова как в процессе заимствования, так и при освоении неисконных данных, которые могут быть вызваны различными обстоятельствами. Чаще всего такого рода процессы происходят на почве фонетических изменений, накапливающихся в ходе бытования лексики в отдельной диалектной системе либо при ее территориальной миграции. Довольно часто трансформационные изменения обусловлены своеобразием локальной диалектной фонетической системы. Особенно характерны различные виды преобразований для лексики, фиксируемой в фольклорных текстах.

Ключевые слова: диалект, лексика заимствование, финно-угорский, прибалтийско-финский, трансформация, освоение, этимология, контакты, воздействие

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Мызников С.А. Особенности фонетической адаптации апеллятивной лексики прибалтийско-финского происхождения в контексте трансформационного освоения. *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 60-79. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-60-79

Original article

Features of phonetic adaptation of appellative vocabulary of Baltic-Finnish origin in the context of transformational adaptation

Sergey A. Myznikov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ myznikovs@rambler.ru

Abstract

This article is a continuation of the work on the results in the lexical sphere of contacts between the Baltic-Finnic population and adjacent dialects and languages. The work presents an analysis of the processes of mastering a number of units of Baltic-Finnic origin in the etymological aspect against a broad background. This article is a reflection of some results from the development of this topic. When studying non-native lexicon, its analysis encounters problems mediated by the oral form of existence of such data. In some cases, it is quite difficult to record

with sufficient completeness all variants of a word that go back to a single etymon, both diachronic and territorial, which may in the future lead to not entirely correct conclusions regarding the search and development of their sources. The work used various types of sources both on the Finno-Ugric languages and on Russian dialects. Significant materials were obtained during field studies of the languages and dialects of the North-West. It is noted that borrowed and substrate Karelian-Veps data represent material that may have various possibilities for etymological analysis. Transformations often occur as a result of some infrequent phonetic changes and may also be a consequence of the search for the internal form of a word. This can occur both with borrowed and native data. In a number of cases, in the course of etymological analysis of a significant number of dialect data of donor and recipient languages, it is possible to identify a kind of regular phonetic changes that help to verify etymological versions. The materials considered allow us to state various models of transformation of the original form of a word both in the process of borrowing or assimilation of non-native data, which can be caused by various circumstances. Most often such processes occur on the basis of phonetic changes that accumulate during the existence of a lexeme in a separate dialect system or during its territorial migration. Quite often transformational changes are due to the uniqueness of the local dialect phonetic system. Various kinds of transformations are especially characteristic of the vocabulary recorded in folklore texts.

Keywords: dialect, vocabulary borrowing, Finno-Ugric, Baltic-Finnish, transformation, development, etymology, contacts, impact

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Myznikov S.A. Features of phonetic adaptation of appellative vocabulary of Baltic-Finnish origin in the context of transformational adaptation. *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 60-79 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-60-79

Введение

Проблема преобразования формы слова, которая происходила в результате его освоения на почве языка-донора, уже рассматривалась автором [1-7]. Статья является отражением некоторых результатов разработки данной темы, основанной на этимологическом анализе лексики в условиях русско-финно-угорских контактов. При исследовании неисконного лексикона его анализ сталкивается с проблемами, обусловленными устной формой бытования такого рода данных. Это характерно

как для русской диалектной речи, так и контактирующих финно-угорских языков. Причем в ряде случаев довольно трудно зафиксировать с достаточной полнотой все варианты слова, восходящие к определенному этимону (диахронные, территориальные). При этом крайне важно в ходе этимологического анализа рассматривать всю совокупность этимологически сходных данных, а не маргинальный вариант, исследование которого нередко затруднено.

Материалы и методы

В работе используются различные виды источников по финно-угорским и русским говорам. Значительное количество материала было получено в ходе полевых исследований языков и диалектов Северо-Запада. Кроме того, использованы материалы из следующих картотек: «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [8], «Словарь русских народных говоров» [9] и материалы по пинежским говорам Г.Я. Симиной. Также использовались данные из всех русских диалектных словарей и материалы доступных автору словарных картотек. В данной работе применяется сочетание традиционных методов этимологического анализа (детальный анализ фонетических, семантических соответствий взаимодействующих единиц, включение историко-культурного компонента, адаптационные изменения в системе языка-реципиента) с учетом ареальных и лингвогеографических данных. Предпринимается попытка проанализировать с этимологической точки зрения как прибалтийско-финскую, так и северную русскую диалектную лексику в их взаимосвязи между собой и со смежными языками.

Результаты и обсуждение

1) При разработке этимологической версии не всегда можно определить, является ли рассматриваемая лексема основной единицей в системе или окказиональным вариантом. Довольно часто даже небольшое изменение формы слова не всегда может быть замечено исследователями и рассмотрено в гомогенном этимологическом ряду. Так, например, Я. Калима, анализируя лексему *о'льга* 'топкое болото' Пудож. Олон., которое позднее было представлено в Словаре русских народных говоров: *О'льга* 'топкое болото': *Первая застава великая, Ольги топучие*. Пудож. Олон. [10, с. 192], сравнивает данный материал с фин. *alho* 'низина, болото, топь', замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах [11, с. 175]. На прибалтийско-финской почве единица *alho* имеет редкие фиксации в финских диалектах 'влажное низменное место, ложбина, болото', 'территория, находящаяся под контролем правителя или другого правителя, провинция', в карельском языке – кар. *alho* 'болотистый луг, дальнее поле, луг', а также, хотя и с

сомнением, авторы Словаря по происхождению финских слов сопоставляют с эстонскими данными: эст. *ahl* ‘узкая, вытянутая впадина в лесу’ [12, с. 69].

При заимствовании русских данных прибалтийско-финскими языками, в большинстве случаев наблюдается переход *о* > *а*: русск. *обида* > кар. *apie*, *abia*, *abie* [13, с. 25], вепс. *abid* [14, с. 17], фин. *apea*, *apia*, ливв. *abei*, *abie* [15, с. 21].

Можно констатировать передачу адаптации гласных сходным вокализмом при влиянии карельско-вепсских диалектов на русские говоры:

о > *о*: русск. *ко’да* ‘курятник’, из люд. *koda*, вепс. *koda* ‘курятник’ [11, с. 121], кар. твер. *koda* «клетка, небольшой курятник» [16, с. 108], при эст. *koda* ‘избушка, домик, комната’, водск. *kõta* ‘избушка, кухня’ [15, с. 224];

а > *а*: русск. *на’довья* ‘сестра мужа’, из вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ [14, с. 350], фин. *nato*, люд. *nato*, *nado*, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’ [15, с. 368-369].

Таким образом, если принять версию Я. Калимы, то весьма трудно интерпретировать различие в типах вокализма – прибалтийско-финское [а] – русское [о]. Хотя, следует отметить, что такое соотношение в субстратной лексике русских говоров имеет место только в вологодских говорах, причем смена вокализма происходит уже на русской диалектной почве: ливв. *lahiti*, люд., вепс. *laht*. [15, с. 269] > русск. *ла’хта* ‘залив в озере’ > *ло’хта* ‘залив с низкими берегами’ Кирил., Вытегор. Волог. [8].

Обобщая рефлексy прибалтийско-финской [о] на русской почве, можно выделить следующие результаты:

1 → [о]: *ко’бры* ‘руки’ (вепс. *kobrad*);

2 → [а]: *ка’бры* ‘руки’;

3 → [и]: *ви’ньга* ‘удочка’ (вепс. *on̄g*), *ки’бры* ‘кисти рук’.

Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта *ка’бры*, вокализм которого – [а] на месте прибалтийско-финского [о] не столь типичен, сравнение с коми *кабыр* ‘кулак’ допустимо только на финно-угорской почве вне связи с русскими диалектными данными. Исходя из того, что в диахронии возможно чередование [а] – [о] на прибалтийско-финской почве, возможно трактовать вариант *ка’бры* как единицу прибалтийско-финского субстратного типа. Вероятно, изменение [о] > [и] связано с влиянием саамского типа, ср. фин. *kopsu*, саам. терск. *kīps* ‘рыбьи молока’ [17, с. 180]; фин. *sompa* ‘кольцо лыжной палки’, саам. терск. *siembpe* ‘лыжная палка’ [15, с. 1070]. Кроме того, при заимство-

вании русских данных в ряде случаев в прибалтийско-финских языках на месте [o] фиксируется [i]: русск. *окно* > фин. *ikkuna*, ливв. *ikkun*, кар. *ikkuna* [18, с. 82].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что *ольга* представляет собой единичный вариант к слову *о'рга*, которое широко представлено в русских говорах и фольклорных записях, ср., например, у Гильфердинга: – *Тогда зарождалась Вольга богатырь. От его славы богатырю Орги-ты вси приумолкнули, Птица улетела вся под оболочку*. Пудож. [19, с. 247]. Данное слово имеет давно утвердившуюся этимологию, которая связана с карельским влиянием, ср. кар. *orgo* ‘водянистая ложбина, поросшая ельником’, ‘овраг’ [20, с. 59], люд. *org* ‘лощина, низина’ [12, с. 271; 11, с. 176].

2) В ряде случаев субстратные карельско-вепсские данные представляют материал, который, несмотря на кажущуюся схожесть с результатами чередования [р] и [л], тем не менее, следует рассматривать изолированно на карельской и вепсской почвах.

Ша'глы 'жабры': – *Через шаглы крючок вытащил, а шарпак-то сломал*. Вытегор. (Ошта, Казаково, Мегра), Медвежьегор. (Падмозеро, Пабережье, Перхино, Загубье, Великая Нива, Толвуя, Ламбасручей, Сенная Губа, Шильтя, Палтега, Касомзеро, Кузаранда, Шуньга, Челмужи), Пудож. (Гаукса, Каршево, Песчаное, Пяльма, Римское, Сумозеро), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора), Кондоп. (Гангозеро, Горка, Кулмукса, Колгостров, Лижма, Новинка, Тулгуба), Подпорож. (Курпово, Пидьма, Ульино, Усланка, Шустручей, Яндеба), Прионеж. (Лехнаволоок, Педасельга, Суйсарь), Лодейноп., Онеж., Каргоп., Беломор., Терск. [21]. Слово широко представлено в карельских диалектах, ср. ливв. *šaglat* ‘жабры’ [22, с. 359], кар. сев. *šaklat* ‘жабры’, кар. твер. *šaglat* ‘жабры’, ливв. *šahlat* ‘жабры’ [20, с. 263], при фин. *saklat*, люд. *šaglad* ‘жабры’ [15, с. 951]. Хотя русские диалектные данные в синхронии следует трактовать как карельское заимствование, они не являются исконными на прибалтийско-финской почве, а в свою очередь являются более ранним результатом восточнославянского воздействия. Авторы Этимологического словаря финского языка придерживаются той же точки зрения, исходя из фиксаций фонемы [š] преимущественно в русских заимствованиях [15, с. 951]. Отмечается сходный материал в коми языке, ср. коми удор. *шаглем*, ижем. *шагля* ‘жабры’ [23, с. 428], который можно трактовать двояким образом, как результат коми-прибалтийско-финских контактов, так и севернорусского влияния.

Сходная единица с фонемой [р] в корне фиксируется преимущественно в зонах с вепсским воздействием: *ша'гры*, *ша'гра* ‘жабры’

Прионеж. (Ладва), Медвежьегор. (Есино, Черкасы) [21]. Однако, несмотря на сходство с *шаглы*, имеется возможность прямого сопоставления с вепсскими источниками, ср. вепс. *šagrad* ‘жабры’ [15, с. 951].

3) В ряде случаев в русском диалектном материале и в некоторых лексических единицах прибалтийско-финского происхождения наблюдаются процессы, характерные для говоров обширных территорий. В теоретическом плане данные явления нередко рассматриваются как результаты лексикализации некоторых фонетических особенностей русских говоров, хотя отмечается, что исчерпывающий их набор пока не выявлен. Однако представлен обширный перечень лексикализованных особенностей данного рода [24, с. 35]. В обширном списке зафиксированных чередований согласных имеются фиксации [б] на месте [м]: *губно* ‘гумно’, *бладой* ‘младой’, *блад*, *бладеня*, *блада* ‘молода’, *бладе’нь* ‘младенец’ [24, с. 44].

Имеются также факты [м] на месте [б], как при наличии регрессивной ассимиляции [бм] > [мм], например, *омману’ла* ‘обманула’ Перм. [9], так же, как и в начале слова перед гласными и сонорными: *мерло’га* ‘берлога’ Новг. [25], *муке’тик* ‘букетик’ Пинеж. [26], *мурово’чек* ‘буравчик’ Пинеж. [26], *млины* ‘блины’ Марев. Новг. [21], *мараус* < *бараус* ‘пескарь’ Волхов [10, с. 108], *мочаг* < *бочаг* ‘болото’ Новг. [25], *мукара’ха* < *букараха* Ярослав. [27].

В неисконных данных прибалтийско-финского происхождения также отмечается такое явление: звук [б] на месте этимологически первичного [м].

Тайбина ‘молодая ботва у картофеля’, *та’йбинка* Беломорье [8], *та’йбинка* ‘ботва у репы’ Кандалакш. [8]. Лексемы восходят к карельскому источнику, ср. кар. *taimen* ‘росток, саженец’ [28, с. 143], люд. *taimen*, вепс. *taimen* ‘то же’ [15, с. 1197-1198], кар. твер. *taimen* ‘рассада’ [16, с. 291], ливв. *taimen* ‘рассада’ [22, с. 373], при фин. *taimi*, эст. *taim*, водск. *taimi* ‘то же’ [15, с. 1198]. Имеются также значительные фиксации, фонетически коррелирующие с формой этимона: *та’ймина* ‘всходы, ростки у картофеля, репы’ Кандалакш., *та’йменка* ‘то же’ Кем. Карел. [8].

О.Д. Кузнецова рассматривает фиксацию в словах с [ф] на месте сочетания [хв]: *фост* ‘хвост’ Кадн., Волог. Волог., Олон., Краснояр., *фо’рост* ‘хворост’ Дон., Кубан., как лексикализацию [24, с. 44]. Следует отметить, что в пинежских говорах довольно часто отмечается [х] на месте [ф]: *хи’лин* ‘филин’ Пинеж. (Жабей, Кеврола, Купагора), *хилень’та* ‘птенцы филина’ Пинеж. (Усть-Ежуга), *хило’нить* ‘бездельничать, филонить’ Пинеж. (Матвера) [26].

Также имеются другие русские диалектные данные, где вариативно фиксируются [х], [ф], [п], при доминировании [ф]: *Лахта* 'к' 'большая часть шкуры, материи, бумаги; разновидность тюленя' Русское Устье [29, с. 33]. *Ля'птик* 'лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)': *Оторви ляптик*. Медвежьегор. [30, с. 183]. *Лафтак* 'снятая с морского зверя шкура с салом' Помор. [31, с. 81]. *Лафта* 'к' 'кусок сала' Пинеж. (Сульца) [26]. *Лафта* 'к' 'обрывок, лоскут' Печор. [32, с. 377]. *Лафта* 'к' 'лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)': — *Кожа у него так и слетела лафтаком*. Лоух. Терск. *Ля'фтя* 'к' 'то же' Пудож. *Ля'фчик* 'кусок ткани' Медвежьегор. *Ля'фтаки* 'часть огорода': — *Ляфтаки надо скосить*. Медвежьегор., Терск. [30, с. 183]. *Лафта* 'к' 'кусок, обрывок, часть чего-либо': — *Лафтакама помню песню*. Терск. (Варзуга). *Вот какой лафтак кожи*. Терск. (Стрельна) [33, с. 79]. *Лафта* 'к' 'участок земли' Волгогр. [34].

Поскольку эти данные представлены преимущественно на севернорусской территории, а их форма не является прозрачной, этимологические решения оказывались под влиянием ареальной доминанты, т.е. фиксация слова неясной мотивационной основы в регионе с финно-угорскими контактами априори предполагает его неисконное происхождение. Хотя имеются также южнорусские данные — донские говоры Волгоградской области. При семантической доминанте — 'кусок', вряд ли следует сопоставлять с саам. *lottâd* 'толстый (об одежде из шерсти и меха)', как это делает М. Фасмер [35, с. 468]. Не имеет семантических оснований версия Е.А. Хелимского в изложении А.Е. Аникина — из саам. патс. *lahta* 'к' 'затянутая льдом прорубь' [36, с. 354]. На наш взгляд, последнее является составной частью гнезда фин. *lähde* 'источник, ключ, родник', 'устье реки' при карельско-вепсских — ливв., люд., вепс. *lähte* 'прорубь' [15, с. 319]. Вероятно, это довольно поздний вариант, с основой *ласт-*, *лахтови* 'на' 'кусок материи, лоскут': — *Таку ляхтовину вырвешь, столь велику, от шубы-то*. Соликам. Перм. [10, с. 297]. *Ластови* 'на' 'кусок материи, лоскут' Соликам. Перм. [10, с. 282]. Вряд ли значение 'снятая с морского зверя шкура с салом' следует сопоставлять отдельно, в связи с другими прибалтийско-финскими источниками, например, фин. *lahti* 'убой, забой скота' восходит к скандинавским источникам, при швед. *slakt* 'бой' [15, с. 269]; однако оно не имеет отношения к рассматриваемым материалам. Подтверждает мысль об исконном происхождении этих данных фиксация слова в донских говорах.

4) Трансформацию можно наблюдать как результат некоторых нечастотных фонетических изменений, например, вторичный переход [ч] > [с], так же как и [с] > [ч]. *Сало* 'наружное отверстие русской печи,

чело' Павлодар., Горно-Алт., Свердл. [10, с. 65]. Как видно из толкования – преобразование от *чело'* (печи).

Па'чега 'участок леса, отмеченный зарубками на деревьях': – *В пачеге пилили. Это лес, который отмечают. В другую пачегу нельзя заходить.* Вашк. Волог. [30, с. 415]. Представляет собой вариант от *па'сека* 'участок леса, где рубят и пилят дрова' Пудож., Тихв., Бабаев., Кириш., Подпорож., Устюжен., Чудов. 'Место, где вырублен лес' Вытегор., Кондоп. [30, с. 401]. Такого рода фиксации [ч] на месте [с] характерны для Белозерья, ср. *черп* 'серп', отмеченный также в Вашкинском районе Вологодской области, а также в говорах Пинежья: *у'чкать* 'науськивать собаку' Пинеж. [26].

Преобразование формы слова возможно и на фоне языковых контактов с утратой мотивации: *бурса'к* 'таракан' Онеж. [30, с. 143] от русск. *пруса'к* 'таракан', возможно, связанное с прибалтийско-финским влиянием, ср. ливв. *brusakku* 'таракан' [22, с. 29], люд. *brušakko*, вепс. сев. *brusak* 'таракан', кар. *brusakka* 'то же' [20, с. 466], при фин. *russakkai* 'таракан', причем все гнездо русского происхождения [15, с. 882].

5) Преобразование может быть следствием поисков внутренней формы слова, причем это может происходить и на исконных данных, ср.: *гнедо'тка* 'рыболовная снасть' от *недо'тка* 'редкий холст для бредня, невода'; *верш* 'крупный гладкий песок вроде гальки' – из *верста* 'крупный песок' < *гверста* 'мелкодробленый камень, дресва'; *сигаре'тка* 'малек сига, вышедший из икринки в нынешнем году' Борович. и смежн. Новг., нач. XX [10, с. 277] – от *сеголе'тка* 'маленькая рыбка, вышедшая из икринки в этом году' Осташк. Твер., 1903 [10, с. 109].

В зонах языковых контактов фиксируется и преобразование исконной лексики: *я'ницы* 'рукавицы из овечьей шерсти' Пудож. [8; 30, с. 962], при *дяльницы* 'рукавицы' > * *яльницы* > *яницы*.

Перлу'п 'летняя кухня' Пудож. [30, с. 479] – от *приру'б* > *прилу'б* 'небольшое помещение рядом с печкой': – *Прилуб для обору всякой ерунды хозяйской, ка-кое там житье!* Плесец. *У моей пецки прилупа нет, а у братана моего хороший прилуп сделан.* Пудож. *В прилубе цай-то попьешь.* Кирил. Белозер., Волос., Каргоп. [30, с. 196].

Довольно часто такого рода трансформации характерны для неисконных материалов, зафиксированных в зоне контактов, причем они могут быть следствием ассоциативного сдвига, вызванного неясностью внутренней формы, заимствованной или утраты субстратной основы.

Перста'к 'толстый, полный человек; толстяк' Подпорож. [30, с. 480-481] является инновацией, ввиду неясности внутренней формы,

при широко распространенных данных: *перза'к* 'толстый полный человек, толстяк' Подпорож. [30, с. 478], *перза'ч* 'то же' Подпорож. [21], которые восходят к вепс. *perze* 'задница – часть тела' [14, с. 409], ср. словоупотребление у вепсов: *sanged perze* 'толстозадый' [21]. В Этимологическом словаре финского языка показан общеприбалтийско-финский характер этого гнезда: фин. *perse*, эст. *perse*, водск. *perze*, ливск. *pierz*, кар. *peršo* 'зад, задняя часть чего-л.'; из финского языка слово вошло также в швед. диал.: *pārssö* 'жадный, алчный, привередливый человек' [15, с. 525-526]. Ср. также: ливв. *perze* 'зад, часть тела или туловища' [22, с. 261], ижор. *perz* 'зад, задница' [37, с. 400].

В ряде случаев происходит переразложение диалектного слова, приводящее к опрощению его морфологической структуры. Например, фиксируется утрата [в] после звонкой [б] в приставке **-об**.

Оба'лья 'остатки большого вала сена' Калинин. [10, с. 347]. *Оба'лыш* 'остатки сена на лугу; маленькие кучки сена на лугу' Завид. Калинин. [10, с. 347]. Ср. первичные данные: **об-валя*, **об-валыш*.

Имеется случай, когда на русской почве произошло переразложение, а в прибалтийско-финских языках сохранился общеславянский корень: ср. др.-русс. *обиль* 'обильный', *обилие* 'хлеб в зерне', болг. *обилен*, сербохорв. *обил*, *обилан* 'обильный', словен. *obilje*, чеш. *obilí* 'хлеб в зерне', словац. *obilie* 'то же', праслав. **obilь* из **obvilь* [35, с. 100-101], при фин. *vilja* 'хлеб на корню', 'зерно, хлеба, мука' [15, с. 1763], ливв. *vil'l'u* 'хлеб (в зерне или на корню)', 'урожай' [22, с. 434], вепс. *vil'l'* 'хлеб (в зерне или на корню)', 'жито' [14, с. 634], водск. *vil'l'* 'хлеб, плоды' [38, с. 401], эст. *vili* 'хлеб на корню', *viljariis* 'плодовое дерево' [15, с. 1764].

Русские диалектные данные семантически соотносятся с прибалтийско-финскими: *обильё* 'хлеб на корню': – *Жито да ячмень так зовем, это обилье такое растет на полях, мука вкусная*. Сегеж. Онеж. *Оби'лье* 'то же' Каргоп., Вытегор. *Обилье* 'зерно на стебле' Сегеж. [30, с. 81]. *Оби'лье* 'количество уродившегося хлеба, урожай' Конош., Каргоп., Беломор., Волог. [30, с. 81].

В ряде случаев в ходе этимологического анализа значительного объема диалектных данных удается выявить своего рода регулярные фонетические изменения, например, утрату [р] в некоторых позициях. Принятие данного явления позволяет предложить более достоверные версии происхождения отдельных лексических единиц.

Га'йбать 'медленно, с трудом плыть на лодке, грести': – *Волна больша, еле гайбали*. Мезен. (Кимжа). *Едет, гайбат, грести не умеет*. Мезен. (Целегора) [39]. **Га'баться** 'то же': *Плывет, гайбаться, плавать*

не может быстро. Мезен. (Целегора) [39]. Для этих данных предлагалась ненецкая этимология, при больших трудностях как фонетического, так и семантического характера, ср. ненец. *хаебъсь* ‘проходить, проезжать, преодолевая (какое-либо расстояние)’ [40, с. 74]. Несмотря на то, что передача ненецкого [х] русским [г] встречается редко. Данные материалы можно рассматривать как преобразование глагола *гра’бать* ‘грести веслами’, широко употребляемого в севернорусских говорах, ср. *гра’бать* ‘грести веслами’ Вытегор., Череповец. Беломор., Пудож. [30, с. 382]. Следует отметить, что говорить об автохтонном иноязычном влиянии нет необходимости, ср. коми *койсьыны* ‘грести (веслом)’ [41], поскольку такого рода диалектные факты фиксируются также в псковских говорах, ср.: *га’бить* ‘сгребать (сено)’: – *Наши девчата все габят*. Новорж. Пск., 1957 [10, с. 82].

Ту’ба ‘морда, рыло у животного, в насмешку говорят о человеческом лице’ Помор. [31, с. 175]. При принятии этого варианта за основу возможны попытки нахождения его источников на исконной почве. Ср., однако, *ту’рба* ‘морда животного’ Пудож., Прионеж., Кондоп., Медвежьегор. [21], ‘морда – бранно о лице человека’ Прионеж., Пудож. [21]. Причем вариант с [р] имеет признанную этимологию, Я. Калима возводит данное заимствование к кар. *turba* ‘морда, рыло’ [11, с. 228]. Авторы ‘Этимологического словаря финского языка’, приводя прибалтийско-финский материал: фин. *turpa* ‘морда животного’, ‘рот, лицо человека’, кар. *turpa, turba*, ливв. *turbi* ‘морда, рот’, люд. *turb*, вепс. сев. *turb*, не останавливаются на конкретном языке-источнике. Ср. также морд. эрзя *turva*, морд. мокш. *tärva* ‘губа’, мар. *tə-rβə* ‘губа’, коми *tîrp* ‘губа’ [15, с. 1426; 23, с. 293; 22, с. 393; 35, с. 123].

Имеются случаи вставных фонем, которые не имеют регулярной фонетической основы, например, [ш] в начале слова.

Шря’нда ‘снег с дождем’ Кандалакш. (Княжая Губа) [8] при **ря’нда** ‘то же’ из вепс. *ränd* ‘сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег’ [14, с. 489; 7, с. 702].

Шка’рды ‘орудие для чесания шерсти’ Новг. [25, с. 98], представляет собой преобразованный вариант от слова *карда* (варианты *карта*, *кард*) ‘щетка из репейных шишек или проволоки для чесания хлопка и шерсти и начесывания ворса’ [42, с. 256], возводимое авторами к немецкому или голландскому источникам, при современном значении: *карда* – ‘кардная лента – лента из кожи или многослойной прорезиненной ткани, усаженная стальными согнутыми под углом иглами; примен. в чесальных (кардных) машинах’, заимствованное, по мнению авторов, из франц. *carde* ‘шерсточесалка’ [43, с. 221]. Преображенный слову *карда*

‘ворсильная щетка’ дает немецкую этимологию, нем. *karde* [44, с. 298], М. Фасмер не исключает и польское посредство, ср. польск. *karda* [35, с. 196].

В ряде случаев имеется возможность проследить трансформации слова в контактных зонах. *Шли’нак* ‘лоскут, тряпка’ Медвежьегор., Вытегор., Подпорож. [8] соотносится с лексемой *ли’нак* ‘пеленка для грудного ребенка’ Каргоп., ‘отрез, кусок какого-л. материала, кожи т.п.’ Каргоп. [8]. При этом имеются семантически сходные данные с начальным [р]: вепс. *ripak* ‘лоскут, тряпка’ [14, с. 473], кар. *ripakko* ‘пеленка; тряпка’ [13, с. 512]. Имеющееся вепс. *šlipak* ‘лоскут, кусок чего-л.’ [14, с. 545] можно рассматривать уже как обратное русское заимствование.

Заключение

Рассмотренные материалы позволяют констатировать разнообразные модели преобразования первоначальной формы слова в процессе заимствования или освоения неисконных данных, вызванные различными обстоятельствами. Эти процессы происходят на почве фонетических изменений, которые накапливаются в ходе бытования лексемы в отдельной диалектной системе или при ее территориальной миграции. Особенно важно отметить, что для отдельного диалектного слова, бытующего исключительно в устной форме и не поддерживаемого письменной традицией, такого рода фонетические изменения могут происходить в разных направлениях. Это нередко сопровождается структурными изменениями формы слова.

Довольно часто трансформационные изменения обусловлены своеобразием локальной диалектной фонетической системы. Особенно характерны различного рода преобразования для лексики, фиксируемой в фольклорных текстах. Однако в ряде случаев, при анализе данных региональных диалектных словарей, не всегда понятно, имеет ли место действительно преобразование, *misunderstanding* коллектора или некорректность лексикографического описания. Ср., например, представленную в ‘Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей’ единицу: *Ру’качи* (I) ‘ограда, преимущественно деревянная’ Тихв. [30, с. 580] при наличии в этом же районе лексемы *ку’лгачи* ‘ворота в изгороди, отделяющей деревню от поля (иногда с блоком для запора)’ Капш. Ленингр. [10, с. 54]. Последняя имеет этимологическую основу в вепс. *kui’gač* ‘большие ворота на проезжей дороге’ [14, с. 251].

Сокращения языков и диалектов

Болг. – болгарский
Вепс. – вепсский
Вепс. сев. – прионежский диалект вепсского языка
Водск. – водский
Др.-русс. – древнерусский
Ижем. – ижемский диалект коми языка
Ижор. – ижорский
Кар. – карельский
Кар. сев. – северный диалект карельского языка
Кар. твер. – тверской диалект карельского языка
Ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
Люд. – людиковский диалект карельского языка
Мар. – марийский
Мокш. – мокшанский
Морд. – мордовский
Нем. – немецкий
Польск. – польский
Праслав. – праславянский
Русск. – русский
Саам. – саамский
Саам. патс. – саамский диалект Патсойоки
Словац. – словацкий
Словен. – словенский
Терск. – терский диалект саамского языка
Удор. – удорский диалект коми языка
Фин. – финский
Франц. – французский
Чеш. – чешский
Швед. – шведский
Эрз. – эрзянский
Эст. – эстонский

Географические сокращения

Бабаев. – Бабаевский район Вологодской обл.
Белозер. – Белозерский район Вологодской обл.
Беломор. – Беломорский район Карелии
Вашк. – Вашкинский район Вологодской обл.

Вожегод. – Вожегодский район Вологодской обл.
Волгогр. – Волгоградская обл.
Волх. – Волховский район Ленинградской обл.
Волог. – Вологодская область
Волос. – Волосовский район Ленинградской обл.
Вытегор. – Вытегорский уезд Олонецкой губ.; район Вологодской обл.
Горно-Алт. – Горно-Алтайская автономная обл.
Дон. – Донская обл.
Завид. – Завидовский район Тверской обл.
Зап.-Брян. – Западная Брянщина
Кадн. – Кадниковский район Вологодской обл.
Калин. – Калининская обл.
Кандалакш. – Кандалакшский район Мурманской обл.
Каргоп. – Каргопольский уезд Олонецкой губ.; район Архангельской обл.
Кем. – Кемский район Карелии
Кирил. – Кириловский район Вологодской обл.
Кириш. – Киришский район Ленинградской обл.
Кондоп. Кондопожский район Карелии.
Конош. – Коношский район Архангельской обл.
Краснояр. – Красноярский край
Кубан. – Кубань
Лодейноп. – Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.; район Ленинград-
ской обл.
Марев. – Маревский район Новгородской обл.
Медвежьегор. – Медвежьегорский район Карелии
Мезен. – Мезенский район Архангельской обл.
Новорж. – Новоржевский район Псковской обл.
Олон. – Олонецкая губ.
Онеж. – Онежский уезд Архангельской губ.
Осташк. –Осташковский уезд (район) Тверской губ. (обл.)
Павлодар. Павлодарская обл. Казахстана
Петрозав. – Петрозаводский уезд Олонецкой губ.
Перм. – Пермский край
Печор. – Усть-Цилемский район Республики Коми (по р. Печоре)
Пинеж. – Пинежский район Архангельской обл.
Плесец. – Плесецкий район Архангельской обл.
Подпорож. – Подпорожский район Ленинградской обл.
Помор. – Поморье
Пск. – Псковская обл.
Свердл. – Свердловская обл.
Сегеж. – Сегежский район Карелии

Соликам. – Соликамский район Пермского края
 Терск. – Терский район Мурманской обл.
 Тихв. – Тихвинский район Ленинградской обл.
 Устюжен. – Устюженский район Вологодской обл.
 Череповец. – Череповецкий район Вологодской обл.
 Чудов. – Чудовский район Новгородской обл.
 Ярослав. – Ярославская обл.

Литература

1. Мызников С.А. Трансформационные изменения формы диалектного слова и некоторые аспекты этимологических исследований. *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г.* М. 2009:158-161.
2. Мызников С.А. Новые диалектные данные и некоторые практические аспекты этимологического анализа. *Язык и прошлое народа: сборник научных статей памяти проф. А.К. Матвеева.* Екатеринбург: Издательство Екатеринбургского университета. 2012:310-327.
3. Мызников С.А. Трансформационные изменения диалектного слова в свете этимологических исследований. *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2012:51-61.
4. Мызников С.А. Разработка неисконных данных в диалектных словарях и проблемы их этимологизации. *Диалектная лексика.* СПб.: «Нестор-История». 2013:239-246.
5. Мызников С.А. Этимологические исследования русской диалектной лексики: исконные и заимствованные пласты. *Perspectives of Slavonic Etymology.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2016:75-81.
6. Мызников С.А. Финно-угорская лексика в Восточной Сибири: верификация этимологических версий. *Северо-Восточный гуманитарный вестник.* Якутск. 2019;2(27):63-69.
7. Мызников С.А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов.* М.; СПб.: Нестор-История. 2019.
8. *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»* (хранится в МСК им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
9. *Картотека «Словаря русских народных говоров»* (хранится в ИЛИ РАН).
10. *Словарь русских народных говоров.* Т. 1-52. Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1-24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25-46), С.А. Мызников (вып. 47-52). М.; Л.; СПб.: Наука. 1965-2021.

11. Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors. 1915 (на нем.).
12. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. О. 1-3. Helsinki. 1992-2000 (на финск.).
13. Федотова В.П., Бойко Т.П. *Словарь собственно-карельских говоров Карелии*. Петрозаводск. 2009.
14. Зайцева М.И., Муллонен М. И. *Словарь венгского языка*. Л.: Наука. 1972.
15. Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1-7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). 1955-1981 (на финск.).
16. Пунжина А.В. *Словарь карельского языка (тверские говоры)*. Петрозаводск. 1994.
17. Itkonen T.I. *Koltan ja kuolalapiin sanakirja*. О. 1-2. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV. Helsinki. 1958 (на финск.).
18. Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Suomen kielen Seuran Toimituksia*. Helsinki. 1952 (на финск.).
19. Гильфердинг А.Ф. *Онежские былины, записанные летом 1871 года*. М.; Л. 1949-1951.
20. Virtaranta P., Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. О. 1-6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968-2005 (на финск.).
21. Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные Мызниковым С.А. в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
22. Макаров Г.Н. *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*. Петрозаводск. 1990.
23. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар. 1999.
24. Кузнецова О.Д. *Актуальные процессы в говорах русского языка. Лексикализация фонетических явлений*. Л.: Наука. 1985.
25. Строгова В.П. *Новгородский областной словарь*. Вып. 1-12. Новгород. 1992-1995.
26. Сими́на Г.Я. Словарная картотека пинежских говоров, дар Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН).
27. *Ярославский областной словарь*. Вып. 1-10. Ярославль. 1981-1991.
28. *Impilähden karjalan sanakirja. Toim.* Punttila M. Lexica societatis fenno-ugricaе. XXVII. Helsinki. 1998 (на финск.).
29. Чикачев А.Г. *Диалектный словарь Русского Устья*. Новосибирск. 2005.
30. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Т. 1-6. СПб.: СПбГУ. 1994-2002.

31. Подвысоцкий А. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб. 1885.
32. *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Т. 1-2. СПб. 2003-2005.
33. Меркурьев И.С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск. 1979.
34. *Словарь донских говоров Волгоградской области*. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель. 2011.
35. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1-4. М. 1964-1973.
36. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск. 2000.
37. Toimit. R.E. Nirvi. *Inkeröismurteiden sanakirja*. Lexica societatis fenno-ugricae. XVIII. Helsinki. 1971 (на финск.).
38. Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperän sanasto*. Helsinki. 1995 (на финск.).
39. *Словарь говоров Русского Севера*. Т. 1-7. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та. 2001-2018.
40. Матвеев А.К. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах. *Этимологические исследования*. Екатеринбург. 1996;6:72-79.
41. Безноскова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. *Коми-роч кывчукор*. Сыктывкар. 2000 (на коми).
42. *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1-23. Л.; СПб. 1984-2024.
43. *Словарь иностранных слов*. М. 1989.
44. Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Русский язык. 1910-1914.

References

1. Myznikov SA. Transformational changes in the form of a dialect word and some aspects of etymological research. *Actual problems of Russian dialectology and research of Old Believers. Abstracts of reports of the International conference of October 19-21, 2009. Moscow*. 2009;158-161 (in Russian).
2. Myznikov SA. New dialect data and some practical aspects of etymological analysis. *Language and past of the people: collection of scientific articles in memory of prof. A.K. Matveev*. Ekaterinburg: Publishing House of Ekaterinburg University. 2012:310-327 (in Russian).
3. Myznikov SA. Transformational changes in a dialect word in light of etymological research. *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2012:51-61 (in Russian).
4. Myznikov SA. Development of non-native data in dialect dictionaries and problems of their etymologization. *Dialectal Lexicon*. 2013. St. Petersburg: Nestor-History. 2013:239-246 (in Russian).

5. Myznikov SA. Etymological studies of Russian dialect vocabulary: native and borrowed layers. *Perspectives of Slavonic Etymology*. Prague: Nakladatelství Lidové noviny. 2016:75-81 (in Russian).
6. Myznikov SA. Finno-Ugric vocabulary in Eastern Siberia: verification of etymological versions. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. Yakutsk. 2019;2(27):63-69 (in Russian).
7. Myznikov SA. *Russian dialect etymological dictionary. Lexicology of contact regions*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History. 2019 (in Russian).
8. *Card index of the Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions* (housed at the Larin BA. Manuscript and Archive Department, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University) (in Russian).
9. *Card index of the Dictionary of Russian vernacular dialects* (housed at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences) (in Russian).
10. *Dictionary of Russian vernacular dialects*. Vols. 1-52. Chief editors: Filin FP. (issues 1-24), Sorokoleotov FP. (issues 25-46), Myznikov SA. (issues 47-52). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka Publishing. 1965-2021 (in Russian).
11. Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors. 1915 (in German).
12. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1-3. Helsinki. 1992-2000 (in Finnish).
13. Fedotova VP, Boyko TP. *Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia*. Petrozavodsk. 2009 (in Russian).
14. Zaitseva MI, Mullonen MI. *Dictionary of the Veps Language*. Leningrad: Nauka. 1972 (in Russian).
15. Toivonen YH, Itkonen E, Joki AJ, Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Vols. 1-7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). 1955-1981 (in Finnish).
16. Punzhina AV. *Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)*. Petrozavodsk. 1994 (in Russian).
17. Itkonen TI. *Koltan ja kuolalapin sanakirja*. O. 1-2. Lexica societatis Fenno-Ugricae. XV. Helsinki. 1958 (in Finnish.)
18. Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Suomen kielen Seuran Toimituksia*. Helsinki. 1952 (in Finnish).
19. Ghilferding AF. *Ostyak Bylinas Recorded in Summer 1871*. Moscow; Leningrad. 1949-1951 (in Russian).
20. Virtaranta P, Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1-6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968-2005 (in Finnish.).
21. Field linguistic and geographical survey (materials collected by Myznikov SA. during dialectological expeditions on Russian dialects and Finno-Ugric languages) (in Russian).

22. Makarov GN. *Dictionary of the Karelian language (Livo dialect)*. Petrozavodsk. 1990 (in Russian).
23. Lytkin VI, Gulyayev ES. *Concise etymological dictionary of the Komi language*. Syktyvkar. 1999 (in Russian).
24. Kuznetsova OD. *Current processes in Russian dialects. Lexicalization of phonetic phenomena*. Leningrad: Nauka. 1985 (in Russian).
25. Strogova VP. *Novgorod regional dictionary*. Vol. 1-12. Novgorod. 1992-1995 (in Russian).
26. Simina GYa. *Vocabulary card index of Pinet dialects, dedicated to Simina's Vocabulary card index of IRYAZ* (now the card index of SRNG, stored at ILI RAS) (in Russian).
27. *Yaroslavl Regional Dictionary*. Vol. 1-10. Yaroslavl. 1981-1991 (in Russian).
28. *Impilahden karjalan sanakirja*. Toim. Punttila M. *Lexica societatis fenno-ugricae*. XXVII. Helsinki. 1998 (in Finnish).
29. Chikachev AG. *Dialect dictionary of the Russian Ustye*. Novosibirsk. 2005 (in Russian).
30. *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*. Vol. 1-6. St. Petersburg: SPbGU. 1994-2002 (in Russian).
31. Podvysotsky A. *Dictionary of the Arkhangelsk regional dialect in its everyday and ethnographic usage*. St. Petersburg. 1885 (in Russian).
32. *Dictionary of Russian dialects of Lower Pechora*. Vol. 1-2. St. Petersburg. 2003-2005 (in Russian).
33. Merkuryev IS. *Living speech of Kola pomors*. Murmansk. 1979 (in Russian).
34. *Dictionary of Don dialects of the Volgograd region*. 2nd edition, revised and supplemented. Volgograd: Publisher. 2011 (in Russian).
35. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1-4. Moscow. 1964-1973 (in Russian).
36. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from Uralic, Altai and Paleo-Asian languages*. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow; Novosibirsk. 2000 (in Russian).
37. Toimit. RE. Nirvi. *Inkeröismurteiden sanakirja*. *Lexica societatis fenno-ugricae*. XVIII. Helsinki. 1971 (in Finnish).
38. Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperän sanasto*. Helsinki. 1995 (in Finnish).
39. *Dictionary of Dialects of the Russian North*. Vol. 1-7. Yekaterinburg: Ural State University Publishing. 2001-2018 (in Russian).
40. Matveev AK. New Data on Nenets Borrowings in Northern Russian Dialects. *Etymological Studies*. Ekaterinburg. 1996;6:72-79 (in Russian).

41. Beznosikova LM, Aibabina EA, Kosnerieva RI. *Komi-Roch Kuvchukörr*. Syktyvkar. 2000 (in Komi).

42. *Dictionary of the Russian language of the 18th century*. Vol. 1-23. Leningrad; Saint Petersburg. 1984-2024 (in Russian).

43. *Dictionary of foreign words*. Moscow. 1989 (in Russian).

44. Preobrazhensky A. *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian Language. 1910-1914 (in Russian).

Об авторе

МЫЗНИКОВ Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы, Институт народов Севера, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-2972-0656, ResearcherID: V-1475-2017, SPIN: 4796-6667, e-mail: myznikovs@rambler.ru

About the author

Sergey A. MYZNIKOV – Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Institute of Peoples of the North, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2972-0656, ResearcherID: V-1475-2017, SPIN: 4796-6667, e-mail: myznikovs@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Автору не известно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author is member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 11.08.25

Принята к публикации / Accepted 09.09.25

УДК 39; 811.512.157

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-80-93

Оригинальная научная статья

**Традиционные знания северных тюрков-саха о природе
в контексте «чувствующей экологии»
(реальность и символическое пространство)**

Е. Н. Романова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация

✉ e_romanova@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено семиотическому анализу традиционных текстов культуры, связанных с календарными представлениями северных тюрков-саха в контексте теории «чувствующей экологии» Тима Ингольда. Целью статьи является реконструкция архаичных представлений об обитаемом мире северных кочевников через описание природных и жизненных сценариев. Народные представления о природе выражаются в реальном и сакральном измерениях. Сделан важный вывод: мифология календарного времени регулировала поведенческий код человека в его отношениях с природой. Обратившись к календарным песням, предметным и обрядовым символам саха, можно увидеть, что для них мир был открытым и проницаемым, причем основными символическо-смысловыми категориями обитаемого мира выступали движение и линии жизни (пути-дороги). Стратегии прогнозирования и моделирования природных сценариев закреплялись за особыми специалистами – *дьыллыта-ми* (предсказателями погоды) и шаманами. Великие шаманы могли остановить стихийные «сценарии природы»: вызывать дожди при пожарах, останавливать наводнения, укрощать бури и пургу. Моделирование желаемого результата (гармонии природы и человека) в рискованных ситуациях в природе и в обществе являлось главной миссией шамана. Хранители народного и сакрального знания – шаманы «сшивали» разорванные жизненные нити Вселенной. Проанализированный материал в рамках экологической антропологии дает возможность по-новому взглянуть на «экологическую религию» – шаманизм и раскрыть фундаментальные основы архаичного миропонимания.

© Романова Е. Н., 2025

Ключевые слова: календарная культура, экология и память, реальное и сакральное, природные сценарии, модели прогнозирования, обитаемый мир, линии жизни, нити жизни, шаман, язык культуры, языковая картина мира

Финансирование. Исследование выполнено по Программе развития АГИКИ на 2025-2036 годы в рамках федеральной программы «Приоритет-2030. Дальний Восток»

Для цитирования: Романова Е.Н. Традиционные знания северных тюрков-саха о природе в контексте «чувствующей экологии» (реальность и символическое пространство). *Арктика XXI век*. 2025, № 3. С. 80-93. DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-80-93

Original article

Traditional knowledge of the northern Turkic-Sakha peoples about nature in the context of “sentient ecology” (reality and symbolic space)

Ekaterina N. Romanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation

✉ e_romanova@mail.ru

Abstract

The study is dedicated to the semiotic analysis of traditional cultural texts related to the calendrical beliefs of the northern Turkic Sakha people within the framework of Tim Ingold’s theory of “dwelling perspective” (or “sentient ecology”). The aim of the article is to reconstruct archaic representations of the inhabited world of northern nomads through the description of natural and life scenarios. Folk conceptions of nature are expressed in both real and sacred dimensions. An important conclusion is drawn: the mythology of calendrical time regulated the behavioral code of humans in their relationships with nature. By examining the Sakha’s calendrical songs, language, material and ritual symbols, it becomes clear that their worldview was open and permeable. Movement and lines of life (paths and roads) served as the principal symbolic-cognitive categories of the inhabited world. Strategies for forecasting and modeling natural scenarios were entrusted to specialists – *d’yillyts* (weather predictors) and shamans. Great shamans were believed to be capable of halting elemental nature scenarios: invoking rain during fires, stopping floods, calming down storms and blizzards. The main mission of the shaman was to model a desired outcome – harmony between nature and humans in risk-prone situations both in nature and society. Shamans, as keepers of folk and sacred knowledge,

“stitched together” the torn threads of life in the Universe. The entire analyzed material, within the framework of ecological anthropology offers a new perspective on “ecological religion” – shamanism and reveals the fundamental foundations of archaic worldview.

Keywords: calendrical culture, ecology and memory, real and sacred, natural scenarios, forecasting models, inhabited world, lines of life, threads of life, shaman, language of culture, linguistic worldview

Funding. The research was conducted under the Arctic State Institute of Arts and Culture Development Program for 2025-2036 within the framework of the federal program “Priority-2030. Far East”

For citation: Romanova E.N. Traditional knowledge of the northern Turkic-Sakha peoples about nature in the context of “sentient ecology” (reality and symbolic space). *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 80-93 (in Russian). DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-80-93

Введение

В последнее время все большую актуальность в многофакторном освоении Арктики в фокусе инновационных технологий жизнеустойчивости хрупкой экологической системы арктической зоны приобретает бесценный опыт адаптивных стратегий и локальных практик северных этнических сообществ в условиях криолитозоны. Сочетание разных исследовательских подходов в русле экологической антропологии открывает новые перспективы в изучении подвижных экосистем холодной земли как переплетения реального и символического. Говоря о резерве культуры как непрерывной памяти, необходимо актуализировать линии пересечения жизненных и природных сценариев в контексте традиционного мировоззрения. Речь идет о традиционных текстах культуры, направленных на прогнозирование будущего и моделирование креативного механизма устной традиции. По мнению Ю.М. Лотмана, «само существование культуры подразумевает построение системы, правил перевода непосредственного опыта в текст» [1, с. 327]. В данном контексте ключевыми компонентами настоящей исследовательской «программы» выступают метеорологические знания, календарный фольклор, мифология и обрядовая практика, рассматриваемые как важные индикаторы «памятной культуры», связанной с климатическими изменениями и другими природными явлениями.

Материалы и методы

Одним из концептуальных положений статьи является обращение к интеллектуальным идеям британского ученого Тима Ингольда, осно-

воположника теории «чувствующей экологии», согласно которой жизнь людей тесно вплетена в природный мир, в жизненные циклы растений и животных, где нет границы между природным и культурным [2]. Предлагаемый в данной статье инновационный метод экологической антропологии раскрывает жизнедеятельность северного пространства на фоне длительной исторической экспозиции и позволяет выделить многослойный бытийный код Севера в условиях меняющейся реальности. В исследовании также использованы методы семиотической реконструкции.

Как известно, в традиционной культуре саха были специальные **люди «дьыллыты»** – предсказатели погоды, которые долгие годы вели свои природные наблюдения. По замечанию философа Д. Макарова, *дьыл*, в отличие от календарного года *сыл*, – это физический год, т. е. год со всеми климато-метеорологическими условиями, который не совпадает по времени с современным календарным. Так, у каждого *дьыллыта* были свои деревянные 4 или 6 граненые палочки (*дьыл маһа*) длиной в аршин, которые со временем накапливались у некоторых из них до 80–100 штук. С помощью этих палочек фиксировались погодные условия Якутии многих десятилетий [3, с. 64].

Дьыллыты пользовались знаниями народной метеорологии и народными приметами, которые знали в совершенстве. Поразительно, что они занимались не только предсказанием погодных условий на ближайшее и продолжительное время, но и климатическим прогнозированием. В основе таких прогнозов, безусловно, лежал многовековой опыт наблюдения и обобщения *дьыллытов* о чередующихся между собой влажных и засушливых периодах («*угут уонна кураан кэмнэр Саха сиригэр эргийсиилэрэ*») [3, с. 76]. Следует отметить, что *дьыллыты* использовали в своих практиках и фольклорные нарративы. Так, ценные сведения о состоянии природы встречаются в отрывках старинных календарных песен якутов.

Результаты и обсуждение

Календарные мифологические песни

Традиция записывать календарный фольклор у якутов связан с собирательской программой Г.У. Эргиса, большинство песен хранится в Архиве ЯНЦ СО РАН и еще пока не введены в научный оборот. Календарные песни о смене времен года «*дьыл кэлиитин ырыалара*» состоят из отдельных частей, посвященных изменению погоды и состоянию природы по сезонам года. Возможно, они когда-то составляли единую календарную систему и включали девять взаимосвязанных частей: *Тобус сүһуохтээх ырыа* (‘Песня о девяти частях’): 1) первый прилет орла и очистка им своего гнезда от снега; 2) ослабление мороза от орлиного

клекота; 3) второй прилет орла вместе со снегирами-подорожниками; 4) приход теплых ветров с востока; 5) возвращение божества *Иэйиэхсит* и ее благословление природы; 6) ледоход 7) прилет птиц и уток с юга; 8) появление зелени; 9) песня про кукушку. Здесь кукушка выступает уже как хронометр летнего времени [4, с. 298].

Календарные песни отражали характерные черты определенного времени года, включая атмосферные изменения, миграцию птиц, биоритмы животных, рост растений и т.д. В традиционном сознании климатические явления понимались как действия небесных сил, тесно связанных с землей. Все атмосферные осадки связывались с миром божеств *Айыы*.

По материалам XVIII века (экспедиция Миллера), во время праздника *Ысыах* у якутов наряду с главным божеством *Айыы*, известным как *Юрюнг Айыы* – ‘Белый Создатель’, выделялись божества *Аар Тойон*, отвечающий за хорошую погоду, дождь, снег и другие природные явления; а также *Сюгэ Тойон* – бог грома и молнии. Показательно, что эти данные были предоставлены ученому шаманом из рода *Хорин* Кангаласской волости, который охарактеризовал их как общие для всех якутов [5, с. 115]. Персонификация сил природы соотносилась с символической стратегией обеспечения безопасной жизнедеятельности якутского рода. Обращение к божествам на главном весенне-летнем календарном празднике моделировало символы жизнеутверждающего начала – гармонии природы и человека.

В мифологических песнях, исполняемых на *Ысыахе*, воспроизводится основная креационная схема традиционной картины мира народа саха. В текстах подобного рода обнаруживается последовательное разворачивание темы природного цикла согласно движению «космического» круга.

Сам якутский круговой танец *осуохай*, исполняемый в годовом ритуале *Ысыах*, также символизировал создание нового мира. Двигаясь в неторопливом темпе по ходу солнца, танцующие замыкали круг времени и пространства. Мотив круга являлся определяющим в якутском празднике первотворения, он ‘прочитывается’ в форме места его проведения *тыюсюлгэ*, в способе сидения по кругу *тобюрюон*, ритуальной передаче по кругу деревянного кубка с освященным напитком, в ритуальном хороводе *осуохай*. В мифологических песнях круговых вращений одним из главных глаголов являются слова *эргийиши* (‘вращение’), *эргийэн* (‘обходя по кругу’).

Анализ космологических текстов характеризуется последовательностью сменяемости сезонных циклов. Картины состояния оживле-

ния природы разворачиваются от конца зимы до прихода благодатного лета: смягчение холодов, прекращение обильных снегопадов, оседание снежного наста выступает как отступление холода. Появление солнца приносит с собой тепло и порождает лето с его мелкими и обильными дождями, обещающими плодородие, расцвет и изобилие. Вершина лета, самый пик благодатного времени, воспевается описанием яркой картины созревших трав, шелком зеленой хвои деревьев, золотом созревших шишек, разноголосым хором птиц. В этом движении по кругу человек вместе с природой как бы пробуждается от зимнего сна (сон как символическая смерть). Он заново обустроивает скотный двор *тиэргэн*, раздувает дымокур *тюттэ*, растягивает для жеребят волосяную веревку *сэлэ* и т.д. К празднику готовит место проведения *Ысыаха* [6].

Таким образом, мифопоэтическое мировоззрение якутов раскрывает глубокую связанность природы и человека через календарные установления. «Вторжение» в календарный ход времени воспринималось как нарушение календарных запретов и проецировало не только негативные последствия, но и приводило мир к общему Хаосу.

Метеорологическая магия: предметы, способные изменить погоду

В тюрко-монгольском мире широко распространялось поверье о магической силе «камня зада», обладающего способностью управлять погодой. К таким объектам относились предметы, напоминающие камень, — отложения различного химического состава, обнаруженные в организме животного и птиц [7, с. 191].

Если обратиться к лингвистическому якутскому материалу, то слово «*сата*» (тюрк. *јада*) обозначает магический камень, с помощью которого вызывают выпадение и прекращение дождя и снега. В бурятском языке слово «*зада*» означает ненастье или дождливую погоду, а в монгольском — «безоаровый камень», который считается магическим и связанным с изменением погодных условий, таких как дождь и ненастье. 1) «Безоар» или «безоаровый камень» — образование, находимое в желудке или печени крупных млекопитающих (лошади, коровы, лося, оленя) или глухаря. По поверьям якутов, этот камень обладает волшебной силой и, будучи вынесенным на открытый воздух в летний знойный день, вызывает сильный холодный ветер, бурю, дождь и снег, то есть непогоду, а зимой — тепло. Такое свойство используется пловцами, которые просят попутного ветра; охотниками и запоздавшими весной путниками, желающими продлить период заморозков. Для того, чтобы вызвать бурю или ненастье, камень привязывают к пруту и быстро вращают в воздухе, при этом проклиная себя и свое потомство. По внешнему виду

сата имеет сходство с фигурой человека: на нем бывают заметны глаза, нос, рот или с фигурой уродливой индюшки. Камень обычно держат завернутым в тряпку или шкуру (лисицы, белки). 2) Данный феномен связан с практиками причинения ветра и холодов, а также изменением погоды посредством колдовства [8, с. 2122].

По этнографическим материалам А.Е. Кулаковского, *сата* – магический камень, который находили в желудке или печени крупных млекопитающих животных (коровы, лошади, лося) и глухаря. Нашедший *сата* должен был обернуть его в тряпку и держать в большом секрете от людей. Если показать его солнцу, по выражению якутов, камень, «умирает», то есть теряет свою волшебную силу. Эта сила заключается в том, что если показать его небу, то скоро поднимется сильный и холодный ветер. Свойством *сата* является способность вызывать холод и ветер, которым пользовались охотники. В марте и апреле они посредством *сата* замораживают, после наста, тающий снег, чтобы по этому обледенелому снегу гоняться за сохатыми, которые своей тяжестью проламывали снег, рана себя об его острые края и быстро выбиваясь из сил. Таким образом охотники настигали свою добычу. Владельцы *сата* вынуждены держать его в секрете, поскольку весенний холодный ветер является настоящим бичом для массы скотоводческого населения. Весной запасы сена истощаются, а тощий конный скот не в состоянии разбивать ледяной покров полей для добычи корма из-под снега [9, с. 56-57].

Большой интерес вызывают более архаичные представления вилюйских якутов об этом магическом камне. «В желудке птиц, животных (утки, волка, медведя и оленя) или у человека, в икрах ног, находили, якобы, особый камень *сата*, способный вызвать непогоду. По рассказам стариков, *сата* был прозрачным, либо имел сероватый цвет и по форме напоминал человека. Имевшие *сата* хранили его в кожаном мешочке втайне от соседей, вынимая на свет по мере надобности. Камень употребляли следующим образом: держали его большим и указательным пальцами, трижды медленно погружали в воду; при этом каждый раз проклинали себя и все свое будущее потомство и заканчивали следующими словами: «Чтобы ни мне, ни моему потомству не видеть добра ни от бога, ни от людей, как только от тебя, *сата*! Хах! Хах! Хак! Ни от бога, ни от людей, как только от тебя, *сата*! Хах! Хак! Хак! (по-вороньи). Пусть на столько-то дней прольется дождь (или поднимется метель)! Если *сата* попадал под горячую воду или если к нему прикасалась беременная, он терял чудесную силу» [10, с. 288].

Как видно из приведенного материала искусственное изменение погоды было противоестественным и потому каралось родовым проклятием.

Мифология календарного времени регулировала поведенческий код человека в его отношениях с природой. Так, магические действия с камнем использовались только в ритуальной практике шаманов.

Итак, выделим устойчивые характеристики магического камня *сата*: его находили в желудке или печени домашних или диких крупных животных и птиц, в локальном варианте вилюйских якутов – у человека.

Показательно, что такие животные как корова, лошадь, лось, олень, медведь и волк относятся к священному животному бестиарию. В символическом плане они выступают локальными образами шаманской картины мира и выступают обрядовыми персонажами в календарных текстах. Локусы обитания: жилое пространство (дом), природное пространство (поле, лес). Описание: прозрачный камень, по форме похожий на человека, с помощью которого можно было изменить погоду. Предмет антропоморфной формы.

Действия с камнем: держали в секрете, не показывали солнцу, не должна была дотрагиваться беременная женщина, и не должен был попадать под горячую воду (терял волшебную силу). Камень заворачивали в тряпку или шкурку лисицы, белки. По-видимому, мифологическая семантика связана с огненным окрасом обоих животных и колдовской силой лисицы (оборотничество).

Во время ритуальных действий, связанных с искусственным изменением погоды, хозяин камня должен был наслать на себя проклятие и на грядущие поколения. На этом фоне особенно рельефно выделяется глубинный слой магических представлений вилюйского ареала. В материалах вилюйских якутов обнаружены магические обряды и методы воздействия на погоду, направленные на изменение ясной погоды. К ним относятся: изготовление игрушечного деревянного оленя; для вызывания метели вилюйские якуты бросали в огонь заячий хвост, предварительно окунув его в воду; бросали в огонь перья гагары; родившийся во время метели бросал в огонь заячью шерсть; изготавливали снежного человека и, вымазав ему лицо кровью, разбивали голову палкой. Для остановки сильной грозы использовали огонь, высыпаемый в поскребки – предметы из мамонтовой кости, например, гребни [10].

Олень, заяц, гагара и мамонт связаны с символикой холода и зимнего календарного времени. Локусы обитания: лес, вода, под землей. Нельзя не обратить внимание на то, что все перечисленные животные как природные акторы кодируют всю земную поверхность, а если сюда добавить и плавающих птиц, то и небо, что означает, что «жизненные линии» обитаемого мира обладают свойством открытости и проницаемости. Человек вплетен в эту сеть пространственных взаимодействий и

не ограничен пределами замкнутой освоенной границы. По Ингольду, земля, «сплетаемая, как гобелен, из жизней ее обитателей», представляет собой гигантский клубок перепутанных троп, вдоль которых эти обитатели движутся и растут [11, с. 95]. Важной является мысль ученого, что обитаемый мир задан прежде всего воздушными потоками погоды, а не заземленными постоянствами ландшафта. *Камень-сата*, искусственно меняющий погоду, провоцирует естественный ход природы, а значит, разрушает «линии жизни» обитаемого мира.

В экологической культуре якутов сохранилась традиционная модель запретов и предписаний, основанных на особой коммуникации «дыхания» природы, животных и людей. Якуты издавна наблюдали за небом (солнце, луна, другие небесные светила и созвездия), землей (дыхание земли «*сир тыына*», почвы, вечная мерзлота), состоянием атмосферы (дыхание воздуха «*халлан тыына*»: снег, град, дождь, гром, засуха, заморозки, изменение температуры и др.), природными стихиями (огонь, вода, ветер), жизнью животных и растений [12, с. 263-264]. Все эти «природные импульсы» на Севере влияли на жизнедеятельность северных скотоводов.

Нарушение природного равновесия, вызванное антиэтикетными действиями в обществе, шаманская ритуальная деятельность призвана восстанавливать, возвращая гармонию между человеком и природой.

Шаманы, соединяющие миры

Проводниками экологического знания выступали «избранники духов», носители сакрального знания – шаманы. Обращение к биографии известного шамана Константина Чиркова дает ценный материал для реконструкции образа шамана как транслятора природной стихии. «Он умел разговаривать с животными и получал от них нужную информацию. Призывая их в помощники, мог находить потерянные вещи, найти заблудившегося в тайге или тундре, предсказать будущие события и судьбы» [13, с. 91].

По материалам Г.В. Ксенофонтова, у каждого шамана был свой образ *ийэ-кыыл* (мать-зверь), помощник-покровитель, который приходил при рождении шамана, затем при становлении шамана (после обряда рассекания) и в последний раз, когда шаман умирал. Душа шамана в виде яйца, воспитывалась в гнезде громадной лиственницы [14]. Все эти «природные» составляющие были включены в сакральную биографию шамана и отражали концепцию тождества человека и природы. Пластическая мифология, представленная на шаманском костюме, реализует карту пересечений разных жизненных миров. Главные природные символы на шаманском костюме пришивались сзади на спине,

что обозначало мир умерших. Образы шербоатой луны и продырявленного солнца как знаки неполного света раскрывали мифологию «темного» времени. Логично, что спереди нашивались полные изображения солнца и луны, символизирующие победу света над тьмой и отображающие движение календарного цикла в среднем мире (мире людей). На некоторых шаманских атрибутах народов Севера можно встретить изображения звезд, ночного неба и оленей. Существовали представления о том, что именно звезды насылали стужу и зимнее время. Моделирование северного ландшафта на шаманском костюме реализовывалось через образы птиц, животных и рыб (гагара, медведь, мамонт, волк, щука, таймень), часто используемых в мифологии народов Севера. На передней стороне шаманского плаща пришивали антропоморфную фигурку из латуни – *эмэгэт* (дух-предок шамана).

Семиотический анализ антропоморфных изображений дает возможность предположить, что эти культовые атрибуты шаманского костюма соединяли мир предков, мир живых и мир духов. Важным представляется, что подол шаманского плаща был выполнен из большого количества переплетенных жгутов-нитей, имеющих определенные цветовые обозначения и моделировал разные «пути-дороги» по обитаемому миру.

К подолу шаманского плаща у якутов прикрепляли жгуты из крученого конского волоса, белого с коричневым, и жгуты из красной ткани, оплетенные черным конским волосом, символизирующего путь в нижний мир; второй тип жгута синего цвета ткани, оплетенный белым волосом, обозначал путь в верхний мир; третий тип жгута синего цвета ткани, оплетенный белым волосом – символ пути в верхний мир [15, с. 217].

Символика переплетенной конской нити как протяженность (путь/движение) и как живая субстанция (душа, дыхание) отражает концепцию отождествления реального и сакрального и, таким образом, раскрывает усложненный адаптивный механизм языка культуры. В свете сказанного, большой интерес вызывает ритуал становления шамана, где одним из этапов посвящения было путешествие неопита и шамана-учителя в шаманском облачении и с бубном по разным мирам. Опытный шаман шел впереди и показывал будущему шаману «узлы дорог, ведущих к разным мысам, где находятся источники человеческих болезней» [16, с. 120]. Так, через опыт и ритуальные практики будущий шаман постигал земной мир как подвижное, коммуникативное пространство. Одной из активных стратегий человека выступает дорога как «линия жизни».

В результате применения инновационной методологии Т. Ингольда становится очевиден факт неразрывности и слитности природного и

человеческого мира, реального и сакрального пространства. В якутской традиции знаковая культура формировалась как открытая система, при этом существовала календарная регламентация времени, а также определенная акциональная и социальная манифестация. Функциональная направленность «природных» текстов проецировала в традиционном обществе особый класс специалистов, которые занимались не только прогнозированием экстремальных природных ситуаций, но и моделировали в окказиональных обстоятельствах тему обновления мира. Якутский философ Д. Макаров впервые собрал значительный материал, посвященный фигуре предсказателя погоды – специалиста по прогнозированию «природных сценариев» *дьыллыта*. Именно на основе рациональных метеорологических знаний и передачи накопленного опыта из поколения в поколение, когда прогнозирование погоды основывалось на тонких наблюдениях, связанных с изменением поведения птиц и зверей, раскрывается символическая коммуникация людей с животными. Одной из концептуализаций окружающего мира в деятельности шаманов является поддержание традиционной экосистемы, где отсутствует противостояние между природой и культурой, где все живое образует единую «кровеносную систему». Календарный праздник *Ысыах* ежегодно повторял прецедент создания организованного пространства, в котором мир рождается вновь, а атмосферные явления, животные, птицы и люди – персонифицированные участники макрокосма.

Заключение

Обращение к «экологической» религии – шаманизму в рамках теории «чувствующей» экологии позволили расширить наши представления об окружающем мире. Многолетние пожары и наводнения в Якутии заставляют задуматься о разрыве «гомеостатического мироздания» (понятие, введенное фантастами – братьями Стругацкими) и разрушении базисных структур ментального освоения коренными народами холодных земель. Великие шаманы могли остановить стихийные «сценарии природы»: при пожарах вызвать дождь или остановить наводнение. Огромное значение здесь играла сила произнесенного слова и моделирование желаемого результата. Шаманы, хранители народного и сакрального знания «сшивали» заново «разорванные» жизненные нити Вселенной.

Пророчества шаманов о вторжении человека в природные ландшафты Севера и установлении там своих правил, нарушающих невидимую сеть коммуникаций всего живого – лесов, озер и рек, гор и долин, животных и птиц, приведет к неминуемым экологическим потрясениям, которые стали одной из очевидных реалий XXI века. Тезис

о неделимости мира, где все переплетено, и мир зависит от всех живых существ, а линии-нити, подобно дорогам и путям, отражают движение, в современном понимании несет креативный посыл.

Литература

1. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. *Избранные статьи*. Таллин: Александра. 1993;(3):326-344.
2. Ингольд Т. *Восприятие окружающей среды: эссе о жизни, обитании и мастерстве*. Лондон: Рутледж. 2000. DOI: 10.4324/9781003196662 (на англ).
3. Макаров Д.С. *Народная мудрость якутов: знания и представления*. Якутск: Якутское книжное издательство. 1982.
4. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. М.: Наука. 1974.
5. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в. (статья первая). *Общественное сознание и литература*. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2001:107-124.
6. Новгородова Л.И. *Тема творения в традиционной культуре якутов (семантика фольклорного и ритуального текста)*. Дис ... канд. ист. наук. Якутск: ИПМНС СО РАН. 2000.
7. Содномпилова М.М. Атмосферные явления в концептуальной и языковых версиях картины мира монгольских народов. *В мире традиционной культуры бурят*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2007;(2):152-201.
8. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. СПб: Наука. 2008.
9. Кулаковский А.Е. *Научные труды = Научнай үлэлэр*. Якутск: Якут. кн. изд-во. 1979.
10. Попов А.А. *Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа*. Музей антропологии и этнографии (МАЭ). 1949.
11. Ингольд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля. *Этнографическое обозрение*. 2008;(4):76-101.
12. Алексеев А.Н., Романова Е.Н., Соколова З.П. *Якуты. Саха*. М.: Наука. 2012.
13. Чиркова А.К. *Мой отец – шаман*. Якутск: Якутия. 2006.
14. Ксенофонтов Г.В. *Избранные труды по шаманизму (Публикации 1928-1929 гг.)*. Москва: Творческо-производственная фирма «Север-Юг». 1992.
15. Сем Т.Ю., Васильев В.Е. Семиотика шаманской одежды саха из собрания Российского этнографического музея: этнокультурные влияния. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;4(49):211-228.
16. Алексеев Н.А. *Шаманизм тюрко-язычных народов Сибири*. Новосибирск: Наука. 1986.

References

1. Lotman YuM, Uspensky BA. On the semiotic mechanism of culture. *Selected Articles: in 3 vols.* Tallin: Aleksandra. 1993:326-344 (in Russian).
2. Ingold T. *The perception of the environment: Essays on livelihood, dwelling and skill.* London: Routledge. 2000. DOI:10.4324/9781003196662
3. Makarov DS. *Folk Wisdom of the Yakuts: Knowledge and beliefs.* Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 1982 (in Russian).
4. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore.* Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).
5. Elert AKh. New materials on the pantheon of Yakut deities and spirits in the first half of the 18th century (part 1). *Public Consciousness and Literature.* Novosibirsk: SB RAS Publishing. 2001:107-124 (in Russian).
6. Novgorodova LI. *The theme of creation in the traditional culture of the Yakuts (Semantics of folklore and ritual texts).* Diss. ... cand. pphilological sciences. Yakutsk: IHPRS SB RAS. 2000 (in Russian).
7. Sodnompilova MM. Atmospheric phenomena in the conceptual and linguistic versions of the worldview of Mongolian peoples. *In the World of Traditional Culture of the Buryats.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS. 2007;(2):152-201 (in Russian).
8. Pekarsky EK. *Yakut language dictionary.* St. Petersburg: Nauka. 2008 (in Russian).
9. Kulakovskiy AE. *Scientific works = Научнай үлэлэр.* Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 1979 (in Russian).
10. Popov AA. *Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyuysky district.* Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). 1949 (in Russian).
11. Ingold T. Ancestry, generation, substance, memory, land. *Ethnographic Review.* 2008(4):76-101 (in Russian).
12. Alekseev AN, Romanova EN, Sokolova ZP. *The Yakuts. Sakha.* Moscow: Nauka. 2012 (in Russian).
13. Chirkova AK. *My Father is a Shaman.* Yakutsk: Yakutia. 2006 (in Russian).
14. Ksenofontov GV. *Selected works on shamanism (Publications from 1928-1929).* Moscow: Creative-Production Firm “Sever-Yug”. 1992 (in Russian).
15. Sem TYu, Vasiliev VE. Semiotics of the shamanic costume of the Sakha from the collection of the Russian ethnographic museum: Ethnocultural Influences. *North-Eastern Humanities Bulletin.* 2024;4(49):211-228 (in Russian).
16. Alekseev NA. *Shamanism of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia.* Novosibirsk: Nauka. 1986 (in Russian).

Об авторе

РОМАНОВА Екатерина Назаровна – доктор исторических наук, и.о. зав., Центр интеллектуальной истории и культуры, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН – обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; профессор, кафедра культурологии и культурного наследия народов Арктики, Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-69730608, ResearcherID: K-6248-2017, Scopus Author ID: 57207309210, Elibrary Author ID: 73609, SPIN: 4987-0431, e-mail: e_romanova@mail.ru

About the author

Ekaterina N. ROMANOVA – Dr. Sci. (History), Acting Head, Center for Intellectual History and Culture, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Culturology and Cultural Heritage of the Peoples of the Arctic, Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-69730608, ResearcherID: K-6248-2017, Scopus Author ID: 57207309210, Elibrary Author ID: 73609, SPIN: 4987-0431, e-mail: e_romanova@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted: 20.08.25

Принята к публикации / Accepted: 03.09.25

УДК 811.512.157; 81.44

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-94-112

*Оригинальная научная статья***Базовые цветообозначения в якутском языке в сопоставлении с монгольским и русским: корпусный анализ сочетаемости***А. В. Тимофеева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

Якутск, Российская Федерация

✉ aitalina0895@gmail.com

Аннотация

Настоящее исследование посвящено актуальной проблеме взаимодействия универсальных и этноспецифических компонентов в языковой картине мира на материале цветообозначений. Цель работы заключается в выявлении соотношения универсальных (общечеловеческих), ареальных (тюрко-монгольских) и заимствованных (русских) элементов в семантике и функционировании базовых цветообозначений черного, белого и красного цветов в якутском языке. Исследование основано на анализе корпусных данных «Национального корпуса якутского языка», «Корпуса монгольского языка» и «Национального корпуса русского языка» с применением методов количественного и качественного анализа атрибутивных конструкций типа «Цветообозначение + объект», их сочетаемости. В результате проведенного анализа установлено, что цветовая картина мира якутского языка характеризуется сложным взаимодействием различных историко-культурных пластов. Выявлены универсальные прототипические сочетания (общие для трех языков комбинации черного цвета с объектами 'глаз' и 'волосы'), а также специфические сочетания, которые отражают разнонаправленное культурное влияние, например, тюрко-монгольское (функциональное распределение между исконно-тюркским цветообозначением *урун* (сакральное) и монголизмом *манган* (предметное) для белого цвета) и русское (калькирование советской политической символики в сочетаниях с красным цветом). Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно применен корпусный метод для анализа цветообозначающей лексики якутского языка в сопоставительном аспекте. Полученные результаты имеют практическую ценность для теории языковых контактов и реконструк-

© Тимофеева А. В., 2025

ции языковых картин мира в разноструктурных языках, а также открывают перспективы для дальнейших диахронических и типологических исследований с привлечением материала других контактных языков.

Ключевые слова: цветообозначение, якутский язык, монгольский язык, русский язык, сочетаемость, корпусная лингвистика, языковые контакты, типология, языковая картина мира

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Тимофеева А.В. Базовые цветообозначения в якутском языке в сопоставлении с монгольским и русским: корпусный анализ сочетаемости. *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 94-112. DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-94-112

Original article

Basic color terms of the Yakut language in comparison with Mongolian and Russian: a corpus analysis of collocations

Aitalina V. Timofeeva

Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ aitalina0895@gmail.com

Abstract

This study investigates the interaction between universal and ethno-specific elements in linguistic worldview through color terminology in the Yakut language. The research employs corpus linguistics methods to analyze attributive constructions of the “Color Term + Object” type from three corpora: the National Corpus of the Yakut Language, Mongolian Language Corpus, and Russian National Corpus. Through quantitative and qualitative analysis, the study examines the collocational patterns of basic color terms for black, white, and red. The findings reveal that Yakut color terminology demonstrates a complex interplay of various historical and cultural influences. Universal prototypical collocations were identified, particularly the combination of black with ‘eyes’ and ‘hair’, consistent across all three languages. Culture-specific patterns reflect multidirectional influences: Turkic-Mongolian impact is evident in the functional distribution between a color term of Turkic origin *urun* (sacral concepts) and a color term of Mongolian origin *maḡan* (concrete objects) for white color, while Russian influence manifests through calques of Soviet political symbolism with red color.

The study's novelty lies in its pioneering application of corpus linguistics to color terminology in Yakut from a comparative perspective. The results contribute to language contact theory and linguistic worldview reconstruction, while opening avenues for future diachronic and typological research involving other contact languages in the region.

Keywords: color term, Yakut language, Mongolian language, Russian language, collocation, corpus linguistics, language contacts, typology, linguistic worldview

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Timofeeva A.V. Basic color terms of the Yakut language in comparison with Mongolian and Russian: a corpus analysis of collocations. *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 94-112 (in Russian). DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-94-112

Введение

Глубокую древность и универсальность базовых цветообозначений обуславливает их ключевая роль в первичной категоризации мира. Данные свойства выводят эту лексическую группу в ряд наиболее продуктивных объектов для типологических исследований, нацеленных на выявление как универсальных, так и специфических механизмов отражения действительности в языке. Особый интерес в этом контексте представляет сравнительный анализ разноструктурных, но контактных языков, к которым относятся якутский (язык тюркской группы), монгольский (язык монгольской группы) и русский (язык славянской группы) языки, история взаимодействия которых создает интерес для изучения межъязыкового влияния.

Целью настоящей статьи является определение соотношения универсальных (общечеловеческих), ареальных (тюрко-монгольских) и заимствованных (русских) элементов в семантике и функционировании цветообозначений якутского языка. Для её достижения с помощью корпусных данных и сопоставительного анализа атрибутивных конструкций будет исследована сочетаемость обозначений черного, белого и красного цветов, образующих первичный цветовой треугольник.

Концепция цветового треугольника, берущая начало в трудах Берлина и Кея [1], получила дальнейшее развитие и подтверждение в исследованиях ряда ученых [2; 3]. Черный, белый и красный цвета идентифицируются как базовые, образующие первоначальный этап в генезисе систем цветообозначений в языках мира. Подтверждением этому могут

являться результаты кросс-культурных исследований данной триады в ритуалах и символических системах народов Африки, Австралии, Северной Америки и Древней Индии [2, с. 71]. С точки зрения психолингвистики А.П. Василевич, в частности, отмечает, что ‘черный’, ‘белый’ и ‘красный’ исторически первыми закрепляются в лексиконе любого языка, тогда как обозначения для фиолетового, коричневого и оранжевого появляются на более поздних стадиях его развития [3, с. 134].

Выбор языков продиктован необходимостью провести типологический анализ языков, контактных с якутским и сыгравших определенную роль в историческом развитии лексической системы якутского языка. По другим контактным языкам, например, по эвенкийскому и эвенскому, на текущий момент репрезентативные корпуса отсутствуют, однако данное направление исследования остается перспективным.

Анализ сочетаемости цветообозначений с характеризующими их объектами выступает ключевым методологическим инструментом для реконструкции скрытых культурных моделей, историко-культурных взаимодействий и уникальных черт мировосприятия, закреплённых в языке.

Материалы и методы

Источниковой базой послужили электронные лингвистические корпуса: Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ)¹, Корпус монгольского языка (далее – КМЯ)² и Национальный корпус якутского языка (далее – НКЯЯ)³.

«Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) является фундаментальным лингвистическим ресурсом, характеризующимся системной сбалансированностью и репрезентативностью. По состоянию на 2023 год объем корпуса превышает 2,5 миллиарда словоупотреблений, представленных более чем 1 000 000 текстовых документов, хронологически охватывающих период с XI века по настоящее время. Корпус структурно организован по принципу жанрово-стилевой стратификации, включая основные функциональные разновидности языка: художественные тексты (проза, поэзия, драматургия), публицистику, научную литературу, официально-деловые документы, религиозные тексты, мемуары, эпистолярные источники, устную речь (расшифровки спонтанных диалогов и монологов), а также интернет-коммуникацию. Особую

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.07.2025)

² Национальный корпус монгольского языка <http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/> (дата обращения: 17.07.2025)

³ Национальный корпус якутского языка <https://sakha-corpus.ysn.ru/> (дата обращения: 17.07.2025)

ценность представляют специализированные подкорпуса: исторический (тексты XI-XIV вв., XV-XVII вв., XVIII в., XIX в., XX в.), параллельный (переводные тексты с оригиналами на 40 языках), диалектный, поэтический, мультимедийный (с привязкой к аудио- и видеозаписям), акцентологический и корпус русского учебного языка.

Корпус монгольского языка (КМЯ) представляет собой лингвистический ресурс, содержащий тексты на современном монгольском языке в кириллической графике. Объем корпуса составляет 1,2 миллиона словоупотреблений. Корпус включает тексты различных жанров и функциональных стилей, однако метаданные о составе и принципах отбора текстов в открытом доступе не представлены. Поисковый функционал позволяет осуществлять запросы по словоформам, леммам, грамматическим признакам, переводам и лексико-семантическим категориям с выводом контекстов употребления.

«Национальный корпус якутского языка» (НКЯЯ), официально запущенный в марте 2025 г. в тестовом режиме, является важным источником материала для анализа современного якутского языка. На текущем этапе корпус недостаточно сбалансирован, содержит неполные метаразметки и ограниченный набор инструментов для лингвистического анализа, однако представляет особую ценность, являясь наиболее полным собранием машинно-читаемых текстов на якутском языке на данный момент и может послужить незаменимым инструментом для получения более-менее репрезентативных данных по широкому спектру лингвистических явлений. Корпус включает в себя более 15 миллионов словоупотреблений, охватывающих более 8400 разнообразных текстов (документов) на якутском языке начиная с XX в. по настоящее время 2025 г. Литературный блок (романы, повести, рассказы, поэзия, авторские сказки) представлен 6065 документами, блок нелитературных текстов – 1539 (электронные СМИ, бумажные улусные газеты, научно-популярная литература), фольклорно-мифологический блок – 1040, блок религиозных текстов – 386. Кроме того, в корпусе присутствуют единичные документы таких жанров, как учебники, делопроизводство, тексты форумов и сказок. В процентном соотношении преобладают литературные произведения (64,2%), но, несмотря на выраженный дисбаланс в жанрово-стилистической репрезентации, «Национальный корпус якутского языка» имеет высокую ценность и предоставляет обширные возможности для проведения предварительных лингвистических исследований, в том числе для анализа сочетаемости цветообозначений якутского языка.

При работе с НКЯЯ применялась функция лексико-грамматического поиска для двух слов, где для «Слово 1» заполнялось поле

«Лемма» соответствующим базовым цветообозначением, а для поля «Слово 2» был задан грамматический параметр «существительное». В связи с неполными возможностями грамматического поиска в КМЯ и НКЯЯ, произведен поиск по цветообозначению, все результаты выгружены в отдельный текстовый массив, среди которого выявлены наиболее частотные атрибутивные конструкции «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект».

Результаты и обсуждение

Общее количество словоупотреблений «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект» по данным трех корпусов приведено в таблице 1, где видна значительная разницу между объемами – НКРЯ существенно превосходит корпуса якутского и монгольского языков как по общему объему словоупотреблений.

Таблица 1

Количество словоупотреблений «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект» по данным НКЯЯ, КМЯ и НКРЯ

Table 1

Number of word usages of the “Color term (black/white/red) + object” collocation based on corpus data

Якутский		Монгольский		Русский	
ЦО + Объект	Кол-во	ЦО + Объект	Кол-во	ЦО + Объект	Кол-во
Черный + объект	1504	Черный + объект	2089	Черный + объект	97109
Белый + объект	1464	Белый + объект	1547	Белый + объект	101284
манган	721				
үрүҥ	743				
Красный + объект	796	Красный + объект	1131	Красный + объект	81357

В таблицах ниже (табл. 2, 3, 4) приведены первые 10 объектов, наиболее часто описываемых цветообозначениями *хара* ‘черный’, *манган* и *үрүҥ* ‘белый’ и *кыһыл* ‘красный’ в якутском языке, *хар* ‘черный’, *цагаан* ‘белый’ и *улаан* ‘красный’ – в монгольском, *черный*, *белый* и

красный – в русском языке. Очевидно, что объектов, сочетаемых с данными цветообозначениями, существенно больше, однако ранжирование по частотности предпринимается с целью выявить наиболее универсальные объекты в ядре сознания носителей рассматриваемых языков. Объекты, зафиксированные в парных сочетаниях языков (якутский – монгольский и якутский – русский), выделены жирным шрифтом, тогда как объекты, общие для всех трех языков, маркированы жирным шрифтом с серым фоном.

Черный цвет

В НКЯЯ зафиксировано 1509 словоупотреблений «черный + объект», в КМЯ – 2089, НКРЯ – 97109, из них в Таблице 2 приведено количество употреблений первых 10 наиболее частотных объектов по каждому языку.

Таблица 2

Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением «черный» в якутском, монгольском и русском языках

Table 2

Most frequent collocates for 'Black' in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский		Монгольский		Русский	
	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во
1	<i>тыа</i> 'лес'	466	<i>хун</i> 'человек'	114	<i>море</i>	4485
2	<i>үлэ</i> 'работа'	141	<i>нүд</i> 'глаза'	75	<i>глаза</i>	3035
3	<i>дьай</i> 'нечистая сила'	112	<i>морь/ат</i> 'лошадь'	48	<i>хлеб</i>	1806
4	<i>муора</i> 'море'	107	<i>юм</i> 'нечто, кое-что'	47	<i>дыра</i>	1779
5	<i>харах</i> 'глаза'	100	<i>мод</i> 'дерево'	37	<i>волосы</i>	1707
6	<i>баттах</i> 'волосы'	91	<i>ус</i> 'волосы'	31	<i>платье</i>	1045
7	<i>хаан</i> 'кровь'	83	<i>сахал</i> 'борода, усы'	30	<i>день</i>	954
8	<i>былыт</i> 'облако'	81	<i>гэр</i> 'дом'	29	<i>ход</i>	936
9	<i>буор</i> 'почва, земля'	80	<i>цай</i> 'чай'	24	<i>человек</i>	867
10	<i>суор</i> 'ворон'	77	<i>санаа</i> 'мысль, дума'	23	<i>тень</i>	797

Из таблицы 2 видно, что два объекта – ‘глаза’ и ‘волосы’ входят в 10 наиболее частотных словосочетаний во всех трех языках, что может свидетельствовать о потенциальной универсальности данного объекта в качестве прототипа для черного цвета, по крайней мере, в рассматриваемых языках.

В якутском языке наиболее частотным является устойчивое словосочетание *хара тыа* (букв. черный + лес). ‘Лес’ в якутском языке описывается еще одним цветообозначением *күөх* ‘синий/зеленый’, но реже (22 употребления), причиной этому могут являться несколько факторов. Во-первых, данное словосочетание часто функционирует в качестве элемента устойчивой эпической формулы в якутском эпосе олонхо, а доля фольклорных текстов в НКЯЯ составляет 11%. Данную формулу можно представить следующим образом: «X + ЦО + объект», где X – любое другое прилагательное, часто не характеризующее цвет. Так, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» зафиксированы 16 вариантов данной формулы, например: *адаар хара тыа* (букв. развилыстый + черный + лес), *баай хара тыа* (букв. богатый + черный + лес), *үрдүк хара тыа* (букв. высокий + черный + лес) и др. [4]. Во-вторых, словосочетание *хара тыа* может быть связан с термином ‘черный лес’, обозначающий разновидность темнохвойной тайги Сибири, а именно густые пихтово-еловые леса с примесью осины и березы, формирующиеся в горах. В-третьих, вероятно, такая устойчивость может говорить о сохранении древней тюркской семантики – одним из значений цветообозначения *qara* в тюркских языках А.Н. Кононов выделяет значения ‘большой’, ‘крупный’, ‘обильный’: ср. тат., башк., уйг. *qara орман/урман* ‘дремучий лес’ [5, с. 162].

В монгольском языке цветообозначением ‘черный’ чаще всего характеризуется объект ‘человек’, ср. устойчивое словосочетание монг. *хар хүн* ‘а) мирянин, светский человек; простой человек, гражданин; б) муж’, где реализуется одно из значений монг. *хар* – ‘простой, обычный; физический, черный, грубый’ [6, с. 899]. ‘Черный’ имеет семантику ‘простой, простолюдин, народ’ как в тюркских языках [5, с. 169], так и в якутском, ср. устойчивое выражение *кыра-хара дьон/киһи* (букв. маленький-черный + люди/человек) в значении ‘бедные, неимущие люди, часть населения, используемая на черных работах’ [7, с. 400]. В русском языке объект ‘человек’ с цветообозначением ‘черный’ зафиксирован, однако не имеет похожей семантики.

В русском языке наиболее частотный объект, характеризующийся цветообозначением *черный*, – море, видимо, как часть гидронима *Черное море*, что и является причиной частотности данного словосочетания. Частотность «черный + море» в якутском корпусе объясняется

калькированием данного топонима из русского языка – все 59 случаев употребления являются топонимами.

Як. *хара үлэ* (букв. черный + работа) может являться калькированием с русского *черная работа*, так как имеет такое же значение, что и в русском [8, с. 443]. Однако в монгольском языке также имеется устойчивое словосочетание монг. *хар ажил* (букв. черный + работа) ‘черная работа; неквалифицированный труд’ [6, с. 900].

В словосочетании *хара дьай* (букв. черный + нечистая сила) цветообозначение *хара* с як. *дьай* ‘сила (дух, нечисть), приносящая человеку страдания, болезни, смерть (обычно употребляется с эпитетами *хара, харанга*)’ [7, с. 286] отражает ярко выраженную негативную коннотацию данного цветообозначения.

Как было сказано выше, кровь в якутском языке чаще всего описывается черным цветом (83 употребления с цветообозначением ‘черный’), чем красным цветом (13 употребления), что коррелирует с предыдущими выводами о неоднозначности выделения крови как прототипического объекта для красного цвета, хотя в БТСЯЯ в толковании лексемы *кыһыл* приводится сравнение с цветом крови: *хаан курдук өнгөөх* ‘цвета крови’ [9, с. 370].

Белый цвет

По белому цвету в НКЯЯ зафиксировано 1464 словоупотреблений сочетания «*манан/мабан* или *үрүҥ* + 1 слово», из них с цветообозначением *манан/мабан* – 721, *үрүҥ* – 743, в КМЯ с цветообозначением *цагаан* – 1547, в НКРЯ с лексемой *белый* – 101 284 словоупотребления. Количественный анализ выявляет существенную асимметрию в объемах данных между корпусами – объем данных НКРЯ превосходит якутский корпус в 69 раз, а монгольский – в 65 раз.

В таблице 3 в первых 10 объектах, наиболее часто характеризующихся цветообозначением ‘белый’ в якутском, монгольском и русском языках, не обнаружены объекты, зафиксированные во всех трех языках. В якутской системе зафиксировано больше всего совпадений с монгольским языком (40%): як. *манан/мабан* и монг. *цагаан* совпадают в объектах ‘лошадь’, ‘лицо’, ‘простор’ и ‘душа’, с русским языком зафиксировано 1 совпадение с объектом ‘ночь’.

То, что цветообозначение *манан/мабан* наиболее часто встречается в сочетании с объектом ‘лошадь’, вполне логично, учитывая монгольское происхождение данного цветообозначения от обозначения масти скота: < п.-монг. *танган* ‘лошадь со звездой на лбу’, *tangqar* ‘лошадь или крупный рогатый скот с белой головой или мордой’ [10, с. 72; 11, с. 255; 12].

Таблица 3

Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением
«белый» в якутском, монгольском и русском языках

Table 3

Most frequent collocates for 'White' in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский				Монгольский		Русский	
	маҕан/ маҕан + Объект	Кол.	урун + Объект	Кол.	Объект	Кол.	Объект	Кол.
1	<i>ат/сылгы</i> 'лошадь'	100	<i>хайа</i> 'гора'	187	<i>сар</i> 'луна'	101	<i>свет</i>	3300
2	<i>баттах</i> 'волосы'	87	<i>күн</i> 'солнце'	169	<i>гэр</i> 'дом'	68	<i>дом</i>	2760
3	<i>күн</i> 'солнце'	77	<i>ас/ аһылык</i> 'пища'	134	<i>шүд</i> 'зубы'	44	<i>халат</i>	1611
4	<i>хаар</i> 'снег'	68	<i>тыын</i> 'ды- хание, (душа)'	112	<i>царай, нүүр</i> 'лицо'	41	<i>день</i>	1496
5	<i>тангас</i> 'одежда'	61	<i>эһэ</i> 'мед- ведь'	64	<i>тал</i> 'степь, равнина'	38	<i>платье</i>	1425
6	<i>халлаан</i> 'небо'	60	<i>айыы</i> 'Бог, бо- жество'	59	<i>хан</i> 'хан'	34	<i>ночь</i>	1305
7	<i>сирэй</i> 'лицо'	48	<i>түүн</i> 'ночь'	51	<i>морь</i> 'лошадь'	32	<i>море</i>	1294
8	<i>таба</i> 'олень'	44	<i>илгэ</i> 'бла- годать'	49	<i>сэтгэл</i> 'душа'	29	<i>пятно</i>	1197
9	<i>дуол</i> 'простор'	30	<i>бастаан- һа</i> 'вос- стание'	42	<i>сахал</i> 'борода, усы'	20	<i>рубашка</i>	1148
10	<i>куобах</i> 'заяц'	14	<i>үйэн</i> 'горно- стай'	39	<i>эсгий</i> 'войлок'	19	<i>зуб</i>	1082

В случае с объектом 'лицо' необходимо отметить то, что як. *сирэй* 'лицо' является лексической параллелью монг. *царай* 'лицо', а для монг. *нүүр* в якутском имеется параллель як. *ньуур* '1. гладкая поверхность;

2. лицо человека, лик, облик' [13, с. 146-147]. В целом в лексике якутского языка особое место занимает образная лексика, отражающая особое восприятие и видение окружающей действительности, в частности, внешности человека. Согласно исследованию С.Д. Егиновой [14], лексико-семантическая группа прилагательных, описывающая внешность человека в якутском языке, многочисленна (около 300 адъективных основ) и демонстрирует высокую степень разнообразия. Среди групп лексем, характеризующих голову, лицо и ротовую полость человека, наибольшей по количеству является группа для описания «лица», включающей 27 единиц. Таким образом, те или иные черты лица больше всего концептуализируются в сознании носителей якутского языка. Кроме того, как установила С.Д. Егинова, значительная часть таких прилагательных обнаруживает лексические соответствия в бурятском языке. Все это может служить дополнительным подтверждением тому, что наличие высокочастотного сочетания «белый + лицо» в якутском и монгольском языках позволяет выдвинуть гипотезу о существовании общей ареальной традиции антропоцентрического описания, потенциально обусловленной монгольским лингвокультурным влиянием.

В якутском языке все 30 словоупотреблений сочетания *манган дуол* 'белый простор' в НКЯЯ представлены как часть поэтического описания снежной тундры – *Улуу Манган Дуол* (букв. Великий Белый Простор) в романах «Тыгын Дархан» и «Глухой Вилюй» якутского писателя В.С. Яковлева – Далана.

В.С. Яковлев – Далан «Глухой Вилюй».

Туманнаах Түбэттэн хоту ирбэт чэн-хаар сиксиктээх Муус Кудулу Далайга диэри уйаара-кэйээрэ биллибэт, устата-туората кэм-нэммэт Улуу Манган Дуол нэлэһийэн сытара [15, с. 4].

‘На север от Долины Туманов до самого Ледовитого океана – Муус Кудулу Далай, что в глубине своего сердца хранит не тающий никогда иней и лед, – простиралась бескрайняя, безбрежная, не меренная никем тундра – Великий Белый простор, или, как зовут его якуты, *Улуу Манган Дуол*’ [16, с. 4].

Данный случай демонстрирует, что частотные показатели могут отражать идиолектные особенности конкретного автора или ограниченного круга источников, что подчеркивает необходимость критического подхода к интерпретации количественных данных и учета репрезентативности корпусного материала.

Хотя в КМЯ не в полной мере отражается информация об источниках контекстов, по большинству имеющихся примеров видно, что в монгольском языке сочетание *цагаан тал* (букв. белый + степь, равнина)

чаще используется для описания степи (см. ‘открытая степь’ [6, с. 1112]) и снежного простора:

*Алс тэртээх уудам **цагаан тал** руу харахад дөрвөн хошуу мал багшран бэлчээрлэж үзэгдэв.*

‘Если посмотреть на бескрайнюю **белую равнину** вдали, виднеются четыре пасущихся стада скота’ [пер. автора].

*Хайрган хөрст хүрэн бор өнгийн тал хөндий, шил нуруудыг огтчин тэнхээ мэдэн давхисаар хоёр өртөө шахам явсныхаа эцэст нимгэн цасанд хучигдсан мэл **цагаан тал** залган авахад сая зогслоо.*

‘Пересекав (преодолев) коричневую долину с гравийной почвой, стеклянными хребтами, я только что остановился, увидев **белую степь**, покрытую тонким снегом’ [пер. автора].

Второе базовое обозначение белого цвета в якутском языке *үрүҥ* имеет совпадение с объектом ‘душа’ в монгольском языке и ‘ночь’ в русском.

Як. *үрүҥ түүн* (букв. белый + ночь) может являться калькированием из рус. *белая ночь*, отражающая особенности полярных и субарктических регионов.

В монгольском языке устойчивое словосочетание *цагаан сэтгэл* (букв. белый + сердце, душа) имеет значение ‘добродушие; искренность’ [6, с. 881]. В якутском *үрүҥ тыын* (букв. белый + дыхание) является поэтическим обозначением жизни, используется в составе таких устойчивых фраз, как, например, *үрүҥ тыын өллөйө* фольк., поэт. (букв. белый + дыхание + спасение-POSS.3SG) ‘защита, спасение души (от смерти, гибели)’ [13, с. 418].

В якутском языке лексемы *манган/маҕан* и *үрүҥ* выступают доминирующими цветообозначениями для объекта ‘солнце’. Употребление цветообозначения *манган/маҕан* зафиксировано преимущественно в составе устойчивых сочетаний по модели «Прилагательное + *манган/маҕан* + *күн* ‘солнце’». Данная модель образована по ранее упомянутой эпической формуле «X + ЦО + объект», где X – любое другое прилагательное, часто не характеризующее цвет, например: *аламай манган күн* (светлое/ласковое белое солнце), *дьэрис манган күн* (яркое белое солнце), *толомон манган күн* (отборное/лучшее белое солнце) и другие аналогичные конструкции.

Красный цвет

В НКЯЯ зафиксировано 796 словоупотреблений «Красный + объект», в МКЯ – 1131, в НКРЯ – 81 357 словоупотреблений.

Таблица 4

Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением
«красный» в якутском, монгольском и русском языках

Table 4

Most frequent collocates for 'Red' in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский		Монгольский		Русский	
	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во
1	<i>знамя</i> 'знамя'	254	<i>орос</i> 'русский'	47	<i>армия</i>	7076
2	<i>аармыйа/армия</i> 'армия'	198	<i>хад</i> 'скала'	38	<i>крест</i>	2643
3	<i>этэрээт</i> 'отряд'	96	<i>армий</i> 'армия'	33	<i>пло- щадь</i>	2634
4	<i>обо</i> 'ребенок'	90	<i>туг</i> 'флаг'	33	<i>знамя</i>	1909
5	<i>былаах</i> 'флаг'	56	<i>нар</i> 'солнце'	32	<i>вино</i>	1429
6	<i>муннук</i> 'угол'	53	<i>булан</i> 'угол'	22	<i>звезда</i>	1423
7	<i>арыгы</i> 'алкоголь'	50	<i>бүч</i> 'платок'	21	<i>дерево</i>	1315
8	<i>сулус</i> 'звезда'	49	<i>царай/нүүр</i> 'лицо'	20	<i>флаг</i>	1298
9	<i>диплом</i> 'диплом'	43	<i>туяа(н)</i> 'блеск'	16	<i>пятно</i>	1041
10	<i>тыл</i> 'язык'	40	<i>цус</i> 'кровь'	15	<i>лицо</i>	771

Во всех трех языках красный сочетается с объектами 'армия' и 'флаг' (табл. 3), и, вероятно, ассоциируется с революционными движениями в первой половине XX в. в России и Монголии. С данными историко-политическими событиями, а также реалиями Советского Союза в якутском языке связаны 6 объектов (*знамя* 'знамя', *аармыйа/армия* 'армия', *этэрээт* 'отряд', *былаах* 'флаг', *муннук* 'угол', *сулус* 'звезда'), в русском – 5 объектов ('армия', 'площадь', 'знамя', 'звезда', 'флаг') языке, в монгольском – 3 объекта (*армий* 'армия', *туг* 'флаг', *булан* 'угол'). Якутская система демонстрирует больше совпадений с русским языком в объектах 'знамя', 'армия', 'звезда' и 'флаг', с монгольским – 'армия', 'флаг' и 'угол'. Частотность в сочетании с цветообозначением «красный» данной группы объектов свидетельствует об общих и/или сходных историко-политических реалиях и процессах культурного взаимодействия в языковой картине мира в якутском, монгольском и русском языках.

Як. *кыһыл арыгы* (букв. красный + алкоголь) ‘красное вино; вино, изготовленное чаще из винограда’ [17, с. 567], вероятно, является калькированием из русского, т.к. распространение вина на территории Якутии связано русской культурной и торговой экспансии XVII–XVIII вв. Стоит отметить, что другое словосочетание, построенное по модели «Цветообозначение + *арыгы* ‘алкоголь’», *үрүҥ арыгы* (букв. белый + алкоголь) используется для номинации водки и разбавленного спирта [17, с. 567].

Еще одним примером калькирования является як. *кыһыл диплом* (букв. красный + диплом) < рус. *красный диплом*, обозначающее диплом с отличием. Данная лексическая единица служит не только свидетельством языкового калькирования, но и маркером глубоких социокультурных трансформаций, включая возникновение и развитие организованного образования как одного из ключевых последствий вхождения региона в состав России.

Проведенный анализ демонстрирует, что в корпусе наиболее частотных объектов, характеризующих цветообозначением *кыһыл* ‘красный’, доминируют (8 из 10) лексемы, обозначающие объекты, заимствованные якутской лингвокультурой в результате тесного межкультурного взаимодействия с русским населением. Данные концепты охватывают ключевые аспекты социокультурного взаимодействия: становление государственности, институализацию системы образования, а также адаптацию новых пищевых и торгово-экономических практик.

Оставшиеся два случая представлены устойчивыми выражениями як. *кыһыл оҕо* (букв. красный + ребенок) ‘новорожденный, младенец’ и як. *кыһыл тыл* (букв. красный + язык) ‘пустословие, фразерство’ [18, с. 276].

Параллели «красного ребенка» обнаружены: в других тюркских языках (алтайский, тувинский и тофаларский, казахский), в монгольском языке, в языках Юго-Восточной Азии (японский, китайский, тайский, лаосский, шанский, индонезийский, малайский, яванский и ветарский), в семи языках внешней Полинезии (восточный увеа, эмаэ, нукуману, самоя, такуу, тикопия и пилени); такая ареальная разбросанность может говорить о возможной универсальности данной семантической модели, обусловленный цветом кожи новорожденного ребенка [19, с. 2023].

Як. *кыһыл тыл* состоит из цветообозначения *кыһыл* ‘красный’ и существительного *тыл*, который представлен двумя многозначными омонимами, означающими ‘орган в полости рта’ и ‘средство общения’ [20, с. 348–350]. В «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Н. Нелунова приводится буквальный перевод ‘красное слово’

[18, с. 276], в русском языке похожее выражение *красное слово/слово* имеет другое значение ‘остроумное слово, выражение’ [21, с. 367]. Гипотезу о более раннем происхождении данного словосочетания поддерживает его наличие в древнетюркском языке *qizil til* (букв. красный + язык) с практически идентичной семантикой ‘скверное слово, злословие’ в памятнике «Кутадгу билиг» [22, с. 246]. Указанный факт можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу гипотезы о существовании тесных языковых контактов между предком якутского языка и уйгурским в среднетюркский период [23].

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование наиболее частотных атрибутивных конструкций «Цветообозначение (черный/белый / красный) + объект» якутского языка в соотношении с монгольской и русской лингвокультурами на основе корпусных данных позволило выявить сложную систему факторов, определяющих семантику и сочетаемость базовых цветообозначений. Суммируя полученные результаты, можно констатировать, что цветовая лексика якутского языка представляет собой уникальный синтез универсальных и специфических этнических черт.

Во-первых, анализ подтвердил существование как универсальных, так и культурно-специфических прототипов. Универсальность наиболее ярко проявляется в сфере черного цвета, для которого в трех языках общим прототипом выступают антропоморфные объекты (‘глаза’, ‘волосы’). В то же время, белый цвет не демонстрирует таких кросс-культурных универсалий, а его восприятие оказывается глубоко специфичным для каждой из рассмотренных лингвокультур.

Во-вторых, исследование наглядно показало разнонаправленное историко-культурное влияние на якутский язык. С одной стороны, выявлена устойчивая монгольская составляющая, особенно в структуре белого цвета: функциональное распределение между исконным *үрүн* (абстрактно-сакральная сфера) и заимствованным *манан* (предметный мир) отражает глубокие ареальные связи и антропоцентрические модели, общие с монгольской традицией. С другой стороны, доминирующее влияние русской (советской) социокультурной реальности отчетливо прослеживается в семантике красного цвета, где большинство высокочастотных сочетаний являются кальками, связанными с историко-политической символикой.

Таким образом, комбинация количественных и качественных методов анализа сочетаемости цветообозначений доказала свою эффективность как инструмент для реконструкции культурных кодов. Цветовая

картина мира якутского языка предстает не статичным набором символов, а динамичным образованием, в котором переплетаются общечеловеческие опыты цветовосприятия, наследие тюрко-монгольского взаимодействия и мощный пласт заимствований, обусловленных интенсивными контактами с русской культурой в новейший исторический период. Перспективы дальнейшего исследования видятся в углубленном диахроническом анализе для более точной датировки заимствований, а также в расширении круга сравниваемых языков для уточнения ареальных универсалий.

Сокращения

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка

Букв. – буквальный перевод

КМЯ – Корпус монгольского языка

Монг. – монгольский язык

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

НКЯЯ – Национальный корпус якутского языка

П.-монг. – письменно-монгольский язык

Поэт. – поэтизм

Рус. – русский язык

См. – смотри

Ср. – сравни

Фольк. – фольклор

Як. – якутский язык

Литература

1. Berlin B., Kay P. *Basic color terms. Basic colour terms, their universality & evolution*. Berkeley: University of California Press. 1969 (на англ.).
2. Тэрнер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу). *Семиотика и искусствознание*. 1972:50-81.
3. Василевич А.П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте*. Москва: Наука. 1987.
4. Ойуунускай П.А. *Дьулуруйар Ньургун Боотур*. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат. 2003 (на якут.).
5. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. *Тюркологический сборник*. Москва: Наука. 1975.
6. *Большой академический монгольско-русский словарь*: Т. 2. Ред.: Лувсандэндэв А., Цэдэндамба Ц., Пюрбеев Г. Москва: Academia. 2001.

7. Толковый словарь якутского языка: Т. 3. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2006.
8. Большой толковый словарь якутского языка: Т.12. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2015.
9. Большой толковый словарь якутского языка: Т. 5. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2008.
10. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука. 1980.
11. Khabtagaeva B. *Etymological notes on Yakut color terms*. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019;1(2):249-267 (на англ.).
12. Афанасьева Е.Н. Развитие семантики цветообозначений үрүн и манган в якутском языке как свидетельство языковых контактов. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020;18(1):45-56.
13. Большой толковый словарь якутского языка: Т. 7. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2010.
14. Егинова С.Д. *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизскими языками)*. Новосибирск: Наука. 2014.
15. Яковлев В.С. – Далан. *Бүтэй Булуу*. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат. 1995 (на якут.).
16. Яковлев В.С. – Далан. *Глухой Виллюй*. перевод с якутского Либединской Л. Москва: Современник. 1986.
17. Толковый словарь якутского языка: Т.1. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2004.
18. Нелунов А.Г. *Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта*. Т. 1. Новосибирск: Издательство СО РАН. 1998.
19. Федотова И.В., Прокопьева А.К., Шамаева А.Е., Тимофеева А.В. Якутские обозначения младенца и основные стратегии номинации новорожденного ребенка в тюркских языках. *Урало-алтайские исследования*. 2023;2(49):96-111. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-49-1-96-111.
20. Большой толковый словарь якутского языка: Т. II. Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука, 2014.
21. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. Т.2. Под ред. проф. Тихонова А.Н., сост.: Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Королькова А.В. Москва: Флинта: Наука. 2004.
22. Nacib Y.N. *Kutadgu Bilig*. İstanbul: Kabaıcı yayınevi. 2008 (на тур.).
23. Малышева Н.В. Лексико-семантические параллели якутского и уйгурского языков. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014;1:76-80.

References

1. Berlin B, Kay P. *Basic color terms. Basic colour terms, their universality & evolution*. Berkeley: University of California Press. 1969.
2. Turner WW. The problem of color classification in primitive cultures (based on the Ndembu ritual). *Semiotics and artometrics*. 1972:50-81 (in Russian).
3. Vasilevich AP. *Study of vocabulary in a psycholinguistic experiment*. Moscow: Science. 1987 (in Russian).
4. Oyuunuskay PA. *Djuluruyar Nyurgun Bootur*. Djokuuskai: Sakhapolygrafizdat. 2003 (in Yakut).
5. Kononov AN. Semantics of color terms in Turkic languages. *Turkological collection*. Moscow: Science. 1975 (in Russian).
6. *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: Vol. 2*. Ed.: Luvsandendev A, Tsedendamba Ts, Pyurbееv G. Moscow: Academia. 2001 (in Russian).
7. *Explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 3*. Ed. Sleptsov PA. Novosibirsk: Science. 2006 (in Russian).
8. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 12*. Ed. Sleptsov PA. Novosibirsk: Science. 2015 (in Russian).
9. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 5*. Ed. Sleptsov PA. Novosibirsk: Science. 2008 (in Russian).
10. Rassadin VI. *Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow: Science. 1980 (in Russian).
11. Khabtagaeva B. *Etymological notes on Yakut color terms*. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019;1(2):249-267.
12. Afanasyeva EN. Development of the semantics of the color terms үрүр and мҕар in the Yakut language as evidence of language contacts. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020;18(1):45-56 (in Russian).
13. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. 7*. Ed. Sleptsov PA. Novosibirsk: Science. 2010 (in Russian).
14. Eginova SD. *Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages)*. Novosibirsk: Science. 2014 (in Russian).
15. Yakovlev VS. – Dalan. *Butey Buluu*. Djokuuskai: Sakhapoligrafizdat. 1995 (in Yakut).
16. Yakovlev VS. – Dalan. *Butey Buluu*. Translation from Yakut by L. Libedinskaya. Moscow: Sovremennik. 1986 (in Russian).
17. *Explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. I*. Ed. Sleptsov PA. Novosibirsk: Science. 2004 (in Russian).

18. Nelunov AG. *Yakut-Russian phraseological dictionary = Somogo domokh sakhalyy nuuchchalyy tyldyta. Vol. 1.* Novosibirsk: Publishing house SB RAS. 1998 (in Russian).

19. Fedotova IV, Prokopyeva AK, Shamaeva AE, Timofeeva AV. Yakut designations for a baby and the main strategies for nominating a newborn child in Turkic languages. *Ural-Altai studies*. 2023;2(49);96-111. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-49-1-96-111 (in Russian).

20. *Large explanatory dictionary of the Yakut language: Vol. II.* Ed. PA. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka. 2014 (in Russian).

21. *Phraseological dictionary of modern Russian literary language. Vol. 2.* Ed. prof. AN. Tikhonov, comp.: Tikhonov AN, Lomov AG, Korolkova AV. Moscow: Flinta: Science. 2004 (in Russian).

22. Hacib YH. *Kutadgu Bilig*. İstanbul: Kabalcı yayınevi. 2008 (in Turkish).

23. Malysheva NV. Lexical and semantic parallels of the Yakut and Uyghur languages. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. 2014;1:76-80 (in Russian).

Об авторе

ТИМОФЕЕВА Айтали́на Влади́мировна – младший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3310-942X, ResearcherID: ADV-3438-2022, SPIN: 3592-7210, e-mail: aitalina0895@gmail.com

About the author

Aitalina V. TIMOFEEVA – Junior Researcher, Research Laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3310-942X, ResearcherID: ADV-3438-2022, SPIN: 3592-7210, e-mail: aitalina0895@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 11.08.25

Принята к публикации / Accepted 09.09.25

УДК 811.512

DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-113-121

Original article

The meaning of the concrete future tense in Turkish and Mongolian languages

Uuganbayar Myagmarsuren

National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

✉ uubayar06@gmail.com

Abstract

This study offers a systematic comparative analysis of the concrete future tense in Turkish and Mongolian, addressing a notable research gap in the aspectual-temporal systems of these languages. The primary objective is to identify and contrast the morphological markers, semantic nuances, and contextual constraints that govern the expression of concrete future events, with particular emphasis on special meanings that form binary oppositions and reveal language-specific functional distinctions. Methodologically, the research employs a contrastive approach, analyzing contextualized examples from both languages, with a focus on the Turkish suffixes *-AcAk* and *-Ir* and the Mongolian suffix *-nA*. The investigation highlights how these morphological elements interact with specific syntactic and lexical environments to convey future events as concrete, non-habitual occurrences. The results demonstrate that Turkish primarily utilizes *-AcAk* for concrete future reference, while *-Ir* serves a secondary role in limited contexts, whereas Mongolian relies on *-nA* to denote events occurring after the moment of speech. Both languages require additional temporal localization through adverbs or discourse context to exclude habitual or repetitive interpretations. Furthermore, the study reveals that verbs expressing concrete future often exhibit Aktionsart properties of either generally unlimited activity or accomplishment. These findings contribute to the field of comparative aspectology by elucidating the intricate relationship between grammatical form, context and semantic interpretation. They provide new insights into the typological characteristics of aspectual-temporal expressions in Turkic and Mongolic languages. Keywords: language function, grammatical meanings, aspect and tense, aspectual-temporal special meaning, concrete factuality, concrete future, Turkish, Mongolian, context, temporal adverbials

For citation: M. Uuganbayar. The meaning of the concrete future tense in Turkish and Mongolian languages. *Arctic XXI Century*. 2025, No 3. P. 113-121. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-113-121

Оригинальная научная статья

Значение конкретного будущего времени в турецком и монгольском языках

М. Ууганбаяр

Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия

✉ uubayar06@gmail.com

Аннотация

Данная статья представляет систематический сравнительный анализ конкретного будущего времени в турецком и монгольском языках, восполняющий существенный пробел в изучении аспектуально-временных систем данных языков. Основная цель работы – выявление и сопоставление морфологических маркеров, семантических нюансов и контекстуальных ограничений, регулирующих выражение конкретной будущности, с особым акцентом на специальных значениях, формирующих бинарные оппозиции и раскрывающих языково-специфические функциональные различия. Методологически исследование основывается на контрастивном анализе контекстуализированных примеров из обоих языков с фокусом на турецких суффиксах *-AcAk* и *-Ir* и монгольском суффиксе *-nA*. Результаты демонстрируют, что турецкий язык преимущественно использует суффикс *-AcAk* для выражения конкретной будущности, в то время как *-Ir* выполняет второстепенную роль в ограниченных контекстах, тогда как монгольский язык применяет суффикс *-nA* для обозначения событий, происходящих после момента речи. Оба языка требуют дополнительной темпоральной локализации через наречия или дискурсивный контекст для исключения хабитуальных или повторяющихся интерпретаций. Кроме того, исследование выявляет, что глаголы, выражающие конкретную будущность, часто проявляют свойства Aktionsart либо неограниченной деятельности, либо достижения. Полученные результаты вносят вклад в развитие сравнительной аспектологии, проясняя сложные взаимоотношения между грамматической формой, контекстом и семантической интерпретацией, а также предоставляя новые данные о типологических характеристиках аспектуально-временных выражений в тюркских и монгольских языках.

Ключевые слова: языковая функция, грамматические значения, аспект и время, аспектуально-временное специальное значение, конкретная фактичность, конкретное будущее, турецкий, монгольский, контекст, временные наречия

Для цитирования: М. Ууганбаяр. Значение конкретного будущего времени в турецком и монгольском языках. *Арктика XXI век.* 2025, № 3. С. 113-121 (на англ.). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-113-121

Introduction

In the concrete process of language function, grammatical meanings emerge as the word forms in which the members of a category participate together. The form of the word requires that the entire group of linguistic meanings be actualized in each instance [1, p. 109-110]. Here, the integrity of meaning can result from the intersection of different categories that mutually affect each other. However, aspect and tense maintain their own identities as separate categories. At several points, aspect and tense intersect and become mutually linked and dependent.

One of the most important features of the relationship between aspectual and temporal categories is that these two categories can combine in the context of a unified aspect-tense meaning. We call this phenomenon an “aspectual-temporal special meanings.” Special meanings, which express the combined meaning of the aspectual and temporal categories in aspectual-temporal forms, can form an integrity of meaning in which the constituent parts are in harmony.

Results and Discussion

In Turkish and Mongolian, this aspectual-temporal special meaning emerges from the combination of the concrete factuality of the general aspect and the concrete future meaning of the future tense. This meaning indicates an event as a concrete and independent phenomenon that will occur in the future [2, p. 302, 292].

This meaning appears in different types of contexts, and even a minimal context is sufficient. The context should not contain elements that imply repeatability or habitual action. The meaning is temporally localized when explained.

In Turkish, the concrete future is expressed by the suffixes *-AcAk* and *-Ir*. The *-AcAk* suffix most commonly conveys this meaning; therefore, it will be referred to as the “future tense” [3, p. 65] or as a “future morpheme” [4, p. 188]. This suffix denotes an action that has not yet been realized and points to a time after the moment of speech and after the time described [4, p. 188].

The concrete future suffix *-Ir* does not carry the primary future meaning, but it is sometimes used in the sense of the concrete future [3, p. 462; 4, p. 190]. In particular, the *-Ir* suffix indicates future time and typically requires adverbials such as *bu gece* “tonight,” *yarın sabah* “tomorrow morning,” or *iki üç ay* “two to three months,” which temporally locate the event.

The Mongolian *-nA* future suffix is used to express both broad time and present time, but in some contexts it specifically conveys a concrete future meaning [5, p. 162; 6, p. 80; 7, p. 186; 8, p. 203-204].

T. Banguoğlu writes that in Turkish the future mood (general future *-AcAk* form) denotes an action that has not yet been realized and refers to a time after the moment of speech (indicatif du futur) [3, p. 465, 462]. The extensive time (indicatif de l'aoriste) is sometimes also used with a future meaning. For example:

Yedi buçukta Kastamonu'ya varacağız.

‘We will arrive in Kastamonu at seven-thirty.’

Ne zaman taşınacaksın?

‘When will you move?’

Peki, anlatırım.

‘Well, I’ll tell you.’

D. Aksan notes that in Turkish the future morpheme indicates that the action will occur after the present time and is used to describe the future within a broad time frame [4, p. 188-190]. For example:

Haftaya Giresun'a gidecek.

‘He will go to Giresun next week.’

Kitabı altı ay sonra bitireceğim.

‘I will finish the book in six months.’

Yazın çarşıya çıkar, istediklerini alırsınız.

‘In the summer we will go to the bazaar and buy what we want.’

Tatil geliyor, rahatlarsınız.

‘The holiday is coming; you will relax.’

J. Sanjaa states that in Halha Mongolian the *-nA* tense suffix (general future form) expresses an event that will occur after the moment of speech [5, p. 162]. For example:

Дайны гал тэнгэрийн бороонд унтрахгүй нь магад, харин энэ галыг дэлхийн хүн төрөлхтөн унтраана. Монголын ард түмэн унтраалцана.

‘Surely the fire of war will not be extinguished by the rain of the sky, but humankind will extinguish it, and the Mongolian people will help extinguish it.’

M. Bazarragchaa notes that in Mongolian the suffix *-nA* (general future) refers to a time after the moment of speech (*тодорхой ирээдүй* ‘certain future’) [6, p. 80]. For example:

Харин би нөгөөдрөөс хөдөө явна.

‘But I will go to the countryside the day after tomorrow.’

Чи ч бичнэ биз.

‘You may write.’

Эцсийн өдрийн жаргалыг эрхгүй чамтайгаа хуваана.

‘We will surely share the happiness of the last day with you.’

G.D. Sanjeyev explains that the form of the unfinished present (им-перфектный презент) in Mongolian can convey a future meaning in the appropriate context [7, p. 186]. For example:

Би энэ замаар очно.

‘I will go this way.’

Ts. Onorbayan states that in Mongolian the future tense form *-на*, when attached to the verb stem, indicates a time after the moment of speech [8, p. 203-204]. For example:

Манай хүү удахгүй цэргийн албанд мордоно.

‘Our son will soon leave for military service.’

Эрдэм ном сайн сурвал эх орондоо их үйл бүтээнэ.

‘If we study well, we will accomplish great work for our country.’

In the following examples, the concrete future aspectual-temporal special meaning is revealed without the support of additional context:

Turkish

Ev zaten çoktan rehinde, ilk kurtulabileceğimizle gideceğiz. Seni Galatasaray’a vereceğiz, dadınla Gulboy kadını götüreceğim, ötekileri savarız, Ahmet Ağa da gelecek.

‘The house is already in pawn; we will leave as soon as we can get free. We will give you to Galatasaray, I will take the Gulboy woman with the nanny, we will drive the others away, and Ahmet Ağa will come.’ [9, p. 132].

Hayır. Ben burada meşgulum. Mideyi kaynatsınlar. Ben sonra gelir, bakarım.

‘No. I’m busy here. Let them boil the stomach. I will come later and look.’ [9, p. 100].

Düşüncenize katılmıyorum, fakat onu söyleme ve savunma hakkınızı sonuna kadar destekleyeceğim.

‘I do not agree with your opinion, but I will fully support your right to speak and defend it.’ [10, p. 335].

Mongolian

Монгол орны түүхэнд шинэ үе эхэлнэ. Ард түмэн эрх олж улсын эзэн болно.

‘A new era will begin in the history of Mongolia. The people will gain freedom and become masters of their country.’ [11, p. 342].

Дархан манай хувьсгалт улс / Даяар монголын ариун голомт / Дайсны хөлд хэзээ ч орохгүй / Дандаа энхжин үүрд мөнхжинө.

‘Saintly revolutionary country of ours, the sacred hearth of all the Mongols, will never fall under the enemy’s feet; it will always prosper and endure forever.’ [12].

In these Turkish examples – *gideceğiz, vereceğiz, götüreceğim, savarız, gelecek, gelir, bakarım* – and Mongolian examples – *эхэлнэ, болно, мөнхжинө* – the general future forms express events that will take place in the future.

It is noteworthy that verbs expressing the concrete future often display an Aktionsart of either (i) generally unlimited activity, where the point of conclusion is arbitrary, or (ii) accomplishment, in which the action consists of processes and stages.

In the next examples, the concrete future aspectual-temporal special meaning is expressed with the help of lexical (temporal) adverbials:

Turkish

Salih bu gece yola çıkar. Biz de cümbür cemaat yarın sabah Hocaefendiye gideriz.

‘Salih leaves tonight. Our whole group will also go to Hocaefendi tomorrow morning.’ [13, p. 175].

İki üç ay sıkıntı çekeceğim... Mecburi Şemseddinle burun buruna kalacağım.

‘I will suffer for two or three months ... I will inevitably come face-to-face with Şemseddin.’ [14, p. 126].

Ve biliyorum ki bir gün o gelecek, ... bu karanlık hikayeye ... bir son çekecek.

‘And I know that one day he will come ... and bring an end to this dark story.’ [9, p. 157].

Mongolian

Энэ хавар би үр тэвэрнэ. Дулмаа маань эх болж би эцэг болно.

‘This spring I will hold my baby in my arms. Dulmaa will become a mother and I will become a father.’ [15, p. 60].

Би маргааш орой шалаа угаана.

‘I will clean the floor tomorrow evening.’ [16, p. 236].

Энэ хавар би оройн арван жилийн сургууль төгсөнө.

‘This spring I will graduate from the evening high school.’ [17, p. 61].

Улс орноо тогтоосон хойно учигтай үгээрээ тусалж чадна.

‘After establishing my country, I will be able to help with meaningful words.’ [18, p. 76].

In these Turkish examples – *çıkar, gideriz, çekeceğim, kalacağım, gelecek, çekecek* – and Mongolian examples – *тэвэрнэ, болно, угаана, төгсөнө* – the concrete future meaning emerges together with temporal adverbials such as *yarın sabah* ‘tomorrow morning,’ *iki üç ay* ‘two or three months,’ *bir gün* ‘one day,’ *энэ хавар* ‘this spring,’ and *маргааш орой* ‘tomorrow evening.’

In Mongolian, the concrete future meaning expressed by the general future form *чадна* ‘I can’ likewise emerges with a temporal adverbial, as in *улсаа байгуулсан хойно* ‘after establishing my country,’ which provides the necessary temporal localization.

Conclusion

This comparative analysis of Turkish and Mongolian demonstrates that the aspectual-temporal special meaning of the concrete future arises fundamentally from the combination of the general aspect horizon and the future tense morphemes in both languages. Specifically, the suffixes *-AcAk* and *-Ir* in Turkish, and *-nA* in Mongolian, function as markers of future orientation when used in contexts that exclude habitual or repetitive interpretations, thereby emphasizing the event’s occurrence as a discrete, independent phenomenon in the future.

This study not only deepens our understanding of the grammaticalization of future forms but also illustrates how languages leverage subtle aspectual distinctions to convey concreteness and certainty regarding future events, emphasizing the complex interplay between form, meaning, and context in tense and aspect encoding.

References

1. Bondarko AV. *Grammatical category and context*. Leningrad: Nauka. 1971 (in Russian).
2. Ergin M. *Türk Dil Bilgisi*. İstanbul: İstanbul Matbaası. 1997 (in Turkish).
3. Banguoğlu T. *Türkçenin Grameri*. Ankara: TDK Yay. 1995 (in Turkish).
4. Aksan D. *Anlambilim*. Ankara: Engin. 1997 (in Turkish).
5. Sanjaa J. *Termination conditions of verbs. Lexical structure of modern Mongolian language: The verb system of Mongolian language*. Ulaanbaatar. 1987 (in Mongolian).
6. Bazarragchaa M. *Simple sentences in modern Mongolian*. Ulaanbaatar. 1993 (in Mongolian).
7. Sanjeev GD. *Comparative grammar of Mongolian languages. Verb*. Moscow. 1963 (in Russian).
8. Onorbayan Ts. *Orchin Tsagiin Mongol Khelniy Ugzuy*. Ulaanbaatar. 1994 (in Mongolian).
9. Tanpınar AH. *Abdullah Efendi'nin Rüyalari*. İstanbul: Ahmet Halit Kitabevi. 1943 (in Turkish).
10. Buğra T. *Bu Çağın Adı*. İstanbul: Ötüken. 1990 (in Turkish).
11. Lodoidamba Ch. Tungalag Tamir. *Mongolian Literature Collection, Volume XXX*. Ulaanbaatar. 1997 (in Mongolian).

12. Damdinsuren Ts. National anthem of the Mongolian people's republic. *The Forsaken Woman, Mongolian Literature Collection, Vol. XXVI*. Ulaanbaatar. 1997 (in Mongolian).
13. Buğra T. *Küçük Ağa*. Istanbul: Ötüken. 2002 (in Turkish).
14. Karay RH. *Nasıl evlendiler? Ay Peşinde*. Istanbul: Semih Lütfi Kitabevi (in Turkish).
15. Dashdoorov S. World without cord and string. *World without cord and string Mongolian Literature Collection, Volume XXXIX* Ulaanbaatar. 1998 (in Mongolian).
16. Damdinsuren Ts. Things in Suitcase. *The Forsaken Woman, Mongolian Literature Collection, Volume XXVI*. Ulaanbaatar. 1997 (in Mongolian).
17. Dashdoorov S. Dulmaa and me, *World without cord and string, Mongolian Literature Collection, Vol. XXXIX* Ulaanbaatar. 1998 (in Mongolian).
18. Gurvan zuun. Legend of beating three hundred taichuuds. *Mongolian Literature Collection, Treasury of good Words II Vol. IX*. Ulaanbaatar. 1995 (in Mongolian).

Литература

1. Бондарко А.В. *Грамматическая категория и контекст*. Ленинград. 1971.
2. Ergin M. *Türk Dil Bilgisi*. İstanbul: İstanbul Matbaası. 1997 (на тур.).
3. Banguoğlu T. *Türkçenin Grameri*. Ankara: TDK Yay. 1995 (на тур.).
4. Aksan D. *Anlambilim*. Ankara: Engin. 1997 (на тур.).
5. Санжаа Ж. *Үйл үгийн цагаар төгсгөх нөхцөл. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт: Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо*. Улаанбаатар. 1987 (на монг.).
6. Базаррагчаа М. *Орчин цагийн монгол хэлний энгийн өгүүлбэр*. Улаанбаатар. 1993 (на монг.).
7. Санжеев Г.Д. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. Москва. 1963.
8. Өнөрбаян Ц. *Орчин цагийн монгол хэлний үгзүй*. Улаанбаатар. 1994 (на монг.).
9. Tanpınar A.H. *Abdullah Efendi'nin Rüyalari*. İstanbul: Ahmet Halit Kitabevi. 1943 (на тур.).
10. Buğra T. *Bi Çağın Adı*. İstanbul: Ötüken. 1990 (на тур.).
11. Лодойдамба Ч. *Тунгалаг Тамир. Монголын уран зохиолын дээжис, XXX боть*. Улаанбаатар. 1997 (на монг.).
12. Дамдинсүрэн Ц. *БНМАУ-ын улсын сүлд дуулал. Гологдсон хүүхэн, Монголын уран зохиолын дээжис. XXVI боть*. Улаанбаатар. 1997 (на монг.).

13. Buğra T. *Küçük Ağa*. İstanbul: Ötüken. 2002 (на тур.).
14. Karay R.H. *Nasıl evlendiler? Ay Peşinde*. İstanbul: Semih Lütfi Kitabevi (на тур.).
15. Дашдооров С. Оосор бүчгүй орчлон. *Оосор бүчгүй орчлон Монголын уран зохиолын дээжис. XXXIX боть*. Улаанбаатар. 1998 (на монг.).
16. Дамдинсүрэн Ц. Чемодантай юм *Гологдсон хүүхэн, Монголын уран зохиолын дээжис, XXVI боть*. Улаанбаатар. 1997 (на монг.).
17. Дашдооров С. Дулмаа бид хоёр. *Оосор бүчгүй орчлон. Монголын уран зохиолын дээжис, XXXIX боть*. Улаанбаатар. 1998 (на монг.).
18. Гурван зуун тайчуудыг дарсан домог. *Монголын уран зохиолын дээжис, Сайн үгсийн сан II. IX боть*. Улаанбаатар. 1995 (на монг.).

About the author

M. UUGANBAYAR – Ph.D. (Philosophy), Professor, Department of Mongolian Language and Linguistics, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: uubayar06@gmail.com

Об авторе

УУГАНБАЯР Мягмарсүрэн – Ph.D. (философия), профессор, кафедра монгольского языка и лингвистики, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия, e-mail: uubayar06@gmail.com

Conflict of interests

The author Uuganbayar Myagmarsuren is a member of editorial board of the Journal “Arctic XXI Century”. The author is not aware of any potential conflict of interest relating to this article

Конфликт интересов

Автор М. Ууганбаяр является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Автору не известно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Submitted / Поступила в редакцию: 27.08.25

Accepted / Принята к публикации: 10.09.25

Научное издание

АРКТИКА XXI ВЕК

**Научный журнал
3(41) 2025**

Главный редактор *А. Н. Николаев*

Заместитель главного редактора *Н. В. Малышева*

Ответственный секретарь *М. А. Осорова*

Технический редактор *А. П. Васильева*

Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*

Фото на обложке *Н. Н. Слепцова*

Печатается в авторской редакции

Печать цифровая. Подписано в печать 29.09.2025.

Формат 70х100/16. Печ. л. 9.91. Уч.-изд. л. 10,16. Тираж 25 экз. Заказ № 187.

Дата выхода в свет 30.09.2025

Цена свободная.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета

Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

